

390/47

ПСИХОЛОГИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ

АРИСТОТЕЛЯ.

ВЫПУСКЪ I.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ О ДУШѢ

(Περὶ ψυχῆς ἱστορία).

ПЕРЕВОДЪ СЪ ГРЕЧЕСКАГО

В. Снегирева.

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.

1885.

150
81

390/4

ПСИХОЛОГИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ

АРИСТОТЕЛЯ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ГРЕЧЕСКАГО

В. Снегирева.

Проведено 1967

26622

Проведено
1936 г.

72

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.

1885.

2010

109
A 815

~~Handwritten scribbles~~

1874
19

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ

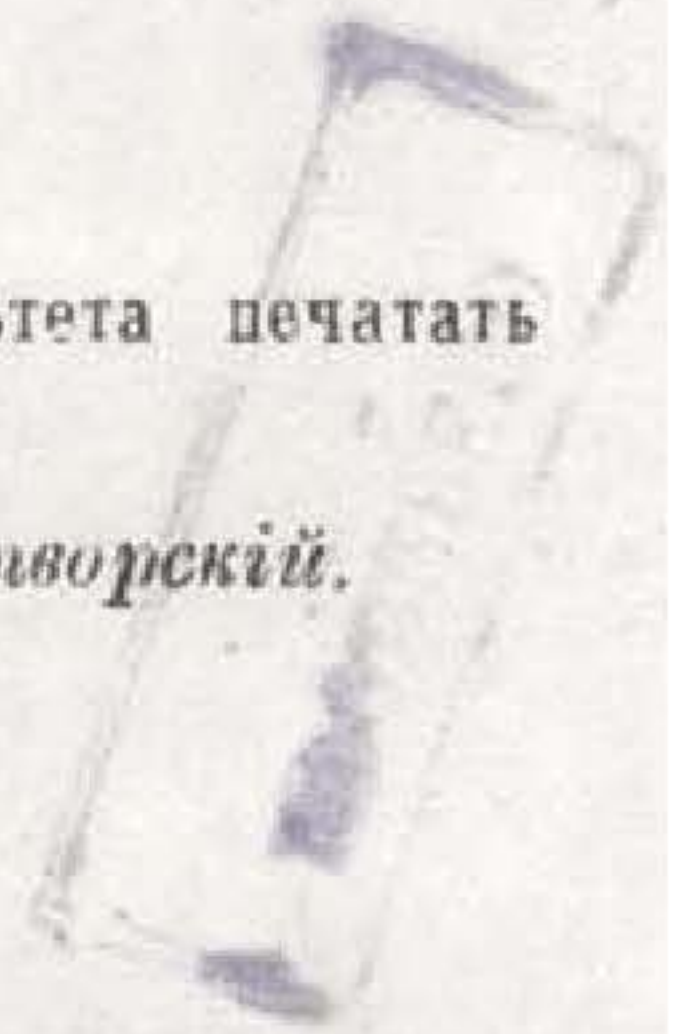
ФАКУЛЬТЕТА

По определению историко-филологического факультета печатать
дозволяется 19 ноября 1874 года.

Деканъ И. Добротворскій.

Деканъ И. Добротворскій.

В. Г. Гусевъ.

Handwritten notes and scribbles

КАЗАНЬ

Историко-филологический факультет

1874

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Психологическія сочиненія Аристотеля, принадлежащія, вмѣстѣ съ сочиненіями, относящимися къ логикѣ, къ числу лучшихъ его произведеній, представляютъ, во всѣхъ отношеніяхъ, въ высшей степени замѣчательный памятникъ научнаго творчества классической древности, заслуживающій вниманія всякаго, интересующагося исторіею науки, не только спеціалиста-психолога. Это первый опытъ спеціальнаго изслѣдованія психическихъ явленій, изслѣдованія методическаго, основывающагося на наблюденіи фактовъ психической жизни во всѣхъ главныхъ ея проявленіяхъ ⁽¹⁾. Имъ не только полагается прочное основаніе науки о душѣ, какъ отдельной самостоятельной отрасли эмпирическаго знанія и философіи, но опредѣляется планъ, содержаніе и характеръ всѣхъ послѣдующихъ изслѣдованій психологическихъ въ теченіи всѣхъ среднихъ вѣковъ и даже въ новое время у философовъ идеалистовъ—съ Декарта до Гегеля включительно. Начиная съ перваго вѣка предъ Р. Х., — со времени изданія Андроникомъ Родосскимъ ⁽²⁾ въ полномъ собраніи

⁽¹⁾ Правда, по свидѣтельству Діогена Лаэртія еще Демокритъ написалъ нѣсколько спеціальныхъ сочиненій, относящихся къ психологіи (*περὶ ἀνθρώπων ψυχῆς ἢ περὶ σαρκὸς β', περὶ νῦ, περὶ αἰσθησῶν. Ταῦτα τίνες ἄμψι γράφοντες*, прибавляетъ Діогенъ, *περὶ ψυχῆς ἐπιγυράφωσι. Diog. Laërt. IX, с. 7. 46*). Но эти сочиненія по своему характеру, насколько онъ извѣстенъ, не могутъ считаться научнымъ и методическимъ изслѣдованіемъ фактовъ психическихъ. То же самое нужно сказать о психологическихъ діалогахъ Платона.

⁽²⁾ Около 70 г. до Р. Х. Если сказаніе о судьбѣ сочиненій Аристотеля, долго будто-бы лежавшихъ въ подвалѣ, и не вѣрно—фактъ

сочиненій Аристотеля, психологическія сочиненія этого философа начинаютъ воспроизводиться въ изслѣдованіяхъ другихъ мыслителей сначала по частямъ и въ отрывкахъ, какъ у Филона ⁽¹⁾, Плотина, Порфирія, потомъ цѣликомъ — въ формѣ комментаріевъ и парафразовъ, важнѣйшіе изъ которыхъ суть комментаріи Александра Афродисскаго ⁽²⁾, Θεμισтіа ⁽³⁾, Филопона ⁽⁴⁾ и Симплиція ⁽⁵⁾. Въ этихъ заимствованіяхъ и воспроизведеніяхъ психологическая теорія Аристотеля подвергается нечувствительно существеннымъ измѣненіямъ: она незамѣтно сливается съ платоновскою и неоплатоническою метафизикою души, чему способствуетъ ученіе Аристотеля объ умѣ „дѣятельномъ“ и нѣсколько мимоходомъ сказанныхъ словъ о его особенной, высшей природѣ ⁽⁶⁾. Въ этой измѣненной формѣ психологія Аристотелевская усвояна была и христіанскими писателями, что особенно ясно изъ психологическаго сочиненія Григорія Нисскаго ⁽⁷⁾ и еще болѣе — Намезія ⁽⁸⁾, и такимъ образомъ слилась съ христіанскою антропологіею и имѣла вліяніе на формальную обработку многихъ догматовъ. Въ неоплатонической переработкѣ психологія Аристотеля за тѣмъ перешла къ арабскимъ философамъ, которые тоже комментировали его психологическія сочиненія. Важнѣйшій изъ этихъ комментаріевъ есть комментарий Ибнъ-Рошда или Аверроеса ⁽⁹⁾, который переведенъ былъ въ первой половинѣ XIII вѣка на латинскій языкъ и, вмѣстѣ съ произведеніями въ томъ же родѣ Авиценны, послужилъ главнымъ источникомъ для психологовъ

собранія и изданія ихъ Андроникомъ не подлежитъ сомнѣнію; также и то, что они съ этого времени становятся общезвѣстными. См. Grote Aristotle. T. I. 30—37. Zeller. Die Phil. d. Griechenlands. T. II. 81—93.

⁽¹⁾ Carus. Gesch. der Psychologie 365. S.

⁽²⁾ Александръ составилъ также по образцу Аристотеля „двѣ книги о душѣ“. Его *ὑπόμνημα* на *περὶ ψυχῆς* — не сохранился, также *ὑπόμνημα* *εἰς τὸ περὶ αἰσθητικῆς*. Fabricius. Bibl. Graec. T. V. 605.

⁽³⁾ *ὑπόμνημα* на *περὶ ψυχῆς* и трактатъ *περὶ μνήμης καὶ ἀναμνήσεως*. Phot. Bibl. Cod. 74 p. Изданіе Мина.

⁽⁴⁾ Около сред. VI вѣка. Fabric. Bib. Graec. T. X. 647 p.

⁽⁵⁾ Krug. Philos. Lexicon. T. III. 755.

⁽⁶⁾ De An. Lib. I, c. IV, n. 43. Lib. III, c. 5.

⁽⁷⁾ *Περὶ ἀνθρώπου κατασκευῆς*. Patr. curs. completus. T. 14.

⁽⁸⁾ *Περὶ φύσεως ἀνθρώπου*. Bibl. veter. patr. Gollandi. T. VII.

⁽⁹⁾ Stöckl. Gesch. d. Philos. d. Mittelalt.

схоластиковъ (¹). По образцу его составленъ въ средніе вѣка цѣлый рядъ комментаріевъ на психологическія сочиненія Аристотеля, текстъ которыхъ подлинный не былъ извѣстенъ и брался въ томъ видѣ, въ какомъ былъ онъ у Авицены и Аверроеса. Важнѣйшіе изъ этихъ комментаріевъ принадлежатъ: Алберту Великому (²), Томѣ Аквинату (³), Эгидію Калоннѣ (⁴), аббату Гумберту (⁵), Дунсъ Скотусу (⁶), Буридану (⁷). Преподаваніе психологіи въ средневѣковыхъ университетахъ тоже состояло въ комментированіи сочиненій психологическихъ Аристотеля, сначала по латинскимъ переводамъ его съ арабскаго, а потомъ и въ подлинномъ видѣ (⁸). Рядомъ съ комментаріями являлись и самостоятельные опыты построенія психологіи; но для нихъ главнымъ источникомъ были тѣ же комментаріи. Этихъ опытовъ особенно много явилось въ эпоху возрожденія (⁹), когда и наука о душѣ получила свое нынѣшнее названіе—психологіи (¹⁰). Къ прибавкамъ неоплатоническимъ, арабскимъ и дополненіямъ христіанскихъ писателей первыхъ вѣковъ схоластики прибавили не мало своихъ собственныхъ измышленій и все это построили въ стройную систему. Эта-то система и извѣстна подъ именемъ схоластической психологіи, также аристотеле-схоластической; но иногда называется, совершенно несправедливо аристотелевскою, потому что эта послѣдняя была только, такъ сказать, поводомъ къ созданію первой и дала ей часть содержанія. Система схоластической психологіи есть созданіе вполне искусственное, мертвое, имѣющее весьма мало отношенія къ дѣйствительнымъ фактамъ душевной жизни, потому съ самаго начала новой философіи выражается стремленіе и дѣлаются попытки преобразовать ее. Но эти попытки у Декарта, Вольфа, Канта не приводятъ ни къ че-

(¹) Renan. Averroës et averroism. Ch. II.

(²) De anima libri III; parva naturalia Stöckl. O. c.

(³) Commentarius de anima; commentarius de parvis naturalibus. Ibid.

(⁴) Commentarius in Aristotelis de anima. Ibid.

(⁵) Commentarius de anima. Ibid.

(⁶) Quaestiones in libros de anima. Ibid.

(⁷) Commentarius de anima; parva naturalia. Ibid.

(⁸) Hamilton. Lectures on Metaph. T. I. 127 p.

(⁹) Carus Gesch. der Psychol. 433—436.

(¹⁰) Ibid. 433. Въ первый разъ это названіе явилось у Отто Гасмана.

му существенному. Прибавляется нѣчто новое, особенно въ ученіи объ ощущеніяхъ, благодаря успѣхамъ фізіологіи, а сущность, основная идея, приемы изслѣдованія и прочее— все остается схоластическое. Такимъ образомъ психологія Аристотеля, обремененная правда чуждыми ей добавленіями и толкованіями, не потеряла значенія до настоящаго времени. Она въ этомъ видѣ глубоко проникла въ умственную жизнь западной Европы, — ея взгляды слились съ значеніемъ словъ во всѣхъ языкахъ, вошли въ составъ религіозныхъ ученій о человѣкѣ и даже о Богѣ и т. п., потому получили родъ санкціи. Все это дѣлаетъ ее тяжелымъ бременемъ и сильнымъ тормозомъ въ развитіи эмпирической науки о душѣ. Борьба съ схоластическимъ Аристотелемъ, давно оконченная съ блистательнымъ успѣхомъ въ области познанія внѣшней природы, — естествознанія, въ области науки о душѣ только еще можно сказать начинается и Аристотель схоластическій даетъ себя очень непріятно чувствовать участникамъ въ этой борьбѣ. Правда въ Англии и Шотландіи, подъ вліяніемъ Бэкона и Локка, реформаторскія попытки въ области психологіи были успѣшнѣе, чѣмъ на континентѣ Европы, и здѣсь психологія постепенно сформировалась по образцу наукъ естественныхъ⁽¹⁾, правда идея новой, чуждой всего схоластическаго, психологіи въ послѣднее время начинаетъ проникать всюду; но до полной побѣды надъ схоластикой еще очень далеко. Подъ вліяніемъ борьбы съ схоластикой образовалось самое враждебное отношеніе къ Аристотелю, на котораго вваливали всю вину пустоты и нелѣпостей схоластики. Въ слѣдъ за Бэкономъ его стали считать какимъ-то злымъ гениемъ Европы, отравившимъ ея умственную жизнь, и къ сочиненіямъ его вообще, и въ частности къ психологическимъ, стали относиться презрительно. Но съ возрастаніемъ успѣховъ новой психологіи и знакомства съ классическою древностію взглядъ этотъ мало по малу измѣнился. Оказалось, что дѣйствительная психологія Аристотеля, какъ уже замѣтилъ Кабанисъ, по основной идеѣ, отчасти по приемамъ изслѣдованія имѣетъ весьма мало общаго съ схоластическою и ея видоизмѣненіями и стоитъ весьма близко къ истиннымъ началамъ эмпирической науки о душѣ⁽²⁾, какъ она пони-

(¹) Тронцій. Нѣмец. психологія.

(²) Lewes. Aristoteles.

маются у лучшихъ представителей ея новаго времени; что черезъ 20 вѣковъ онъ въ своихъ психологическихъ произведеніяхъ непосредственно примыкаетъ къ новой эмпирической психологіи, тогда какъ всѣ произведенія, явившіяся съ его авторитетомъ и именемъ во все это время становятся постепенно не нужнымъ хламомъ и наборомъ словъ.

Историческая роль и судьба психологическихъ произведеній Аристотеля очевидно имѣетъ много сходства съ судьбою его логики. Аристотель, какъ извѣстно, создалъ логику, какъ и психологію, и понималъ эту науку во всей ея широтѣ. Логика была для него анализомъ процесса доказательства⁽¹⁾. Онъ ясно понималъ, что процессъ этотъ имѣетъ двѣ стороны,—выводъ общаго изъ частнаго (*επαγωγή*) и выводъ частнаго изъ общаго, онъ показалъ, что первый необходимо предшествуетъ послѣднему, что все наше знаніе проистекаетъ изъ опыта и зиждется на опытѣ⁽²⁾; но въ тоже время онъ видѣлъ, что всякая истина становится вполне несомнѣнною тогда только, когда она не только выводится изъ частнаго, но и подводится подъ общую, высшую и болѣе несомнѣнную истину, указывается какъ составная часть этой истины (*αποδείκνεται*)⁽³⁾. Такъ какъ у него не было достаточнаго количества опытовъ индуктивнаго изслѣдованія и опытная наука создавалась имъ же самимъ, то у него не было возможности отвлечь законы наведенія и подвергнуть подробному анализу этотъ процессъ, котораго значеніе онъ понималъ вполне. Его вниманіе остановилось на второй половинѣ процесса доказательства, которая вслѣдствіе особой конструкціи человѣческой мысли, есть обычный пріемъ доказыванія. Здѣсь у Аристотеля былъ богатый матеріалъ для отвлеченія общихъ законовъ,—множество простыхъ всякому доступныхъ фактовъ. И его анализъ дедуктивнаго процесса или силлогизма, не смотря на то, что онъ работалъ здѣсь почти безъ предшественниковъ⁽⁴⁾, есть совершенно законченная теорія и къ ней доселѣ не прибавлено ничего су-

(1) Anal. post. II, 19; Topica I, 1; Metaph. IV, 3.

(2) Особенно ясныя мѣста: Anal. post. I, с. 18, II, с. 19; Anal. prior. I, 10; Ethic. ad Nicom. VI, 5.

(3) Anal. post. II, с. 5.

(4) Soph. elench. с. 34.

щественно новаго и прибавить нельзя, какъ справедливо замѣтилъ Кантъ. Естественно эта часть логики Аристотеля, при послѣдовавшемъ общемъ упадкѣ творческой дѣятельности въ наукѣ, остановила на себѣ преимущественное вниманіе изслѣдователей, а его ученіе объ опытѣ и наведеніи осталось безъ всякаго вниманія. Силлогизмъ сталъ мыслиться орудіемъ науки, не нуждающимся въ предварительномъ опытѣ и наведеніи, совершенно вопреки ученію Аристотеля, и идея логики существенно была искажена. Когда Бэконъ развивалъ свою теорію наведенія, то и не подозрѣвалъ, что онъ продолжаетъ только то, что началъ Аристотель, развиваетъ его мысли, высказанныя правда кратко и обще, но весьма ясно и опредѣленно.—Подобнымъ же образомъ, Аристотель весьма широко и правильно понималъ психологію. Онъ мыслилъ ее, какъ нераздѣльную часть наукъ естественныхъ и ея метода не различалъ отъ метода физики и вообще естественно-научнаго метода⁽¹⁾, какъ онъ его понималъ. Онъ представлялъ предметъ науки о душѣ, какъ совокупность всѣхъ явленій психической жизни, составляющей принадлежность всего животнаго и даже растительнаго царства и прогрессивно развивающейся до высшихъ явленій духовной жизни человѣка. Задачею этой науки онъ ставилъ изслѣдованіе явленій душевной жизни и отысканіе общаго и неизмѣннаго въ нихъ⁽²⁾. Анализъ душевныхъ явленій онъ неразрывно связывалъ съ анализомъ физиологическихъ явленій и состояній тѣла. Но выполнить этотъ широкій и вполне научный планъ Аристотель не могъ, какъ не могъ развить теоріи наведенія въ логикѣ. Признавая всю важность метода опытнаго при изслѣдованіи души, онъ на самомъ дѣлѣ не могъ приложить его во всей широтѣ и точности. Вслѣдствіе недостаточности знаній и вѣры въ силу разума, онъ не останавливался долго на наблюденіи фактовъ, не подвергалъ ихъ тому осторожному, мелочному изслѣдованію, которое необходимо для ихъ объясненія. Онъ быстро обобщалъ казавшіеся ему вѣрными факты и за тѣмъ начиналъ силлогизировать, въ чемъ онъ былъ великій мастеръ. Такъ поступалъ онъ въ физикѣ, въ исторіи

(¹) De An. L. I. c. 1 n. 2, II, Metaph. V. 1.

(²) Ibid. I, 2.

животныхъ, анатоміи и т. п. (¹). Тѣ же самые недостатки оказались, и въ изслѣдованіи психическихъ явленій. И здѣсь Аристотель начинаетъ съ опредѣленія сущности души и и обобщаетъ безъ провѣрки факты и его психологія является опытною только по идеѣ, а не на самомъ дѣлѣ. При изслѣдованіи явленій обнаруживается таже поспѣшность и преобладаніе гипотетическихъ обобщеній и метафизики. Раздѣленныя довольно правильно на нѣсколько группъ, явленія душевной жизни характеризуются какъ продуктъ дѣятельности скрытыхъ силъ (*dynamis*) существующихъ въ душѣ и только. Изъ всего этого легко видѣть, что планъ науки о душѣ, идея ея широка и вѣрна въ сущности, но осуществленіе ея неудачно и представляетъ дѣйствительно только основаніе и зародышъ науки какъ выражается Форляге (²). Эти двѣ стороны нужно строго различать, что бы правильно оцѣнить трудъ Аристотеля. Какъ же отнеслись къ изслѣдованію Аристотеля послѣдующіе мыслители, для которыхъ онъ былъ великимъ авторитетомъ? Они постепенно ступали и уничтожили первую сторону его психологіи, которая открывала широкій просторъ для развитія и усовершенствованія науки и тѣмъ самымъ глубоко, въ самой сущности исказили построеніе его, лишивъ его всякой жизненности. Въ тоже время они сохранили, развили всѣ его недостатки и ошибки, добавили ихъ метафизикою и превратили психологію изъ опытной науки въ часть пневматологіи, наравнѣ съ ангелографіею. Отъ психологіи Аристотеля т. о. осталось только то, что было въ ней самаго дурнаго, неспособнаго къ развитію, и все это дурное было еще болѣе испорчено.

Изъ сказаннаго легко видѣть, что психологическія сочиненія Аристотеля интересны не только какъ археологическій памятникъ, принадлежащій къ тому же одному изъ величайшихъ и вліятельнѣйшихъ мыслителей Европы, но какъ живая, дѣйствующая сила, имѣющая доселѣ въ извѣстномъ отношеніи значеніе, и переводъ ихъ на русскій языкъ не требуетъ оправданія.—Они представляютъ рядъ тѣсно связанныхъ между собою, составляющихъ, можно сказать, одно

(¹) Lewes. Aristoteles. Deutsche Uebersetz. 225.

(²) System d. Psychol. T. I. Einleit.

цѣлое—трактатовъ изъ которыхъ главный и основной есть „Исслѣдованіе о душѣ“ (*περὶ ψυχῆς ἰσότης*). Въ немъ представлена исторія и критика предшествовавшихъ ученій о душѣ, установлены принципы и методъ изслѣдованія, дано опредѣленіе души, классификація главныхъ группъ явленій душевныхъ и общая ихъ характеристика. Трактатъ этотъ не представляетъ полной системы психологій, а есть только изложеніе главнаго, основнаго, руководительнаго,—общій обзоръ этой системы—то, что нѣмцы называютъ *Grundriss*, *Grundlegung der Psychologie* и имѣетъ сходство пожалуй съ *Principles of Psychology* Герберта Спенсера, конечно въ общемъ. Имъ предполагается рядъ другихъ болѣе специальныхъ изслѣдованій, которыя дѣйствительно и написаны Аристотелемъ и непосредственно примыкаютъ къ „Исслѣдованію“. Такъ въ „Исслѣдованіи“ опущены нѣкоторыя стороны въ ученіи объ ощущеніяхъ и это восполняется въ особомъ трактатѣ—„объ ощущеніяхъ и ощущаемомъ“ (*περὶ αἰσθήσεως καὶ αἰσθητῶν*); такъ далѣе въ „Исслѣдованіи“ не упоминается о памяти и этотъ пробѣлъ восполняется особымъ трактатомъ—„о памяти и воспоминаніи“ (*περὶ μνήμης καὶ ἀναμνήσεως*); такъ весьма кратко говорится здѣсь о движеніи и связанныхъ съ нимъ тѣсно психическихъ состояніяхъ стремленія и чувства удовольствія и неудовольствія и этотъ недостатокъ вознаграждается трактатомъ „о движеніи животныхъ“ (*περὶ ζῴων κινήσεως*). Также точно служатъ дополненіемъ и продолженіемъ изслѣдованія трактаты: „о снѣ и бодрствованіи“ (*περὶ υπνῆ καὶ ἐγρηγόρευσεως*), „о сновидѣніяхъ“ (*περὶ ἐνυπνίων*), „о предсказаніи будущаго во снѣ“ (*περὶ τῆς καθ' υπνόν μαντικῆς*), „о юности и старости, жизни и смерти“ (*περὶ νεότητος καὶ γῆρας, περὶ ζωῆς καὶ θανάτου*). Къ этому же разряду сочиненій обыкновенно относится еще трактатъ „о дыханіи“ (*περὶ ἀναπνοῆς*), но въ немъ нѣтъ рѣшительно ничего психологическаго и потому мы исключаемъ его изъ предлагаемаго собранія психологическихъ сочиненій на русскомъ языкѣ. Всѣ мелкіе психологическія трактаты Аристотеля обыкновенно соединяются подъ однимъ общимъ заглавіемъ—*purva naturalia*.—Предлагаемый переводъ произведенъ съ греческаго текста по изданію Didot 1854 (*Aristotelis opera omnia* T. III). При переводѣ *περὶ ψυχῆς* взято было во вниманіе также изданіе Торстрика, которое представляетъ нѣкоторыя, несущественныя впрочемъ, различія. Пособіемъ при переводѣ служили: 1) латинскій переводъ въ

изданіи Дидо, 2) французскій переводъ Бартелеми Сентъ-Илера (¹), 3) нѣмецкій переводъ Кархмана (²). Переводъ Сентъ-Илера снабженъ весьма подробными и обширными примѣчаніями, которыя оказали большую помощь при передачѣ нѣкоторыхъ, особенно трудныхъ мѣстъ подлинника. Весьма полезно было также сочиненіе Brentano *Die Psychologie des Aristoteles, insbesondere seine Lehre vom ψυχή ποιητικόν* и статья Грота—*De Anima* (³).

Казань.
1874 года.

(¹) *Psychologie d' Aristote*. Paris. 1846.

(²) *Philos. Bibliothek* T. 43.—переводъ *περί ψυχῆς*. Существуютъ два другіе нѣмецкіе перевода этого сочиненія: Voigt. *Aristoteles über die Seele* 1829 и Weisse. *Aristoteles von der Seele*. Leipz. 1829. На французскомъ языкѣ есть также переводъ 1641; на англійскомъ—Colier. *Aristotle on the vital principle*. 1855.

(³) *Aristotle*. T. II. London. 1872.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ О ДУШѢ ⁽¹⁾.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Г л а в а I.

1) Признавая всякое знаніе дѣломъ прекраснымъ и достойнымъ уваженія, но въ то же время ставя одно знаніе выше другаго, или какъ болѣе трудное, или какъ относящееся къ предметамъ болѣе возвышеннымъ и удивительнымъ ⁽²⁾, мы должны, по обѣимъ этимъ причинамъ, справедливо дать изслѣдованію о душѣ одно изъ первыхъ мѣстъ. Кажется также, что знаніе души весьма много способствуетъ познанію всей истины ⁽³⁾, особенно же познанію природы, такъ какъ душа есть какъ-бы основа всѣхъ живыхъ существъ. Мы потому намѣрены изслѣдовать и опредѣлить ея природу и сущность, также ея проявленія, изъ которыхъ одни, повидимому, суть ея собственные состоянія, другія

⁽¹⁾ *Περὶ ψυχῆς ἰσότης*. Латинскіе комментаторы и переводчики постоянно опускаютъ слово *ἰσότης* и озаглавливаютъ сочиненіе просто—*de anima*. Weisse и Kirchmann то же сдѣлали въ нѣмецкомъ переводѣ, назвавъ его *Ueber die Seele*. Colier, опустивши *ἰσότης*, далъ широкій смыслъ самому слову *ψυχή* и перевелъ—*on the vital principle*. Бартелеми—С. Илеръ перевелъ слово *ἰσότης* словомъ *traité*, весьма близкимъ, въ данномъ случаѣ, къ широкому смыслу слова *ἰσότης*, какъ и русское слово «изслѣдованіе». Torstrik справедливо находитъ, что слово *ἰσότης* здѣсь соответствуетъ латинскимъ *indagatio, investigatio*. Arist. de Anima. 1862. 112 p.

⁽²⁾ О сравнительномъ достоинствѣ знаній см. Anal. prior. I, 27. De part. animal. I, 5.

⁽³⁾ Многие комментаторы думаютъ, что подъ *ἀλήθεια ἀπασα* Аристотель разумѣетъ философію, потому что психологія имѣетъ дѣйствительно важное значеніе въ рѣшеніи всѣхъ философскихъ вопросовъ. V. S. Hilaire. *Traité de l'ame* p. 96. Nota.

суть состоянія живыхъ существъ, обусловливаемые ея присутвіемъ.

2) Дать точное понятіе о душѣ, дѣло во всѣхъ отношеніяхъ чрезвычайно трудное. При существованіи общихъ вопросовъ относительно многихъ предметовъ, — я разумѣю вопросы о сущности и природѣ, — долженъ кажется существовать одинъ какой-либо методъ для изслѣдованія сущности всѣхъ предметовъ, точно такъ же какъ одинъ методъ для изслѣдованія свойствъ каждаго изъ нихъ. Въ такомъ случаѣ нужно отыскать этотъ методъ. Если же нѣтъ одного метода для изслѣдованія сущности и свойствъ, то дѣло становится еще труднѣе, потому что является необходимость для каждаго предмета искать особый приѣмъ изслѣдованія. Наконецъ, когда будетъ открыто, что изслѣдованіе должно идти, положимъ, путемъ демонстраціи, раздѣленія или какимъ-либо другимъ методомъ, возникаютъ новыя затрудненія и недоумѣнія; является вопросъ, изъ какихъ началъ должно выходить изслѣдованіе, потому что начала различныхъ предметовъ неодинаковы, какъ напр. не одни и тѣже начала чиселъ и поверхностей⁽¹⁾.

3) Можетъ быть прежде всего нужно опредѣлить къ какому роду предметовъ душа относится, т. е. есть ли она самостоятельное существо и сущность, или качество, или количество, или относится къ какой-либо другой изъ установленныхъ нами категорій, также есть ли она нѣчто существующее только въ возможности или дѣятельная сила. Опредѣленіе всего этого имѣетъ не малую важность. 4) Далѣе, нужно подвергнуть изслѣдованію, — состоитъ душа изъ частей или нѣтъ, и если — нѣтъ, то видовое или родовое различія существуетъ между душами? Это нужно потому, что доселѣ писатели о душѣ и изслѣдователи ея имѣли кажется въ виду исключительно человѣческую душу. 5) Кромѣ того не должно опускать изъ виду и того, есть ли понятіе о душѣ одно, какъ напр. понятіе о животномъ, или особое для души каждаго живаго существа, какъ то — лошади, собаки, человѣка, бога; при этомъ не нужно забывать, что живое существо какъ общее понятіе или вовсе не существуетъ въ

⁽¹⁾ Подробности объ этомъ см. Anal. post. L. I, cc. 9, 10, 11.

дѣйствительности, или есть нѣчто являющееся послѣ (¹), и что тоже самое имѣетъ силу относительно всякаго общаго понятія. 6) Наконецъ, если не существуетъ многихъ различныхъ душъ, а есть только части души, то является вопросъ, что прежде изслѣдовать всю душу или ея части? При изслѣдованіи самыхъ частей является затрудненіе относительно опредѣленія того, какія изъ нихъ различаются между собою по природѣ, и что нужно изслѣдовать—самыя ли эти части или ихъ дѣятельность,—мышленіе или умъ, ощущеніе или способность ощущенія? Также самое и относительно всѣхъ другихъ способностей. 7) Если нужно изслѣдовать прежде дѣятельности, то опять является недоумѣніе, не должно ли подвергнуть изслѣдованію сначала ихъ объекты, напр. ощущаемое прежде ощущенія, мыслимое прежде мышленія? 8) Несомнѣнно, что для познанія причинъ, которыми производятся явленія въ предметахъ (²), необходимо знаніе сущности ихъ,—какъ напр. въ математикѣ необходимо знать, что такое прямота и кривизна, что такое линія и что такое поверхность, для того, чтобы опредѣлить, сколькимъ прямымъ угламъ равны углы трехугольника,—но въ свою очередь знаніе явленій весьма много способствуетъ познанію сущности. Потому что, если мы будемъ въ состояніи ясно представить себѣ всѣ или большую часть явленій, то будемъ имѣть возможность ясно и опредѣленно говорить и о сущности. Сущность есть основа всякаго доказательства и тѣ изъ ея опредѣленій, по которымъ нельзя познать явленій и даже нельзя составить о нихъ предположенія, очевидно всѣ будутъ діалектическими и пустыми.

9) При изслѣдованіи состояній души также представляется трудный вопросъ, всѣ ли эти состоянія у ней общи съ тѣломъ, или есть между ними принадлежащія одной душѣ? Рѣшить этотъ вопросъ необходимо, но не легко. Кажется, что большая часть ихъ,—дѣйствіе и страданіе, также

(¹) ὕστερον. Аристотель хочетъ сказать, что понятіе есть результатъ отвлеченія и является только въ мышленіи, которое обуславливается бытіемъ предметовъ и позднеѣ ихъ—ὕστερον. Схоластики обозначали это терминомъ—*substantia post rem*.

(²) Οὐσία у Аристотеля не тождественно съ метафизическимъ терминомъ сущность, субстанція, а обозначаетъ цѣлое существо и можетъ быть во многихъ случаяхъ, какъ и въ данномъ, переведено удобно словомъ—предметъ.

гнѣвъ, самоувѣренность, желаніе и вообще всякое чувство ни какъ не могутъ быть безъ участія тѣла; но мышленіе, повидимому, есть дѣйствіе одной души. Однакоже, такъ какъ оно состоитъ изъ образовъ воображенія, по крайней мѣрѣ не можетъ обойтись безъ ихъ участія, то значить и оно не можетъ совершаться безъ тѣла. 10) Если какія-либо изъ дѣятельностей и состояній души принадлежатъ ей одной, то ее можно представить какъ отдѣльное существо. Если же нѣтъ ничего ей одной принадлежащаго, то она неотдѣлима отъ тѣла и должна мыслиться точно такъ же какъ напр. прямая линія. Прямая линія можетъ находится въ различныхъ положеніяхъ, напр. касаться въ одномъ только пунктѣ мѣднаго шара; но это прикосновеніе производится не прямою самою по себѣ, а тѣломъ, въ которомъ она всегда находится и отъ котораго неотдѣлима. Подобнымъ же образомъ и всѣ состоянія души, — гнѣвъ, кротость, страхъ, милосердіе, самоувѣренность, также радость, любовь и ненависть — находятся въ связи съ тѣломъ, потому что съ явленіемъ ихъ въ душѣ и тѣло подвергается измѣненію. Бываетъ даже, что при сильныхъ и очевидныхъ возбужденіяхъ иногда не является никакого сильнаго волненія или страха въ душѣ, иногда же незначительныя и темныя возбужденія производятъ волненіе, — именно въ тѣхъ случаяхъ, когда находится въ сильномъ возбужденіи тѣло, и приходитъ въ такое состояніе, въ какомъ оно бываетъ во время гнѣва. Зависимость этихъ волненій отъ тѣла особенно очевидна въ тѣхъ случаяхъ, когда безъ всякой причины, могущей возбудить страхъ, нѣкоторые обнаруживаютъ всѣ признаки страха. А если это такъ, то ясно, что страстныя состоянія имѣютъ свой источникъ въ матеріи. Потому состоянія, подобныя гнѣву, опредѣляются какъ движеніе такого то тѣла, или части и способности тѣла, производимое тѣмъ-то и съ такою то цѣлію. 11) Въ слѣдствіе всего этого изслѣдованіе какъ всей души, такъ и этихъ ея состояній есть дѣло физика ⁽¹⁾. Но физикъ опредѣлитъ каждое изъ этихъ состояній не такъ какъ діалектикъ ⁽²⁾. Последний, опредѣляя наприм.

(1) *φυσικῆ τὸ θεωρεῖσθαι περὶ ψυχῆς*. Слово *φυσικός* соответствуетъ въ данномъ случаѣ нынѣшнему — физиологъ.

(2) *διαλεκτικός* — изслѣдователь, основывающійся на умозрѣніи; въ данномъ случаѣ, — изслѣдователь, основывающійся на внутреннемъ наблюдѣніи.

гнѣвъ скажетъ, что онъ есть стремленіе отмстить причиненную обиду или что нибудь въ этомъ родѣ, первый же опредѣлитъ гнѣвъ какъ кипѣніе крови или теплоты находящейся около сердца. Въ этомъ случаѣ одинъ обращаетъ вниманіе на матерію, другой на форму и понятіе. Понятіе есть форма предмета, но если предметъ дѣйствительно существуетъ, оно необходимо соединено съ какимъ либо опредѣленнымъ веществомъ. Такъ понятіе дома наприм. состоитъ въ томъ что онъ есть убѣжище, защищающее отъ вѣтровъ, дождя и зноя; но одинъ изслѣдователь назоветъ его совокупностію камней, кирпичей и дерева, другой же обратитъ вниманіе на форму, осуществленную въ этихъ веществахъ съ опредѣленною цѣлю. Который же изъ нихъ естествоиспытатель? Тотъ, который, обращая вниманіе на вещество, не знаетъ понятія, или тотъ, который имѣетъ въ виду только понятіе? Не тотъ ли скорѣе, который обращаетъ вниманіе на то и другое? Но кто же каждый изъ этихъ изслѣдователей? Состоянія матеріи, неотдѣлимая отъ нея и настолько насколько они не отдѣлимы—не составляютъ ли предметъ изслѣдованія одного и именно физика, который изслѣдуетъ всѣ дѣйствія и состоянія опредѣленныхъ тѣлъ и опредѣленнаго вещества? Все же то, что не относится къ этому роду, изслѣдуется другими. Именно одна часть служитъ предметомъ для художника или же, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, архитектора и врача. Другая часть, состоящая изъ свойствъ тѣлъ, неотдѣлимыхъ отъ нихъ, но которыя не составляютъ принадлежности какого либо опредѣленнаго тѣла и получаютъ путемъ отвлеченія, — изслѣдуется математикомъ. Тѣ же самыя отвлеченныя свойства, когда они разсматриваются, какъ отдѣлимая отъ тѣлъ, составляютъ предметъ метафизика (¹).

Но возвратимся къ тому, на чемъ остановились. Мы сказали, что состоянія души неотдѣлимы отъ вещества, изъ котораго состоятъ животныя, не отдѣлимы какъ совершаю-

(¹) Мысль, развиваемая въ этой тирадѣ и затемненная, мало идущимъ къ дѣлу, отступленіемъ, та, что изслѣдованіе явленій душевной жизни должно производиться путемъ внѣшняго и имѣть внутренняго наблюденія: истинный психологическій методъ, какъ-бы выразился современный философъ, долженъ быть соединеніемъ объективнаго и субъективнаго наблюденія и метода.

щія въ опредѣленномъ тѣлѣ, подобно тому какъ совершаются гнѣвъ, страхъ, а не въ томъ смыслѣ, въ какомъ неотдѣлимы отъ тѣлъ линія и поверхность.

Г л а в а II.

1) Поставивъ на видъ необходимо возникающія при изученіи души недоумѣнія и трудности, изслѣдователь долженъ далѣе изучить и сравнить между собою мнѣнія прежнихъ изслѣдователей, говорившихъ о душѣ, для того, чтобы заимствовать у нихъ истинное и избѣжать ихъ заблужденій.

2) Въ основу этого изученія нужно положить то свойство души, которое у прежнихъ изслѣдователей почитается преимущественно предъ другими принадлежащимъ ей по природѣ.—Одушевленное существо отличается отъ неодушевленнаго главнымъ образомъ, по видимому, двумя свойствами—движеніемъ и ощущеніемъ. Потому отъ прежнихъ изслѣдователей дошли до насъ почти два только мнѣнія о душѣ. Одни утверждаютъ, что душа главнымъ образомъ и прежде всего есть начало движущее, но при этомъ, полагая, что неподвижный предметъ не можетъ приводить въ движеніе другаго, они причислили и душу къ предметамъ движущимся. 3) Потому Демокритъ учитъ, что душа есть особаго рода огонь и теплота. Изъ безконечнаго множества атомовъ, имѣющихъ безконечное множество различныхъ формъ,—атомы, имѣющіе сферическую форму, составляютъ по его мнѣнію огонь и душу. Атомы эти имѣютъ сходство съ тѣми пылинками, которые видны въ полосѣ свѣта, входящей черезъ окна: разсѣянные повсюду, они суть элементы, изъ которыхъ состоитъ вся природа. Подобнымъ же образомъ учитъ и Левкиппъ. Оба они признавали душу состоящею изъ круглыхъ атомовъ потому, что тѣла этой формы преимущественно предъ другими способны проникать всюду и двигать другія тѣла, когда сами приведены въ движеніе. При этомъ душу они почитали началомъ, производящимъ движеніе животныхъ. Потому-то жизнь, по ихъ мнѣнію, прекращается вмѣстѣ съ прекращеніемъ дыханія. Между тѣмъ какъ окружающая тѣла среда давитъ и вытѣсняетъ атомы, находящіеся внутри ихъ и дающіе животнымъ движеніе въ силу того, что сами никогда не обвиваютъ въ чорѣ,—атомы, находящіеся

внѣ тѣла и входящія въ него черезъ дыханіе, подкрѣпляютъ ихъ, не допуская ихъ выйти изъ тѣла и препятствуя ступенію и охлажденію, подъ вліяніемъ внѣшняго давленія. Животныя живутъ до тѣхъ поръ, пока могутъ совершать это дѣйствіе.—4) Повидимому и ученіе пифагорейцевъ заключаетъ въ себѣ тотъ же смыслъ, потому что нѣкоторые изъ нихъ утверждали, что душа состоитъ изъ носящихся въ воздухѣ пылинкокъ, другіе—что душа есть сила приводящая эти пылинки въ движеніе. Такое мнѣніе образовалось потому, что пылинки эти кажутся постоянно движущимися, даже въ то время, когда воздухъ находится въ совершенномъ покоѣ.— Сюда же нужно причислить и тѣхъ, кои признаютъ душу началомъ самодвижущимся, потому что всѣ они, кажется, думали, что движеніе есть существенное свойство души, что все приводится въ движеніе душею. И такъ какъ они видѣли что никакой предметъ не производитъ движенія, не будучи самъ движущимся, то пришли къ мысли, что душа движетъ сама себя. 5) Подобнымъ же образомъ признавалъ душу движущимся началомъ Анаксагоръ или другой кто-бы онъ ни былъ⁽¹⁾, высказавшій мысль, что все приводится въ движеніе разумомъ. Но его ученіе не вполне то же, что ученіе Демокрита. Демокритъ прямо почиталъ душу и умъ однимъ и тѣмъ же, такъ какъ считалъ истиннымъ все, что намъ является и потому одобрялъ Гомера, сказавшаго о Гекторѣ, что онъ „лежалъ и мыслилъ иначе“⁽²⁾. Онъ смотритъ на умъ не какъ на силу, которою постигается ис-

---

(1) Здѣсь разумѣется Гермотимъ Клазоменскій, который прежде еще Анаксагора высказалъ мысль, развитую этимъ послѣднимъ. *Metaph. L. I, c. 3, n. 13, 984 p.*: *φανερῶς μὲν ἔν τῷ Ἀναξαγόρῳ ἴσμεν ἀφάμενον τῶν τῶν λόγων, οὐτὴν δ' ἔχει πρότερον Ἐρμότιμος ὁ κλαζομένιος εἰπεῖν.*

(2) Эта мысль подробнѣе развивается въ метафизикѣ *Lib. IV, c. 5, 1009 p.* (въ изд. Дидо с. III), гдѣ между прочимъ говорится: «существуетъ преданіе, что и Анаксагоръ училъ, будто всѣ вещи всегда существуютъ такъ, какъ они познаются каждымъ. Даже о Гомерѣ утверждаютъ они (выше говорится о Демокритѣ и Емпедоклѣ), что онъ имѣлъ такое же воззрѣніе: именно, онъ представляетъ Гектора, лишившагося сознанія вслѣдствіе удара, лежащимъ и «мыслящимъ иначе», какъ будто и безумные мыслятъ, только иначе». Въ дошедшемъ до насъ текстѣ *Иліады* мѣста, приводимаго Аристотелемъ, нѣтъ вовсе. *V. S. Hilaire. Traité de l'ame III p. Nota. Kirchmann. Philos. Bill. T. 38, 193. Nota. 327.*

тина, а отождествляетъ его съ душею. Анаксагоръ говоритъ объ этомъ не совсѣмъ ясно. Во многихъ мѣстахъ онъ признаетъ умъ источникомъ прекраснаго и справедливаго, въ другихъ же отождествляетъ его съ душею, утверждая, что умъ присущъ всѣмъ живымъ существамъ малымъ и большимъ, благороднымъ и низкимъ. Но легко видѣть, что умъ, называемый благоразуміемъ, не только не принадлежитъ въ одинаковой мѣрѣ всѣмъ животнымъ, но даже не всѣмъ людямъ⁽¹⁾.

6) Такимъ образомъ всѣ тѣ, кои обращали вниманіе на способность одушевленнаго существа двигаться, признавали, что душа есть нѣчто въ высшей степени обладающее способностію движенія. Но тѣ, кои обращали вниманіе на процессъ познанія и ощущенія животныхъ, утверждаютъ, что душа относится къ началамъ: при этомъ одни изъ нихъ допускаютъ нѣсколько началъ, другіе одно начало—саму душу. Такъ Емпедоклъ представляетъ душу состоящею изъ всѣхъ стихій и каждую изъ нихъ почитаетъ душею. Онъ говоритъ:

„Землю-землею, воду-водою мы познаемъ
„Эфиръ божественный знаемъ эфиромъ и огнемъ разрушительный пламень,
„Любовью (любовь и раздоромъ печальный раздоръ.

7) Подобнымъ же образомъ и Платонъ въ Тимеѣ⁽²⁾ составляетъ душу изъ стихій, потому что утверждаетъ здѣсь, что подобное познается подобнымъ и предметы состоятъ изъ началъ. Также точно представляется дѣло и въ сочиненіи „о философіи“⁽³⁾: животное само по себѣ представляется состоящимъ изъ идеи единаго и изъ первичной долготы, широты и глубины. Въ томъ же родѣ даются опредѣленія и всѣхъ другихъ существъ. Становясь на другую точку зрѣнія, Платонъ утверждаетъ, что умъ есть единое, знаніе же—

⁽¹⁾ Ср. De anim. hist. Lib. VIII, c. 1. 588 p.

⁽²⁾ Plato. Timaeus. 30—38 pp.

⁽³⁾ Симплицій и Филоппонъ утверждаютъ, что здѣсь разумѣется сочиненіе потерянное самаго Аристотеля, «о благѣ», въ которомъ изложено имъ упоминаемое здѣсь ученіе Платона и Пифагора. Vart. S. Hilaire. op. c. 172—173 pp. Nota. Кирхманъ признаетъ это сочиненіе потеряннымъ сочиненіемъ Платона: часть его воспроизведена, по его мнѣнію, въ 13 и 14 книгахъ метафизики. Phil. Bibl. T. 43, 17. Nota 20.

два, потому что къ единому присоединяется еще одно—дѣйствіе⁽¹⁾. Далѣе утверждаетъ, что число поверхности есть мнѣніе, число тѣла—ощущеніе. Числами они называютъ самыя идеи и начала, а эти послѣднія состоятъ изъ стихій. Предметы, по этому ученію, воспринимаются—одни умомъ, другіе знаніемъ, третьи мнѣніемъ, четвертые—ощущеніемъ и эти числа суть идеи предметовъ. 8) Такъ какъ душа является не только производящею движеніе, но и познающею, то нѣкоторые составили душу изъ того и другаго и утверждали, что душа есть самодвижущееся число.

9) Кромѣ всего этого существуетъ разногласіе относительно качества и количества началъ. Въ первомъ отношеніи особенно разнятся признающіе начала тѣлесными отъ тѣхъ, кои почитаютъ ихъ безтѣлесными; а отъ тѣхъ и другихъ отличаются тѣ мыслители, кои, смѣшивая тѣлесное съ безтѣлеснымъ, признаютъ начала состоящими изъ обоихъ. 10) Что касается количества началъ, то одни признаютъ одно начало, другіе—нѣсколько. Сообразно съ тѣмъ или другимъ возрѣніемъ на начала они говорятъ и о душѣ, потому что не противно разуму причислять движущую силу къ первымъ причинамъ. 11) Такимъ образомъ, нѣкоторымъ казалось, что душа есть огонь, потому что огонь состоитъ изъ самыхъ тонкихъ частицъ и невещественнѣе всѣхъ стихій; кромѣ того онъ прежде всего приходитъ въ движеніе и производитъ движеніе въ другихъ предметахъ. 12) Демокритъ съ особенной ясностію развилъ это возрѣніе, объяснивши причину обоихъ этихъ свойствъ огня. По его мнѣнію душа есть нѣчто тождественное съ умомъ и принадлежитъ къ первичнымъ, недѣлимымъ тѣламъ. Она есть движущееся существо, вслѣдствіе мелкости и формы своихъ частицъ. Изъ формъ самая подвижная сферическая и потому она свойственна какъ уму, такъ и огню. 13) Анаксагоръ, повидимому, признаетъ душу и умъ различными, какъ мы сказали объ этомъ выше⁽²⁾, но употребляетъ эти слова такъ, какъ будто ими означается одинъ и тотъ же предметъ. Впрочемъ умъ признается у него по преимуществу началомъ всего, потому что онъ одинъ изъ всего существующаго по самой своей природѣ есть нѣчто простое, не заключающее смѣше-

(1) *μοναχὸς γὰρ εἶναι*. Къ единому—уму, въ знаніи, присоединяется дѣятельность ума и становится два.

(2) См. выше п. 5

нія и чистое. И познание и движение онъ приписываетъ одному и тому же началу, утверждая, что все движется умомъ. 14) Кажется и Филесъ, какъ свидѣтельствуется преданіе, признавалъ душу движущимся началомъ, такъ какъ утверждалъ, что магнитъ имѣетъ душу, потому что имъ приводится въ движение желѣзо. 15) Діогенъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими мыслителями, считалъ душу воздухомъ, который признавалъ тончайшимъ тѣломъ и началомъ всего. Благодаря этому душа, по его мнѣнію, познаетъ и производитъ движение: познаетъ—потому, что воздухъ есть первое начало и изъ него происходитъ все, производитъ движение потому, что воздухъ есть тончайшее. 16) И Гераклитъ признаетъ душу началомъ, потому что считаетъ ее испареніемъ, изъ котораго, по его мнѣнію, составляется все прочее. Она есть также, по его ученію, нѣчто безтѣлесное и непрестанно текущее: это потому, что движущееся можетъ быть познано только движущимся, а все сущее, по мнѣнію Гераклита и многихъ другихъ, находится въ движеніи. 17) Подобнаго же мнѣнія о душѣ держался, кажется и Алмеонъ⁽¹⁾. Онъ говоритъ, что душа безсмертна, потому что она подобна безсмертнымъ. Это подобіе состоитъ въ томъ, что она есть непрестанно движущееся, такъ какъ всѣ божественныя существа—луна, солнце, звѣзды и все небо находятся въ постоянномъ движеніи. 18) Нѣкоторые изъ болѣе грубыхъ почитали душу водою, какъ напр. Гиппонъ⁽²⁾. Къ этому мнѣнію они пришли, кажется, вслѣдствіе наблюденія животнаго сѣмени, которое всегда состоитъ изъ влаги. Такъ Гиппонъ опровергалъ мыслителей отождествлявшихъ душу съ кровью тѣмъ, что сѣмя животное не есть кровь, а между тѣмъ оно есть душа въ зародышѣ. 19) Другіе, какъ напр. Критіасъ⁽³⁾, говорятъ, что душа есть кровь. При этомъ они почитаютъ основнымъ свойствомъ души ощущеніе, которое, по ихъ мнѣ-

(¹) Въ Метафизикѣ Аристотель называетъ его Кротонскимъ и младшимъ современникомъ Пифагора.—*ἐρενετο τὴν ἡλικίαν Ἀλμοραίων ἐπὶ γέροντι Πυθαγόρα*. *Metaph.* L. I. c. 5. 17 p.

(²) О Гиппонѣ говорится въ Метафизикѣ и тоже довольно презрительно. *Metaph.* L. I. c. 3. 11 p.

(³) Кто такой этотъ Критіасъ—точно не извѣстно. Александръ Афродисскій и Филоппонъ не пришли относительно этой личности къ определеннымъ выводамъ. *V. S. Nilairé. L. 2. 118. p.*

нію, имѣть свое основаніе въ природѣ крови.—Такимъ образомъ душа была приравнена ко всѣмъ стихіямъ, кромѣ земли. Съ этою послѣднею никто ее не отождествлялъ, исключая развѣ тѣхъ, кои утверждали, что душа состоитъ изъ всѣхъ стихій и есть все.

20) Всѣ упомянутые философы опредѣляютъ, такимъ образомъ, душу тремя свойствами—т. е. движеніемъ, ощущеніемъ, безтѣлесностью и каждое изъ нихъ возвышаютъ на степень началъ. Даже и тѣ, кои опредѣляютъ душу, какъ знаніе, всѣ, за исключеніемъ одного, дѣлаютъ ее, или стихіею, или состоящею изъ стихій, одинаково утверждая, что подобное познается подобнымъ. Такъ какъ душа все познаетъ, то и сама она должна съ ихъ точки зрѣнія, состоять изъ началъ всего. 21) Тѣ, кои признаютъ существованіе двухъ стихій и душу признаютъ чѣмъ-либо однимъ,—огнемъ или воздухомъ; признающіе же существованіе нѣсколькихъ началъ всего и душу составляютъ изъ нѣсколькихъ началъ. 22) Одинъ только Анаксагоръ говоритъ, что умъ безстрастенъ и не имѣетъ ничего общаго со всемъ остальнымъ. Но какъ и какимъ образомъ, будучи таковымъ, умъ познаетъ,—этого Анаксагоръ прямо не объясняетъ и изъ его словъ нельзя объ этомъ составить понятія. 23) Тѣ, кои признаютъ существованіе противоположностей,—теплое или холодное, или что-нибудь въ этомъ родѣ, признаютъ и душу одною изъ этихъ противоположностей. Сообразно съ этимъ они производятъ и нѣкоторыя названія. Тѣ, кои признаютъ душу теплымъ началомъ, отъ этаго понятія теплоты производятъ названіе жизни,—(ζῆν отъ ζέω кипѣть). Въ свою очередь почитающіе душу началомъ холоднымъ утверждаютъ, что названіе души происходитъ отъ словъ, означающихъ дыханіе и охлажденіе (¹).

Вотъ всѣ дошедшія до насъ мнѣнія о душѣ и причины ихъ образованія.

Г л а в а III.

1) Теперь прежде всего нужно рассмотретьъ вопросъ о движеніи. Быть можетъ не только ложно, что сущность души такова, какою представляютъ ее утверждающіе, что ду-

---

(¹) ψυχῆ отъ ψύχω—охлаждаю.

ша есть начало самодвижущееся и производящее движеніе, но самая принадлежность ей движенія есть нѣчто невозможное.

2) Что движущее не необходимо должно само быть движущимся,—объ этомъ было сказано прежде⁽¹⁾. Все движущееся можетъ двигаться двоякимъ образомъ,—при посредствѣ чего-либо другаго или само-собою. При посредствѣ другаго движущимся мы называемъ все то, что движется потому, что находится на движущемся предметѣ, какъ напр. люди плывущіе на кораблѣ: они движутся, какъ двигается корабль. Тотъ послѣдній двигается самъ, а сидящіе на немъ двигаются потому, что находятся на движущемся предметѣ. Это очевидно изъ положенія ихъ членовъ: движеніе собственное ногамъ есть хожденіе, оно свойственно и людямъ, но во время плаванія путешественники не совершаютъ этого движенія. Если въ двоякомъ смыслѣ говорится о вещахъ, что онѣ движутся, то намъ нужно разсмотрѣть теперь относительно души: движется ли она сама-собою? и принимаетъ ли участіе въ движеніи?

3) Такъ какъ существуетъ четыре рода движенія—перемѣщеніе, измѣненіе, возрастаніе и уменьшеніе, то движеніе души должно совершаться или однимъ изъ этихъ способовъ, или нѣсколькими изъ нихъ, или же всѣми. Если она движется самостоятельно, то движеніе должно быть присуще ей по природѣ. А если такъ, то должно быть и мѣсто для этого движенія, потому что всѣ перечисленные формы движенія совершаются въ какомъ-нибудь мѣстѣ. Если сущность души состоитъ въ томъ, что она есть начало само-движущееся, то движеніе принадлежитъ ей не случайно, какъ напр. бѣлизнѣ или мѣрѣ въ три локтя. Эти послѣднія тоже могутъ двигаться, но не сами-собою, а потому что движется то тѣло, которому она принадлежитъ какъ свойства. Въ силу этого у нихъ нѣтъ и своего мѣста. Но душа должна имѣть свое мѣсто, потому что движеніе присуще ей по природѣ. 4) Кромѣ того, если она движется по природѣ, то можетъ двигаться и подъ вліяніемъ внѣшней силы, и наоборотъ,—если она можетъ двигаться подъ вліяніемъ внѣшней силы, то должна быть способною двигаться и по природѣ.

⁽¹⁾ Вѣроятно Аристотель разумѣетъ здѣсь свое разсужденіе объ этомъ—въ физикѣ (Lib. VIII) или въ метафизикѣ. Lib. XII, с. 4, 1072.

Тоже самое соображеніе имѣетъ мѣсто и относительно покоя: предметъ движущійся по природѣ и въ покой приходитъ по природѣ-же, движущійся подѣ вліяніемъ внѣшней силы и въ покой приходитъ подѣ вліяніемъ внѣшней силы. Какую же форму будетъ имѣть движеніе души также и ея покой подѣ вліяніемъ внѣшней силы?— это трудно даже и вообразить себѣ. 5) Если она будетъ двигаться вверхъ, то будетъ огнемъ, если внизъ, то-землею, потому что таково направленіе движенія этихъ стихій. Тоже самое нужно сказать и относительно стихій, занимающихъ средину между этими двумя. 6) Далѣе, если душа движетъ тѣло, то естественно предположить, что она движетъ тѣмъ же способомъ, какимъ сама движется; а если это такъ, то съ полною справедливостію можно сказать наоборотъ, что сама душа движется тѣмъ же самымъ способомъ, какъ и тѣло. Но тѣло движется по способу перемѣщенія; въ силу этого и душа должна двигаться точно также какъ и тѣло, т. е. или вся или по частямъ должна перемѣнять мѣсто. При этомъ могло-бы случиться, что, вышедши изъ тѣла, она опять возвратилась бы въ него и въ такомъ случаѣ нѣкоторые изъ умершихъ животныхъ могли-бы вновь ожить. 7) Движеніе становится несамостоятельнымъ, когда производится чѣмъ-нибудь инымъ, потому что живое существо можетъ возбуждаться внѣшней силою. Но то, чему по природѣ присуще самодвиженіе, не должно двигаться подѣ вліяніемъ инаго, потому что такое движеніе не будетъ самодвиженіемъ, точно такъ же, какъ само по себѣ и для себя доброе не можетъ быть уже добрымъ черезъ иное и роди инаго. Однакоже если душа движется, то всякій скажетъ, что она движется подѣ вліяніемъ внѣшнихъ раздраженій. 8) Если душа сама-себя движетъ, то въ тоже время должна и двигаться. А такъ какъ всякое движеніе, какъ такое, есть выходъ движущагося предмета, то душа должна выходить изъ своего существа при движеніи, когда оно не возбуждается въ ней чѣмъ-либо инымъ. Между тѣмъ движеніе есть сущность души самой въ себѣ.

9) Нѣкоторые дѣйствительно утверждаютъ, что душа движетъ тѣло, въ которомъ находится, тѣмъ же способомъ, какимъ сама движется. Таково мнѣніе Демокрита, напоминающее собою слова комика Филиппа⁽¹⁾, который говоритъ,

(1) Нѣкоторые почитаютъ упоминаемаго здѣсь Филиппа сыномъ знаменитаго комика Аристофана. В. S. Hilaire. Traité de l'ame. 126 p. Nota.

что Дедалъ сообщилъ движеніе деревянной статуѣ Афродиты, вливъ въ нее ртуть. Нѣчто подобное утверждаетъ и Демокритъ. Сферическіе атомы, которые по самой природѣ своей никогда не бываютъ въ покоѣ, двигаясь сами, увлекаютъ, по его словамъ, все тѣло и приводятъ въ движеніе. 10) При этомъ мы спросимъ, не тѣми же ли атомами производится и покой; но какимъ образомъ онъ производится—трудно и даже невозможно объяснить съ этой точки зрѣнія. 11) Подобнымъ же образомъ Тимей въ своей физиологической теоріи⁽¹⁾ утверждаетъ, что душа двигаетъ тѣло и двигаетъ тѣмъ самымъ, что сама движется, такъ какъ она находится съ нимъ въ тѣсной связи. По его мнѣнію душа составлена изъ стихій и раздѣлена на гармоническія числа. Для того, чтобы дать ей врожденное чувство гармоніи и поставить ея движеніе въ гармонію съ движеніемъ вселенной, онъ превращаетъ прямую линію въ круговую; за тѣмъ, раздѣливъ одинъ кругъ на два, взаимно касающіеся другъ друга въ двухъ точкахъ, одинъ изъ нихъ снова дѣлитъ на семь круговъ. Такимъ образомъ вращеніе неба является у него движеніемъ души⁽²⁾. 12) Но прежде всего несправедливо называть душу величиною пространственною, такъ какъ Тимей хочетъ представить міровую душу съ тѣми свойствами, которыя приписываются такъ называемому уму, а не съ свойствами души ощущающей и желающей, потому что движеніе этихъ послѣднихъ по его мнѣнію не есть круговое. 13) Правда, что умъ есть нѣчто единое и непрерывное, точно также, какъ и мышленіе; но мышленіе состоитъ ихъ мысленныхъ образовъ и эти образы составляютъ одно цѣлое, какъ преемственный рядъ, подобный ряду чиселъ, а не какъ пространственная величина. Вслѣдствіе этого и умъ не есть величина непрерывная въ этомъ послѣднемъ смыслѣ: онъ, или во все не заключаетъ въ себѣ частей, или, во всякомъ случаѣ, его непрерывность не похожа на непрерывность величины пространственной. Въ самомъ дѣлѣ, будучи величиною пространственною, какимъ образомъ умъ будетъ мыслить и

⁽¹⁾ *φυσιολογεί* здѣсь имѣетъ очень широкое и неопредѣленное значеніе и можетъ быть передано различно.

⁽²⁾ Plato. *Timaeus* 35—36 pp. Изложеніе этого ученія Платона см. у Grote. *Plato and others companion of Socrates* T. III, 250—256 pp. Также въ Aristotle. T. II. *De anima* 171—172 pp.

какою изъ своихъ частей, будутъ ли эти части пространственными величинами, или точками, если точку можно назвать частью? 14) Если части ума суть точки, которыхъ число должно быть бесконечно, то очевидно умъ никогда не будетъ въ состояніи окончить своей дѣятельности; если же эти части суть величины пространственная, то онъ будетъ мыслить нѣсколько разъ или даже бесконечное число разъ одно и тоже. Между тѣмъ онъ можетъ, кажется, однимъ разомъ объять мыслимый предметъ. Если такимъ образомъ ему достаточно коснуться предмета одною изъ своихъ частей, то для чего ему совершать круговое движеніе или вообще быть величиною пространственною? Если же необходимо, чтобы мышленіе было соприкосновеніемъ всего круга, то какое значеніе будетъ имѣть прикосновеніе какой-либо изъ частей его? И какимъ образомъ умъ будетъ мыслить дѣлимое черезъ недѣлимое и недѣлимое черезъ дѣлимое? Однако-же необходимо (по этой теоріи), чтобы самъ умъ былъ этимъ кругомъ, потому что движеніе ума есть мышленіе какъ движеніе круга—круговращеніе. Если мышленіе есть круговое движеніе, то умъ будетъ кругомъ, котораго вращеніе есть мышленіе. Но въ такомъ случаѣ всякій актъ мышленія долженъ совершаться вѣчно, потому что круговое движеніе есть вѣчно продолжающееся движеніе. Но мышленіе практическое имѣетъ предѣлы, потому что всѣ практическія мысли имѣютъ въ виду опредѣленную цѣль; теоретическое же мышленіе ограничивается подобнымъ же образомъ посредствомъ доказательствъ⁽¹⁾. Дѣло въ томъ, что всякое доказательство есть или опредѣленіе, или умозаключеніе. Умозаключеніе же всегда выходитъ изъ какого нибудь начала и имѣетъ окончаніе въ силлогизмѣ или заключеніи. Если умозаключеніе и не оканчивается, то во всякомъ случаѣ оно не возвращается снова къ своему началу, а черезъ средній и большей термины идетъ какъ-бы по прямой линіи, тогда какъ круговое движеніе снова возвращается къ своему началу. Что же касается опредѣленій, то они всѣ имѣютъ границы 16) Далѣе, если тоже самое круговое движеніе

---

(1) *Τῶς λογος*. Терминъ *λογος* во многихъ случаяхъ удобно переводится словомъ «понятіе». Кирхманъ и здѣсь передаетъ его словомъ *Begriff*, но этимъ дѣло только затемняется. Б. С. Плеръ переводитъ лучше словомъ *raisonnement*.

повторится нѣсколько разъ, то умъ долженъ будетъ мыслить нѣсколько разъ одно и тоже. 17) Наконецъ мышление скорѣе похоже на нѣкотораго рода неподвижность и стояніе, чѣмъ движеніе, также точно и силлогизмъ. 18) Съ другой стороны не можетъ быть источникомъ блаженства дѣйствіе трудное и совершаемое насильственно, а если движеніе не составляетъ сущности души, то она движется вопреки своей природѣ. 19) Неприятное также состояніе для души—быть въ соединеніи съ тѣломъ и не имѣть возможности освободиться отъ него, хотя чувствуется необходимость этого освобожденія, потомучто, какъ обыкновенно говорится и часто съ полнымъ убѣжденіемъ, для ума лучше не быть въ связи съ тѣломъ. 20) Изъ всего этого также не видно, какая причина круговаго движенія неба. Природа души не можетъ быть причиною этого круговращенія, потомучто сама душа при этомъ движется не самостоятельно; тѣло тоже не можетъ быть причиною этого движенія, потомучто причина движенія его самого заключается въ душѣ. 21) Здѣсь даже нѣтъ мысли и о томъ, что такое состояніе души есть болѣе совершенное. Нужно было-бы по крайней мѣрѣ сказать, что Богъ заставляетъ душу двигаться кругообразно, потомучто для нея лучше двигаться, чѣмъ пребывать неподвижною, и двигаться именно такимъ, а не другимъ способомъ. Но такъ какъ разсмотрѣніе всего этого удобнѣе въ другихъ сочиненіяхъ⁽¹⁾, то мы и оставимъ его.

22) Изложенное ученіе, какъ большая часть мнѣній о душѣ, заключаетъ въ себѣ еще ту несообразность, что, соединяя душу съ тѣломъ и поселяя ее въ него, не объясняетъ причины этого соединенія и того, какимъ условіямъ для этого должно удовлетворять тѣло. Однакоже такое объясненіе совершенно необходимо, потомучто именно благодаря этой связи одно дѣйствуетъ, а другое находится въ страдательномъ положеніи, одно движетъ, а другое движется: такого соотношенія, конечно, не можетъ быть между предметами, соединенными случайно. 23) Мыслители этого направленія стараются только объяснить, что такое душа

⁽¹⁾ Александръ Афродисскій полагаетъ, что здѣсь разумѣется физическія сочиненія, Симплиціи,—что метафизика. Вѣроятно и то и другое вмѣстѣ. В. S. Nilaire. op. cit. 133 p.

а относительно тѣла, ее заключающаго, они не говорятъ ничего опредѣленнаго, какъ будто всякая душа можетъ облечься въ любое тѣло, согласно съ извѣстнымъ пифагорейскимъ мнѣніемъ. Дѣло въ томъ, что всякая душа имѣетъ, кажется, свой образъ и форму. Воззрѣніе это похоже на то, какъ еслибы кто сказалъ, что строительное искусство выражается въ музыкальныхъ инструментахъ: всякое искусство должно имѣть свои собственныя орудія и всякая душа свое собственное тѣло, какъ орудіе.

Г л а в а IV.

1) Существуетъ и другое мнѣніе о душѣ, почитаемое многими не менѣе вѣрнымъ, чѣмъ тѣ, о которыхъ мы говорили,—мнѣніе подвергнутое уже изслѣдованію въ общезвѣстныхъ сочиненіяхъ⁽¹⁾. Мнѣніе это состоитъ въ томъ, что душа есть нѣкотораго рода гармонія, потому что гармонія есть смѣшеніе и сочетаніе противоположностей, а тѣло состоитъ изъ противоположностей.

2) Но если гармонія есть нѣкоторое соотношеніе смѣшанныхъ предметовъ и ихъ соединеніе, то душа не можетъ быть ни тѣмъ, ни другимъ. 3) Далѣе, движеніе не есть свойство гармоніи, а душѣ всеми, такъ сказать, по преимуществу приписывается это свойство. 4) Гораздо удобнѣе понятіе гармоніи прилагается къ здоровью и вообще къ хорошимъ тѣлеснымъ качествамъ, чѣмъ къ душѣ. Это станетъ очевиднымъ, если сдѣлать попытку вывести состоянія и дѣятельности души изъ нѣкоторой гармоніи: это оказывается дѣломъ очень труднымъ. 5) Кромѣ того, слово гармонія употребляется въ двухъ значеніяхъ. Въ собственномъ смыслѣ оно прилагается къ совокупности такихъ величинъ, которыя имѣютъ движеніе и опредѣленное взаимное отношеніе такого рода, что не могутъ принять въ соединеніе съ собою ничего родственнаго. Отсюда уже понятіе гармоніи перене-

---

⁽¹⁾ *Τῆς ἐν κοινῷ λεγομένης ἁρμονίας.* Симплицій разумѣетъ здѣсь Федонъ Платона или приписываемый Аристотелю разговоръ Евдемъ; но выраженіе приведенное можетъ также относиться къ устнымъ бесѣдамъ—лекціямъ, говорившимся для всѣхъ,—такъ называемымъ экзотерическимъ. В. S. Hilaire. v. c. 131—132 pp. Nota.

сено и на смѣшеніе. Но разумъ не допускаетъ приложенія къ душѣ ни того, ни другаго изъ этихъ понятій гармоніи. Что душа не есть сочетаніе частей тѣла—это очень легко доказать. Сочетаніе этихъ частей также многочисленны, какъ и разнообразны: которое же изъ нихъ и въ какой его формѣ нужно признавать умомъ, ощущеніемъ, или стремленіемъ. 6) Также нелѣпо приложеніе къ душѣ понятія гармоническаго смѣшенія, потомучто отношеніе элементовъ, изъ смѣшенія коихъ образуется плоть, не тоже самое, изъ коего образуются кости. Если отношеніе смѣшанныхъ элементовъ, какъ ихъ гармонія, есть душа, то въ тѣлѣ будетъ большое количество душъ, именно будетъ особая душа для каждой его части, потомучто каждая изъ нихъ состоитъ изъ смѣшенія элементовъ. 7) Тоже возраженіе можно представить и противъ Емпедокла, который утверждаетъ, что каждый предметъ существуетъ въ силу извѣстнаго соотношенія между его частями. Что же такое душа? Есть ли она это самое соотношеніе, или нѣчто иное, привходящее къ частямъ тѣла. Далѣе, есть ли любовь⁽¹⁾ причина всякаго смѣшенія, или только смѣшенія пропорціональнаго? И сама душа, есть ли именно это пропорціональное отношеніе, или нѣчто иное, отличное отъ него? 8) Таковы затрудненія, возбуждаемыя этимъ мнѣніемъ. Если же душа есть нѣчто отличное отъ смѣшенія, то является вопросъ, почему она уничтожается вмѣстѣ съ уничтоженіемъ плоти и другихъ частей животнаго? Кромѣ того, если не каждая часть тѣла имѣетъ душу и душа не есть отношеніе смѣшанныхъ элементовъ, то что такое уничтожается, когда душа оставляетъ тѣло?

Изъ всего сказаннаго очевидно, что душа не есть гармонія, точно также какъ она не совершаетъ и круговаго движенія.

9) Душа, какъ мы сказали уже, двигаясь несамостоятельно, въ тоже время должна и сама себя двигать; двигаясь вслѣдствіе того, что движется тѣло, въ которомъ она находится, душа приводитъ въ движеніе самое это тѣло. Другимъ какимъ-либо способомъ она не можетъ двигаться и перемѣнять мѣсто. 10) Основательнѣе усомниться въ су-

---

(1) *φύλαξ* по ученію Емпедокла есть зиждущая космическая сила, нѣчто въ родѣ силы притяженія и сцѣпленія.

ществованіи какого-бы то ни было движенія души, если обратитъ вниманіе на слѣдующее. Мы говоримъ, что душа печалится, радуется, чувствуетъ мужество, страхъ, также—гнѣвается, ощущаетъ и мыслить. Всѣ эти состоянія кажутся движеніями и можно подуматъ потому, что и сама душа движется. 11) Но въ этомъ нѣтъ необходимости. Если дѣйствительно печаль, радость, мышленіе суть движенія и каждое изъ этихъ состояній совершается путемъ движенія, то это движеніе только зависитъ отъ души. Такъ напр. гнѣвъ или страхъ происходятъ вслѣдствіе извѣстнаго движенія сердца, мышленіе есть подобное же движеніе того же самаго органа или какого-либо другаго. Эти движенія состоятъ частью въ перемѣщеніи, частью въ измѣненіи: какъ и какимъ образомъ все это совершается—объ этомъ скажемъ въ другомъ мѣстѣ. 12) Такимъ образомъ, сказать, что душа напр. гнѣвается,—тоже самое что сказать,—душа приготовляетъ полотно или строитъ домъ. Лучше было-бы кажется такихъ выраженій, какъ—душа печалится, учится, размышляетъ не употреблять, а говорить—человѣкъ душою печалится, учится, размышляетъ. При этомъ не нужно представлять, что въ душѣ самой совершается движеніе: оно только или доходитъ до нея, или въ ней имѣетъ свое начало. Такъ въ ощущеніи движеніе идетъ отъ внѣшнихъ предметовъ, напротивъ въ воспоминаніи оно идетъ изъ души, направляясь къ находящемуся въ органахъ чувствъ движенію или покою. 13) Что же касается ума, то онъ, будучи нѣкоторою субстанціею, кажется, привходитъ отъ внѣ и не подверженъ поврежденію⁽¹⁾. Правда онъ повреждается отъ наступающаго въ старости общаго упадка силъ, но въ этомъ случаѣ происходитъ тоже самое, что въ области ощущеній. Если-бы старику дать молодыя глаза, онъ сталъ-бы видѣть, какъ молодой. Такимъ образомъ и старость зависитъ не отъ ослабленія души, а отъ того, что ослабляется тѣло, въ которомъ она находится, какъ это бываетъ также въ состояніи опьяненія и въ болѣзняхъ. 14) Мышленіе и соображеніе ослабляются въ старости вслѣдствіе того, что нѣчто

(¹) Эти слова и болѣе подробное ихъ развитіе въ III книгѣ (3 гл.) вызвали обширную литературу объ умѣ по ученію Аристотеля и играли важную роль въ средневѣковой философіи.

другое внутри человека повреждается: самъ умъ безстрастенъ.—Размышленіе, любовь и ненависть не суть состоянія ума, а состоянія того существа, которое имъ обладаетъ и въ силу того, что оно обладаетъ имъ. Потому съ разрушеніемъ этого существа исчезаютъ и память и любовь, такъ какъ они принадлежатъ не уму, а происходятъ вслѣдствіе соединенія его съ тѣломъ, которое разруσιμο. Самъ умъ кажется есть нѣчто божественное и безстрастное.

15) Изъ всего этого очевидно, что душа не можетъ двигаться; а если она совершенно неподвижна, то тѣмъ болѣе не можетъ двигать сама себя.

16) Еще болѣе нелѣпо, чѣмъ перечисленныя, то мнѣніе, что душа есть самодвижущееся число⁽¹⁾. Въ указаннымъ уже несообразностямъ, проистекающимъ изъ представленія души движущейся,—державшія этого мнѣнія присоединяютъ повья несообразности, которыя проистекаютъ изъ представленія ея числомъ. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ единицу можно мыслить движущейся, чѣмъ и какъ она можетъ двигаться, будучи недѣлимою и не заключающею въ себѣ частей: если она движима и подвижна, то должна-бы заключить въ себѣ различныя части. 17) Далѣе, если движеніемъ линіи образуется поверхность, а изъ движенія точки линія, то и результатомъ движенія единицъ должна быть линія, такъ какъ точка есть единица, имѣющая извѣстное положеніе. Такимъ образомъ число души является занимающимъ мѣсто въ пространствѣ и имѣющимъ положеніе. 18) Кромѣ того, отъ числа можно еще отнять другое число или единицу, и тогда въ остаткѣ получится новое число. Между тѣмъ растенія и нѣкоторыя животныя продолжаютъ жить и послѣ разсѣченія ихъ, и каждая часть обладаетъ повидимому тою же самою душою, душой того же рода. 19) Кажется также, что нѣтъ съ этой точки зрѣнія различія въ томъ, назовемъ ли мы души единицами или малѣйшими тѣлами; потому что, если шарики Демокрита привратить въ точки, оставивъ только ихъ качества, то между ними будетъ нѣчто движущее и нѣчто движимое, какъ въ пространственной величинѣ, такъ какъ дѣло не въ большей или меньшей

(¹) Мнѣніе это принадлежитъ Ксенократу, ученику и преемнику Платона.

величинѣ шариковъ, а въ ихъ качествѣ. Такимъ образомъ нужно предположить нѣчто движущее и единицы. Такъ какъ въ животныхъ движущее начало есть душа, то она должна быть и движущимъ началомъ числа. А въ такомъ случаѣ она не будетъ движущимъ и движимымъ вмѣстѣ, а только движущимъ. 20) И возможно ли какимъ бы то ни было образомъ, чтобы душа была единицей? Она должна чѣмъ нибудь отличаться отъ другихъ душъ, а какое же различіе можетъ быть между недѣлимыми точками, кромѣ различія въ ихъ положеніи. Если единицы отличны отъ точекъ, находящихся въ тѣлѣ, то все-таки единицы должны занять тоже самое мѣсто, что и точки, потому что каждая единица займетъ мѣсто точки. Въ такомъ случаѣ, что воспрепятствуетъ быть безконечному множеству единицъ въ одномъ мѣстѣ, если уже разъ допущена возможность существованія въ одномъ мѣстѣ двухъ (¹), потому что предметы недѣлимые занимаютъ и мѣсто недѣлимое. 21) Если же точки тѣла сами составляютъ то число, которое есть душа, или если душа состоитъ изъ числа точекъ тѣла, то почему не всѣ тѣла имѣютъ душу, такъ какъ каждое тѣло состоитъ изъ безконечнаго множества точекъ? 22) Наконецъ, какимъ образомъ для души возможно отдѣленіе отъ тѣла и освобожденіе отъ нихъ, если линія не можетъ быть раздѣлена на точки?

Г л а в а V.

1) Признающіе душу самодвижущимся числомъ, повторяя съ одной стороны тоже самое, что утверждаютъ признающіе душу состоящимъ изъ тонкихъ частей тѣломъ, съ другой,—говоря подобно Демократу, что душа движетъ тѣло, допускаютъ какъ мы сказали новую, собственную нелѣпность.—Если душа есть нѣкотораго рода тѣло, и находится во всемъ ощущающемъ организмѣ, то необходимо признать, что въ одномъ и томъ же мѣстѣ находится два тѣла. При предположеніи же, что душа есть число, является необходимость признать, что въ одной точкѣ находится большее количество точекъ, и также,—что всякое тѣло имѣетъ душу,—въ томъ случаѣ, если число не есть нѣчто иное

(¹) Т. е. точки и единицы.

привходящее и отличное отъ точекъ тѣла. 2) Число является при этомъ также и производящимъ движеніе животного точно такъ же, какъ оно производится по теоріи Демокрита; потому что, какое различіе въ томъ, скажемъ ли мы, что движутся круглыя тѣла, движутся маленькія или большія единицы или просто единицы? Во всякомъ случаѣ является необходимость признать, что животныя движутся потому, что эти предметы находятся въ движеніи. 3) Тѣ, кои соединяютъ движеніе и число, приходятъ къ тѣмъ же нецѣпостямъ и многимъ другимъ подобнымъ. Не только не возможно признать это мнѣніе опредѣленіемъ существа души,—въ немъ нѣтъ указанія даже и свойствъ души. Это становится очевиднымъ, когда мы попытаемся изъ этого понятія объяснить состоянія и дѣятельности души, какъ-то—мысли, ощущенія, удовольствія, неудовольствія и прочее тому подобное. Какъ мы уже сказали, трудно на основаніи этого понятія даже предъугадать ихъ существованіе. 4) Мы разсмотрѣли всѣ недоразумѣнія и противорѣчія заключающіяся въ трехъ изъ дошедшихъ до насъ опредѣленій души, изъ которыхъ—по одному она есть самое подвижное существо, потому что сама себя движетъ, по другому—она есть состоящее изъ тончайшихъ частицъ тѣло, по третьему—она есть самое нематеріальное существо изъ всѣхъ. 5) Остается теперь разсмотрѣть мнѣніе тѣхъ, которые говорятъ, что душа состоитъ изъ стихій. Это мнѣніе имѣетъ цѣлю объяснить, какимъ образомъ душа воспринимаетъ все сущее и познаетъ каждый предметъ. Въ немъ необходимо заключается много невозможнаго. Такъ защитники этого мнѣнія утверждаютъ, что подобное познается подобнымъ и признаютъ такимъ образомъ душу состоящую какъ-бы изъ самихъ воспринимаемыхъ и познаваемыхъ предметовъ. Но существуютъ не однѣ только стихіи, а много, или лучше сказать безконечное множество другихъ предметовъ, состоящихъ изъ этихъ стихій. 6) Состоя изъ стихій, душа, положимъ, будетъ въ состояніи познавать и ощущать стихіи, изъ которыхъ составленъ каждый изъ этихъ предметовъ; но чѣмъ она будетъ познавать совокупность стихій, познавать цѣлый предметъ, напр. бога, человѣка, плоть, кость и вообще всѣ другіе сложные предметы? Дѣло въ томъ, что каждый предметъ состоитъ изъ стихій соединенныхъ не какъ-попало, а въ каждомъ онѣ находятся въ опредѣлен-

номъ, цѣлесообразномъ соотношеніи и сочетаніи. Такъ самъ Емпедокль говоритъ о костяхъ:

„Творящая земля—въ плавильныя печи своихъ обширныхъ нѣдръ

„Положила двѣ восьмыхъ части прозрачнаго Нистида (¹)

„И четыре части стихіи Гефеста: изъ этого смѣшенія образовались бѣлыя кости“.

Присутствіе въ душѣ всѣхъ стихій не имѣетъ такимъ образомъ никакого значенія, если въ ней нѣтъ и всѣхъ ихъ соотношеній, также всѣхъ способовъ ихъ сочетанія. Каждая изъ заключающихся въ душѣ стихій будетъ познавать себѣ подобное, но душа при этомъ не будетъ въ состояніи познать кость или человѣка, если въ ней не будетъ и этихъ предметовъ. Нѣтъ нужды говорить, что это послѣднее невозможно. Кому въ самомъ дѣлѣ придетъ на мысль задать вопросъ, нѣтъ ли дѣйствительно въ душѣ камня или человѣка? Тоже самое нужно сказать относительно добра и зла и всѣхъ другихъ предметовъ. 7) Кромѣ того о существующемъ говорится въ различныхъ отношеніяхъ,—то какъ о субстанціи, то какъ о качествѣ, количествѣ, или другой какой-либо изъ извѣстныхъ категорій. Спришивается теперь, состоитъ ли душа изъ всѣхъ этихъ видовъ сущаго, или нѣтъ? Кажется, стихіи не однѣ и тѣже для всѣхъ категорій. Можетъ быть душа состоитъ изъ стихій, которыя составляютъ субстанцію? Въ такомъ случаѣ, какъ она познаетъ стихіи другихъ категорій. Можетъ быть на это отвѣтятъ, что каждый родъ состоитъ изъ собственныхъ стихій и началъ и изъ этихъ-то началъ составляется душа. Въ такомъ случаѣ она будетъ и качествомъ и количествомъ и субстанціею. Но невозможно, чтобы изъ стихій качества составила субстанція, а не качество—къ такимъ и подобнымъ результатамъ приводитъ мнѣніе, что душа состоитъ изъ всего.

8) Нелѣпо также говорить, что подобное не можетъ подвергаться вліянію подобнаго (¹) и въ то же время утверж-

(¹) *Nῆσες*, слово, значеніе котораго темно. Древніе комментаторы считаютъ его названіемъ вещества, состоящаго изъ воздуха и воды. Kirchman. Philos. Biblioth. B. 43. Nota 65.

(*) Подробнѣе это ученіе изложено въ *De generat. L. I, c. 7, 323 p.*

дать, что подобное воспринимается подобнымъ и подобнымъ познается подобное. Потому что сами защитники этого мнѣнія признають, что ощущеніе есть своего рода страдательное состояніе, такъ же точно какъ мышленіе и познаніе.— 9) Какъ много затрудненій и недоумѣній возбуждается ученіемъ Емпедокла и родственными съ нимъ, — именно ученіемъ, что все познается матеріальными стихіями и при томъ подобными — подобное, — можно видѣть и изъ слѣдующаго. Тѣ части тѣла животнаго, которыя состоятъ изъ одной земли, какъ-то кости, жилы, волосы, кажется ничего не могутъ воспринимать, слѣдовательно и себѣ подобнаго. Между тѣмъ они должны воспринимать по этой теоріи. 10) Кромѣ того у каждаго начала начала при этихъ условіяхъ будетъ больше незнанія, чѣмъ знанія. Всякимъ началомъ будетъ познаваться только что-нибудь одно, — многое же, и именно все прочее останется для него неизвѣстнымъ. И Богъ, съ точки зрѣнія Емпедокла, будетъ знать менѣе, чѣмъ другіе познающія существа; одинъ онъ не будетъ знать одной изъ стихій — именно вражды⁽¹⁾, тогда какъ всѣ смертныя существа, состоя изъ всѣхъ стихій, будутъ знать все. 11) И вообще, по какой причинѣ не всѣ существующіе предметы имѣютъ душу? Каждый изъ нихъ состоитъ или изъ одной, или изъ нѣсколькихъ, или изъ всѣхъ стихій и потому каждый долженъ познавать или одну стихію, или нѣсколько, или всѣ. 12) Является также вопросъ, что такое соединяетъ стихіи въ одинъ предметъ? Стихіи имѣютъ сходство съ матеріею, а сила ихъ объединяющая должна быть нѣчто высшее, въ чемъ-бы оно ни заключалось. Но невозможно допустить, чтобы что-нибудь было высшее души и управляющее ею. Относительно ума это еще менѣе возможно. Разумъ требуетъ признать его старѣйшимъ по происхожденію и господствующимъ началомъ по природѣ, между тѣмъ защитники разбираемаго мнѣнія утверждаютъ, что первыя начала всего сущаго суть стихіи.

13) Какъ тѣ, кои признають душу состоящею изъ всѣхъ стихій, потому что она все познаетъ и воспринимаетъ, такъ и признающіе ее самымъ подвижнымъ существомъ, — въ

(¹) *νεκος*, противоположная *φίλα* и *στορυ* космическая сила въ системѣ Емпедокла.

своёмъ ученіи не обнимаютъ всей души. Не всѣ, какъ извѣстно, ощущающія существа способны къ движенію: нѣкоторыя животныя, повидимому, постоянно остаются на одномъ мѣстѣ, хотя душа производитъ въ животныхъ, кажется, именно этого рода движеніе, т. е. перемѣщеніе. Подобнымъ же образомъ не обнимаютъ всей души и тѣ, кои представляютъ умъ и ощущение состоящими изъ стихій, потому что растенія тоже живутъ, хотя не могутъ ни перемѣнять мѣста, ни ощущать, а многіе животныя не обладаютъ способностію мышленія. 14) Если мы оставимъ даже это безъ вниманія и признаемъ умъ частію души, также и способность ощущенія, то и въ такомъ случаѣ въ разбираемыхъ мнѣніяхъ не дано будетъ понятія не только о всей и всякой душѣ, но и объ одной какой-либо душѣ.

15) Тѣ же недостатки заключаетъ въ себѣ и ученіе, изложенное въ такъ называемыхъ орфическихъ пѣсняхъ⁽¹⁾. Здѣсь говорится, что душа входитъ въ животныхъ при посредствѣ дыханія изъ окружающей вселенной, — приносимая вѣтрами. Очевидно это невозможно для растеній и даже нѣкоторыхъ животныхъ, потому что не всѣ животныя дышатъ, но на это не обратили вниманія выдуманшіе вышеприведенное ученіе. 16) Если ужъ душу производить изъ стихій, то нѣтъ никакой пужды составлять ее изъ всѣхъ, потому что изъ двухъ противоположныхъ стихій — одна можетъ познавать и саму-себя и противоположную ей. Такъ посредствомъ прямого мы познаемъ и само прямое и противоположное ему кривое; свойство прямой служитъ критеріемъ того и другого, тогда какъ по одной кривой нельзя составить понятія не о ней самой, ни о прямой.

17) Нѣкоторые говорятъ, что душа есть составная часть всего, и Thalész, можетъ быть, выходя изъ этого возрѣнія, думалъ, что вселенная наполнена богами. 18) Но является вопросъ, почему душа, находящаяся въ воздухѣ и огнѣ, не дѣлаетъ ихъ живыми существами, а производитъ это только относительно предметовъ сложныхъ, не смотря на то, что душа находящаяся въ воздухѣ и огнѣ представляется высшею по своей природѣ. 19) При этомъ можно задать также вопросъ, по какой причинѣ души находящіяся въ воздухѣ совершеннѣе

⁽¹⁾ Ср. De generat. Lib. II, с. I, 733 р.

и бессмертіе души животныхъ? 20) Здѣсь представляется двойкаго рода нелѣпость и противорѣчіе здравому смыслу. Именно—назвать огонь или воздухъ живымъ существомъ противно здравому смыслу, признавая же въ нихъ присутствіе души, не называть ихъ живыми существами—нелѣпо.—21) Присутствіе души въ этихъ стихіяхъ признается, кажется, потому, что части ихъ составляющія однородны съ цѣлымъ; но въ такомъ случаѣ и душу нужно признать состоящею изъ однородныхъ частей, такъ какъ, по мнѣнію защитниковъ этого ученія, животныя имѣютъ душу благодаря тому, что воспринимаютъ въ себя часть окружающей ихъ среды. Но, если воздухъ, какъ-бы мы его ни дѣлили, состоитъ всегда изъ однородныхъ частей, а душа, напротивъ, состоитъ изъ частей неоднородныхъ, то очевидно, что одна изъ этихъ частей есть въ воздухѣ, а другой нѣтъ. А отсюда необходимо слѣдуетъ, что или части души должны быть одинаковы между собою, или ея не должно быть ни въ одной изъ составныхъ частей вселенной.

22) Изъ всего сказаннаго очевидно, что душа познаетъ не потому, что она состоитъ изъ стихій, и что приписывать ей движеніе неосновательно и невѣрно.

23) Такъ какъ познаніе, ощущеніе и мышленіе принадлежатъ душѣ, ей также принадлежитъ желаніе, хотѣніе и вообще всякое стремленіе, отъ нея же зависитъ способность животныхъ двигаться и перемѣнять мѣсто, наконецъ—возрастаніе, зрѣлость и упадокъ силъ, то является вопросъ: вся ли душа присуща въ каждомъ изъ этихъ состояній, и мы мыслимъ, ощущаемъ и испытываемъ всякое другое страдательное или дѣятельное состояніе—всею душею, или какою-нибудь частію? Далѣе, составляетъ ли жизнь дѣйствіе одной какой-либо изъ этихъ частей, или нѣсколькихъ, или всѣхъ, или же, наконецъ, производится нѣкоторою другою причиною? 24) Есть мнѣніе, что душа состоитъ изъ частей, и мыслить одною частію, а желаетъ другою. Но что же такое будетъ въ такомъ случаѣ соединять душу въ одно цѣлое, если она состоитъ изъ частей? Никакъ ужъ не тѣло, потому что очевидно, наоборотъ тѣло соединяется въ одно цѣлое душею, и когда душа выходитъ изъ него, распадается и сгниваетъ. Если она объединяется чѣмъ-нибудь инымъ, то это иное и будетъ собственно душею. Но тогда опять является вопросъ, проста эта душа, или состоитъ изъ

частей? Если она состоитъ изъ частей, то опять нужно искать объединяющаго ихъ начала, и такъ до безконечности. 25) Возбуждается также недоумѣніе относительно того, какое значеніе имѣетъ каждая часть души для тѣла. Если вся душа объединяетъ тѣло, то необходимо, чтобы каждая часть ея объединяла какую-нибудь часть тѣла; но это невозможно, потому что трудно даже вообразить, какую часть тѣла и какъ объединяетъ на примѣръ умъ? 26) Кромѣ того растенія и многія изъ насѣкомыхъ продолжаютъ жить послѣ разсѣченія ихъ, какъ будто каждая изъ образовавшихся такимъ образомъ частей имѣетъ ту же душу, если не по числу, то по сущности, потому что каждая изъ частей нѣкоторое время ощущаетъ и двигается, и если они и умираютъ скоро, то въ этомъ нѣтъ ничего страннаго: они не имѣютъ всѣхъ органовъ для сохраненія своего бытія. Тѣмъ не менѣе, въ каждой изъ частей разсѣченнаго животнаго находятся всѣ части души цѣлаго животнаго: по роду онѣ одинаковы и между собою и съ душою цѣлаго животнаго. Одинаковы между собою въ томъ, что недѣлимы, одинаковы съ цѣлою душою, потому что подобно ей могутъ быть раздѣлены на одинаковыя части.—27) Начало присущее растеніямъ, кажется, есть также своего рода душа, потому что оно общее у растеній съ животными и можетъ существовать отдѣльно отъ ощущающаго начала. Ощущеніе же безъ него существовать не можетъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

Глава I.

1) Мы сказали все, что нужно, относительно дошедшихъ до насъ мнѣній прежнихъ мыслителей о душѣ. Теперь возвратимся къ тому, съ чего начали, и сдѣлаемъ попытку опредѣлить, что такое душа и какое можно дать самое общее понятіе о ней?

2) Одинъ изъ родовъ существующаго составляютъ субстанции⁽¹⁾. Каждая субстанція заключаетъ въ себѣ: матерію, которая сама по себѣ не есть что-либо опредѣленное, во вторыхъ форму и видъ въ силу котораго она становится опредѣленнымъ предметомъ, и въ третьихъ пѣчто состоящее изъ этихъ двухъ частей. Матерія при этомъ есть только

(¹) См. Catheg. с. IV; Metaph. Lib. V. с. 6.

потенція, форма же—энтелехія⁽¹⁾ и притомъ энтелехія въ двухъ значеніяхъ, различіе между которыми такое же, какъ между знаніемъ и приложеніемъ его⁽²⁾. 3) Повидимому тѣла и притомъ тѣла естественныя суть по преимуществу субстанціи, потому что онѣ лежатъ въ основѣ всѣхъ другихъ. Изъ тѣлъ естественныхъ однѣ одарены жизнью, другія нѣтъ. Жизнью мы называемъ—питаніе, возрастаніе и увяданіе тѣла, имѣющія основаніе въ немъ самомъ. Такимъ образомъ каждое естественное тѣло, имѣющее въ себѣ жизнь, есть субстанція и, какъ такая, есть нѣчто составное⁽³⁾. 4) Такъ какъ тѣло, какъ одаренное жизнью, имѣетъ самостоятельное бытіе⁽⁴⁾, то само оно не есть душа, потому что оно не есть какое-нибудь свойство предмета, а наоборотъ, само есть предметъ и матерія. Вслѣдствіе этого душа, необходимо, есть субстанція въ смыслѣ формы естественнаго тѣла, заключающаго въ себѣ способность жизни, а субстанція есть энтелехія. 5) Съ тѣмъ вмѣстѣ душа есть энтелехія опредѣленнаго тѣла и притомъ энтелехія въ двухъ значеніяхъ, которыя относятся между собою также, какъ знаніе и его приложеніе. Очевидно, что въ этомъ случаѣ, она есть энтелехія въ смыслѣ знанія, потому что какъ скоро существуетъ душа, является сонъ и бодрствованіе: бодрственное состояніе имѣетъ аналогію съ прилагаемымъ къ дѣлу знаніемъ, сонъ—съ знаніемъ присущимъ душѣ, но необнаруживающимся въ дѣйствіи. Знаніе по своему происхожденію предшествуетъ приложенію, потому душа есть первая энтелехія естественнаго тѣла, способнаго къ жизни и организованнаго. 6) Растенія тоже обладаютъ органами, только въ высшей степени простыми. Такъ листъ есть покровъ для

(1) Слово *ἐντελέχεια* происходитъ отъ *ἐντελέχης* законченный, совершенный, разлагается филологически въ *τὸ εἶναι ἐν τῷ τῷ τέλος ἔχειν*,—и значитъ частая, полная дѣйствительность. Схоластики переводятъ его словами: *actus* или *actus et perfectio*, Б. Сентъ—Илеръ—*realite parfaite*, Кирхманъ—*vollendete Wirklichkeit*. Мы оставляемъ этотъ оригинальный и любимый терминъ Аристотеля безъ перевода, потому что вполне точная передача однимъ или двумя словами смысла, который соединяется съ словомъ энтелехія, невозможна.

(2) Въ подлинникѣ. *τὸ μὲν ὡς ἐπιστήμη τὸ δ' ὡς τὸ θεωρεῖν*.

(3) Состоящее изъ матеріи, формы et c. См. выше п. 2. Ср. *Metaph.* VII. с. 3; VIII.

(4) *Τοῦνδε*, такое то, опредѣленное.

скорлупы, а скорлупа есть покровъ плода; корни имѣютъ сходство со ртомъ, потому что ими, какъ и ртомъ вбирается пища. Такимъ образомъ общее опредѣленіе души будетъ слѣдующее: душа есть энтелехія естественнаго органическаго тѣла.

7) Въ виду этого опредѣленія не можетъ быть и вопроса о томъ, суть-ли душа и тѣло нѣчто единое, какъ не можетъ быть этого вопроса относительно воска и его формы, или относительно единства матеріи съ тѣмъ, чему она служитъ матеріею. Хотя понятіе единого и бытіе имѣютъ много значеній, но преимущественно оно приложимо къ энтелехіи.

8) Теперь выяснилось, что такое душа вообще.—Она есть отвлеченная сущность⁽¹⁾. Отвлеченная сущность есть не что иное, какъ существенное свойство опредѣленнаго тѣла⁽²⁾. Такъ положимъ, что естественное тѣло есть какое-нибудь орудіе, напр. сѣкира. Сущность сѣкиры есть то, что она есть сѣкира и это свойство составляетъ ея душу: съ уничтоженіемъ его сѣкира перестаетъ быть сѣкирою въ собственномъ смыслѣ и становится предметомъ, имѣющимъ одинаковое съ нею названіе, при существованіи же указаннаго свойства предметъ этотъ есть дѣйствительно сѣкира. Конечно душа не есть отвлеченная сущность такого рода тѣла, какъ сѣкира: она есть отвлеченная сущность естественнаго опредѣленнаго тѣла, которое въ самомъ себѣ имѣетъ источникъ движенія и покоя. 9) Все сказанное относительно сѣкиры нужно приложить къ органамъ тѣла. Если-бы глазъ былъ живымъ существомъ, то способность видѣть была-бы его душею, потому что эта способность есть отвлеченная сущность глаза, а самый глазъ только матерія зрѣнія, съ уничтоженіемъ котораго онъ перестаетъ быть глазомъ въ собственномъ смыслѣ, а остается имъ только по имени, какъ напр. глазъ каменный или нарисованный. Сказанное относительно частей тѣла нужно приложить къ цѣлому живому тѣлу, потому что отношеніе частнаго ощущенія къ части тѣла сходно съ отношеніемъ всей совокупности ощу-

(1) *Οὐσία κατὰ λόγον*, сущность доступная разуму, общее отвлеченное понятіе о предметѣ, въ противоположность воспринимаемому чувствами, *οὐσία*—вообще.

(2) *Τὸ τὶ ἦν εἶναι εἰς τοιαυτὸ σῶματι.*

щеній ко всему ощущающему тѣлу, какъ такому. 10) Само собою понятно, что способностію жизни обладаетъ не то, что теряетъ душу, а то, что ее имѣетъ, такъ что сѣмя и плодъ суть въ возможности уже опредѣленнаго рода тѣло. 11) Такимъ образомъ, какъ свойство сѣкиры—сѣченіе и свойство глаза,—видѣніе есть энтелехія, такъ и бодрствованіе и душа имѣетъ сходство съ способностію зрѣнія и силою орудія, тѣло же есть нѣчто существующее только въ возможности; и какъ зрачекъ и зрѣніе составляютъ глазъ, такъ душа и тѣло составляютъ живое существо.

12) Итакъ душа неотдѣлима отъ тѣла; очевидно также, что неотдѣлимы и части ея, если она состоитъ изъ частей, потому что каждая изъ этихъ частей будетъ энтелехією какой-либо части тѣла. Но при этомъ нѣтъ никакого препятствія къ тому, чтобы нѣкоторыя части души, какъ несоставляющія энтелехіи тѣла, были отдѣлимыми отъ него. 13) Кроме того остается не яснымъ, относится-ли душа, какъ энтелехія тѣла, къ нему также, какъ пловецъ относится къ судну, на которомъ плыветъ.

Такъ въ общихъ чертахъ можно опредѣлять и представлять душу.

Г л а в а II.

1) Такъ какъ изъ непонятнаго, но болѣе очевиднаго проистекаетъ понятное и болѣе доступное разуму, то мы будемъ продолжать изслѣдованіе души, какъ начали.

Въ опредѣленіи должно быть указано не только то, что такое извѣстный предметъ, какъ это дѣлается въ большей части опредѣленій, но въ немъ должна указываться и объясняться причина. Дѣйствительно иногда опредѣленія бывають простыми заключеніями изъ посылокъ, какъ напр. опредѣленіе квадратуры, въ которомъ утверждается, что квадратура есть превращеніе неравносторонней прямоугольной фигуры въ равностороннюю. Такое опредѣленіе есть ни что иное, какъ заключеніе, данное въ посылкѣ. Оно будетъ имѣть въ себѣ указаніе причины, когда будетъ сказано, что квадратура есть отысканіе средней пропорціональной линіи.

2) Въ началѣ изслѣдованія мы сказали, что одушевленное отличается отъ неодушевленнаго присутствіемъ жизни.

Слово жизнь имѣетъ много значеній. Мы говоримъ, что известное существо живетъ, когда у него есть одно изъ слѣдующихъ свойствъ: умъ, ощущеніе, движеніе въ пространствѣ и покой, также движеніе, выражающееся въ питаніи, возрастаніи и увяданіи. 3) Поэтому всѣ растенія повидимому живыя существа, такъ такъ они обладаютъ тою силою и началомъ, благодаря которому растутъ и увядаютъ въ противоположныхъ направленіяхъ: они растутъ не только вверху и внизъ, но какъ въ обѣихъ этихъ направленіяхъ, такъ и во всѣ стороны, при этомъ питаются, растутъ и живутъ до известныхъ предѣловъ, пока могутъ принимать пищу. 4) Эти явленія—питанія и роста могутъ существовать отдѣльно отъ другихъ, но другія явленія душевныя безъ нихъ не могутъ существовать въ смертныхъ существахъ. Независимость ихъ отъ другихъ явленій ясно видна на растеніяхъ, потому что у растеній нѣтъ еще никакихъ другихъ силъ души, кромѣ растительной. Благодаря этому началу, жизнь присуща всѣмъ живымъ существамъ, но животное является только съ явленіемъ ощущенія. Потому даже существа не имѣющія движенія и не перемѣняющія мѣста, но обладающія ощущеніемъ, называются животными, а не просто живыми существами. 5) Изъ всѣхъ ощущеній первымъ является осязаніе, и какъ сила растительная можетъ быть безъ осязанія, такъ осязаніе можетъ существовать безъ другихъ ощущеній. Растительною силою мы называемъ ту часть души, которая присуща всѣмъ живымъ существамъ, не исключая и растеній. Въ свою очередь всѣ животныя, какъ кажется, обладаютъ чувствомъ осязанія. Какая причина того и другого изъ этихъ фактовъ, мы скажемъ въ другомъ мѣстѣ. 6) Теперь же мы скажемъ только, что душа есть начало упомянутыхъ явленій и ими т. е. способностію растительною, способностію ощущенія, мышленія и движенія—опредѣляется.

7) Есть-ли каждая изъ этихъ способностей душа, или они только части души, и если части, то отдѣлимы-ли онѣ другъ отъ друга только въ отвлеченіи, или на самомъ дѣлѣ, — вопросъ этотъ относительно нѣкоторыхъ частей не трудно рѣшить; относительно другихъ—тутъ встрѣчается затрудненіе. 8) Такъ у нѣкоторыхъ изъ растеній, если ихъ разсѣчь, части продолжаютъ жить каждая отдѣльно отъ другой, какъ будто въ каждомъ растеніи существуетъ въ дѣйствительности одна душа, а въ возможности—нѣсколько

душъ. Тоже самое мы видимъ относительно частей души расчѣненныхъ насѣкомыхъ, потому что каждая изъ частей имѣетъ ощущеніе и движеніе въ пространствѣ. Имѣя ощущеніе, каждая часть должна имѣть воображеніе и желаніе, потому что, гдѣ есть ощущеніе, тамъ есть удовольствіе и неудовольствіе, а гдѣ есть эти послѣднія, тамъ необходимо есть и желаніе. 9) Относительно ума и мыслительной способности нѣтъ такой очевидности: кажется, что это иной родъ души и онъ одинъ можетъ отдѣляться, какъ нѣчто вѣчное отъ преходящаго. 10) Что остальные части неотдѣлимы, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ, это очевидно изъ сказаннаго выше. Очевидно также, что эти части различаются между собою по своему характеру: начало ощущающее есть очевидно иное, чѣмъ начало представляющее, также точно какъ различаются между собою ощущеніе и представленіе. Тоже самое можно сказать и относительно всѣхъ другихъ упомянутыхъ способностей. 11) Кромѣ того, у нѣкоторыхъ животныхъ существуютъ всѣ эти способности, у другихъ—нѣкоторыя, а у иныхъ только одна. На этомъ основывается различіе между животными, причину чего мы объяснимъ послѣ. Тоже самое и съ ощущеніями: одни животныя имѣютъ всѣ ощущенія, другія—нѣсколько изъ нихъ, иныя только одно, самое необходимое изъ всѣхъ,—осязаніе.

12) То, чѣмъ мы живемъ и чувствуемъ двояко, подобно тому какъ двояко то, чѣмъ мы познаемъ. То, чѣмъ мы познаемъ есть съ одной стороны знаніе, съ другой душа, потому что мы познаемъ тѣмъ и другимъ. Подобнымъ же образомъ то, чѣмъ мы бываемъ здоровы, есть съ одной стороны здоровье, съ другой—кабая-нибудь часть тѣла, или все тѣло. Въ этихъ примѣрахъ знаніе и здоровье есть форма и нѣкотораго рода видъ, также понятіе и дѣйствіе предмета, способнаго къ нимъ,—знаніе—познающаго, здоровье—того, что можетъ быть здоровымъ, потому что дѣйствіе дѣйствующаго предмета, какъ кажется, обнаруживается въ страдательномъ состояніи и какомъ либо видоизмѣненіи другого. И такъ какъ душа есть то, чѣмъ прежде всего мы живемъ, ощущаемъ, представляемъ, то она есть своего рода понятіе и форма, а не матерія или подлежащее. 13) Мы сказали, что субстанція заключаетъ въ себѣ три составныя части,—форму, матерію и то, что изъ нихъ происходитъ, что изъ этихъ

частей,—матерія есть потенція, а форма энтелехія. Одушевленное существо состоитъ изъ матеріи и формы; но при этомъ не тѣло есть энтелехія души, а на оборотъ—душа есть энтелехія тѣла. 14) Потому совершенно правильно рассуждаютъ тѣ, кои представляютъ, что и душа не можетъ быть безъ тѣла и никакое тѣло не есть душа. Душа не есть тѣло, а нѣчто принадлежащее тѣлу и потому находящееся въ тѣлѣ, и при томъ, въ извѣстномъ, опредѣленномъ тѣлѣ, вопреки прежнимъ воззрѣніямъ, которыя привязываютъ ее къ тѣлу, не опредѣляя, что это за тѣло и какое оно, тогда какъ мы видимъ, что не всякій предметъ воспринимается всякимъ. 15) Это совершается на разумныхъ основаніяхъ и такимъ образомъ, что всякая энтелехія можетъ существовать только въ томъ, въ чемъ есть возможность для этого и нужная для этого матерія; отсюда ясно, что душа есть энтелехія и понятіе предмета, имѣющаго возможность быть такимъ-то опредѣленнымъ предметомъ.

Глава III.

1) У однихъ животныхъ, какъ мы сказали, есть всѣ указанная способности души, у другихъ—нѣкоторыя изъ нихъ, у иныхъ—только одна. Способностями души мы назвали: начало питающее, начало стремленія, начало движенія въ пространствѣ и начало мыслящее. 2) У растений есть только одно начало,—питающее; у другихъ существъ къ нему присоединяется ощущающее начало, а съ ощущающимъ и начало стремленія, потому что стремленіе обнаруживается въ желаніи, склонности, хотѣніи. Всѣ животныя безъ исключенія имѣютъ одно изъ чувствъ—осязаніе, а гдѣ есть ощущеніе, тамъ есть удовольствіе и неудовольствіе, пріятность и непріятность; гдѣ есть эти послѣднія, тамъ есть желаніе, потому что оно есть не что иное какъ стремленіе къ пріятному. 3) Кромѣ того у этихъ животныхъ есть еще ощущенія, сопровождающія питаніе, потому что они суть осязательныя ощущенія. Животныя питаются сухимъ и влажнымъ, теплымъ и холоднымъ, а чувство, которымъ воспринимаются всѣ эти качества, есть осязаніе: другія качества воспринимаются имъ косвенно. Звукъ, цвѣтъ и запахъ не имѣютъ въ питаніи никакого значенія. Что каса-

ется вкуса, то онъ есть тоже одно изъ осязательныхъ ощущений. Дѣло въ томъ, что голодъ и жажда суть желанія, и именно—голодъ есть желаніе сухого и теплаго, жажда—холоднаго и влажнаго, а вкусъ есть какъ-бы приправа къ нимъ. Но разъясненіе всего этого будетъ сдѣлано послѣ, а теперь скажемъ только, что у тѣхъ живогныхъ, у которыхъ есть осязаніе, есть и стремленіе. Всѣ ли при этомъ имѣютъ воображеніе,—дѣло темное, но объ этомъ послѣ. 4) У нѣкоторыхъ животныхъ къ этому присоединяется движеніе въ пространствѣ, у другихъ еще мышленіе и умъ, какъ напр. у людей, также у существъ подобныхъ имъ, или же болѣе совершенныхъ, чѣмъ они.

5) Легко видѣть, что понятіе души есть одно въ томъ же смыслѣ, въ какомъ одно понятіе математической фигуры. Какъ тамъ, фигура вообще не есть что-нибудь существующее отдѣльно отъ трехъугольника и другихъ фигуръ, такъ и здѣсь, душа не есть нѣчто отдѣльное отъ указанныхъ выше способностей. Правда всѣмъ фигурамъ можетъ быть дано одно общее опредѣленіе, которое будетъ относиться къ каждой и не обозначать ни одной изъ нихъ въ частности; тоже самое и относительно перечисленныхъ душъ. Но смѣшно было-бы въ томъ и другомъ случаѣ искать такого общаго понятія, которое не было-бы собственно понятіемъ ни одного изъ изслѣдуемыхъ предметовъ и не относилось-бы къ особенной индивидуальной формѣ, а оставляло ее въ сторонѣ. 6) И въ другомъ отношеніи душа имѣетъ сходство съ математическими фигурами,—именно: какъ у фигуръ, такъ и у живыхъ существъ, въ послѣдующемъ всегда потенціально существуетъ предыдущее: такъ въ четырехъугольникѣ содержится трехъугольникъ, въ душѣ ощущающей—душа растительная. Такимъ образомъ является необходимость изслѣдовать относительно каждаго существа, какая у него душа, напр. какая душа у растенія, какая у человѣка, какая у животнаго.

7) Посмотримъ теперь, въ какомъ отношеніи стоятъ между собою души по порядку.

Безъ растительной силы—ощущая не существуетъ, но сама растительная сила существуетъ—въ растеніяхъ отдѣльно отъ ощущающей. Далѣе, безъ осязанія не можетъ быть никакого другаго ощущенія, а само осязаніе существуетъ безъ всѣхъ другихъ ощущений, потому что многія животныя

не имѣютъ ни слуха, ни зрѣнія, также нѣтъ у нихъ чувства обонянія. Движеніе въ пространствѣ одни ощущающія существа имѣютъ, другія нѣтъ. Наконецъ весьма не многія изъ нихъ обладаютъ мыслительною дѣятельностію и разсудкомъ. У тѣхъ изъ смертныхъ существъ, которыя обладаютъ мыслительною способностію, есть и всѣ другія; но мыслительная способность находится не у всѣхъ, обладающихъ ею, въ одинаковой степени: у нѣкоторыхъ нѣтъ даже воображенія, а другія живутъ только съ этою способностію. Совершенно въ особыхъ условіяхъ находится умъ, какъ дѣятельность отвлеченная.

Изъ всего сказаннаго ясно, что понятіе о каждой изъ указанныхъ способностей есть въ то же время ближайшее понятіе о самой душѣ.

Г л а в а IV.

1) Исслѣдователь всѣхъ этихъ способностей необходимо долженъ составить понятіе о томъ, что такое каждая изъ нихъ, за тѣмъ изслѣдовать результаты ихъ дѣятельности и также другія обстоятельства. Но для того, чтобы опредѣлить, что такое каждая изъ способностей, напр. что такое сила мыслящая, или сила ощущающая, или растительная, нужно сказать сначала, что есть мышленіе и что такое ощущение, потому что обнаруженіе и дѣятельность силъ существуютъ для ума прежде, чѣмъ сами онѣ. Если же такъ и если самымъ дѣятельностямъ предшествуютъ предметы ихъ возбуждающіе, то по той же самой причинѣ нужно разсмотрѣть эти послѣднія, т. е. пищу, ощущаемое и мыслимое.

2) Такимъ образомъ прежде всего нужно сказать о пищѣ и рожденіи, потому что сила растительная, съ одной стороны, принадлежитъ всѣмъ живымъ существамъ, съ другой—есть первая и самая общая сила души, благодаря которой возможна жизнь у всѣхъ живыхъ существъ. Дѣятельности ея суть рожденіе и питаніе.

Для живыхъ существъ, если онѣ вполне сформированы, неизувѣчены и не происходятъ путемъ самостоятельнаго зарожденія,—самое естественное отправление—производить себѣ подобное, для растенія—растеніе, для животнаго—животное, дабы, сообразно съ своими средствами, быть при-

частными вѣчному и божественному. Въ самомъ дѣлѣ, все живыя существа стремятся къ этому и ради этого дѣлаютъ все, къ чему способны по своей природѣ. Конечная причина при этомъ двойкаго рода: самая цѣль и существо для котораго эта цѣль преслѣдуется⁽¹⁾. Такъ какъ само живое существо не можетъ быть постоянно причастнымъ вѣчному и божественному, потому что ни одно смертное существо не можетъ существовать вѣчно, какъ индивидуумъ, то каждое участвуетъ въ немъ на сколько можетъ,—одно болѣе, другое—менѣе, и, если не само, то въ себѣ подобномъ продолжаетъ существовать, будучи тождественно съ нимъ по виду, хотя не тождественно по числу.

3) Душа есть причина и начало живаго тѣла. Слово причина имѣетъ нѣсколько значеній и душа есть причина въ трехъ извѣстныхъ смыслахъ: она есть причина, какъ источникъ движенія, какъ цѣль, къ которой это движеніе направляется, и какъ сущность живыхъ тѣлъ. 4) Что душа есть причина въ смыслѣ сущности—это очевидно, потому что сущность есть причина бытія каждаго предмета: сущность живыхъ существъ есть жизнь, а душа есть причина жизни. Кромѣ того основа потенціальнаго есть энтелехія⁽²⁾. 5) Что душа есть причина въ смыслѣ цѣли, тоже ясно, потому что какъ умъ дѣйствуетъ для чего нибудь, такъ и природа, и это для чего есть ея цѣль. Такая цѣль для живыхъ существъ, по самой ихъ природѣ, есть душа, такъ какъ все естественныя тѣла, какъ животныя, такъ и растенія, суть орудія души и для нея существуютъ. Слово цѣль имѣетъ двойкій смыслъ: въ одномъ имъ означается то, что достигается, въ другомъ то, для чего достигается. 6) Также точно душа служить источникомъ движенія въ пространствѣ, хотя не всеѣмъ живымъ существамъ присуща эта способность. Отъ души же зависитъ внутреннее измѣненіе и возрастаніе, потому что ощущеніе есть нѣкотораго рода измѣненіе, а ощущение есть только тамъ, гдѣ есть душа. Тоже самое имѣютъ силу относительно возрастанія и увяданія: возрастаетъ физически и увядаетъ только то, что питается, а питаніе

⁽¹⁾ Въ подлинномъ стоитъ: τὸ δ' ἔνεκα διπλὸν, τὸ μὲν ἕ, τὸ δ' ῥ.

⁽²⁾ τῆ δυνάμει ὄντος λόγος ἢ ἐντελεχεια. В. С. Илеръ переводитъ λόγος—la raison, Kirchmann—der Begriff.

совершается только въ существѣ причастномъ жизни. 7) Эмпедокль несправедливо утверждаетъ, что растенія, какъ прикрѣпленные корнями къ землѣ, направляются въ своемъ ростѣ внизъ потому, что таково направленіе движенія самой земли въ силу ея природы, и что направленіе ихъ роста вверхъ зависитъ отъ огня. Дѣло въ томъ, что онъ неправильно понимаетъ верхъ и низъ. Какъ для цѣлой вселенной, такъ и для всякаго живаго существа верхъ и низъ находятся не въ одномъ и томъ-же направленіи. Такъ корни у растеній соотвѣтствуютъ головѣ у животныхъ, если принять за основаніе отождествленія и различеніе органовъ ихъ отправленіе. Кромѣ того, чѣмъ сдерживаются въ растеніяхъ земля и огонь, стремящіяся въ противоположныя стороны? Если-бы не было силы, ихъ сдерживающей,—онѣ разъединились-бы; если же есть такая сила, то это душа и она же есть причина возрастанія и питанія. 8) Нѣкоторые думаютъ, что единственная причина питанія и роста есть природа огня. Онъ одинъ изъ всѣхъ тѣлъ и стихій самъ есть нѣчто питающееся и растущее, потому можетъ казаться, что имъ производятся эти явленія и въ растеніяхъ и животныхъ. Но огонь здѣсь есть только одна изъ причинъ, а не единственная причина; въ собственномъ смыслѣ причина ихъ есть душа. Дѣло въ томъ, что возрастаніе огня не имѣетъ границъ, пока есть горючій матеріаль, между тѣмъ для всѣхъ естественныхъ тѣлъ есть предѣлъ и опредѣленная форма величины и роста, и это зависитъ отъ души, а не отъ огня, отъ сущности, а не отъ матеріи.

9) Такъ какъ растительная и воспроизводительная способности души суть одна и таже сила, то нужно прежде подвергнуть изслѣдованію питаніе, потому что это отправленіе служитъ отличительнымъ признакомъ души растительной отъ всѣхъ другихъ.

Повидимому пищею служитъ противоположное противоположному, но не всегда. Только тѣ изъ противоположностей служатъ пищею, которыя не только происходят другъ отъ друга, но и увеличиваются подъ вліяніемъ одна другой. Дѣйствительно; многія противоположности происходят другъ отъ друга, но въ то же время не увеличиваются количественно: примѣромъ можетъ служить происхожденіе состоянія здоровья изъ состоянія болѣзни. И питающія другъ друга

противоположныя служатъ одно другому пищею не одинаковымъ образомъ: такъ вода служитъ пищею для огня (¹), но огонь питать воду не можетъ, и повидимому въ тѣлахъ простыхъ одно по преимуществу есть питающее, другое же питаемое. 10) Здѣсь встрѣчается недоумѣніе. Нѣкоторые утверждаютъ, что питается и увеличивается въ ростъ подобное подобнымъ, другіе полагаютъ, какъ и мы сказали, что изъ двухъ противоположныхъ одно питается другимъ, такъ какъ подобное не можетъ подвергаться страданію отъ подобнаго, между тѣмъ какъ пища терпитъ измѣненіе и переваривается, а все измѣняясь, превращается въ противоположное или въ нѣчто среднее. Кромѣ того, пища нѣчто претерпѣваетъ отъ питающагося, а питающееся отъ пищи не терпитъ ничего, точно также какъ строитель не терпитъ никакого измѣненія отъ матеріала, изъ котораго строить, а наоборотъ строительный матеріалъ воспринимаетъ на себя его дѣйствіе: самъ строитель измѣняется только въ той мѣрѣ, въ какой изъ состоянія бездѣйствія, переходитъ къ дѣйствію построенія. 11) Нужно также обратить вниманіе на то, что собственно называется пищею, первоначальное ея состояніе, или окончательная форма? Если подъ словомъ пища разумѣется и то и другое, т. е. пища уже переваренная и непереваренная, въ такомъ случаѣ къ ней можно приложить то и другое объясненіе. Когда разумѣется непереваренная пища, можно утверждать, что противоположное питается противоположнымъ; когда же разумѣется переваренная, можно говорить, что подобное питается подобнымъ. Такимъ образомъ очевидно, что каждое изъ приведенныхъ мнѣній вѣрно въ одномъ отношеніи и невѣрно въ другомъ.

12) Такъ какъ ничто безжизненное не питается, то питающееся есть непременно тѣло одушевленное и именно въ силу того, что оно одушевленное, такъ что питаніе есть существенный, а не случайный признакъ одушевленнаго. 13) Кромѣ того существуетъ различіе между производящимъ питаніе и производящимъ возрастаніе. Если мы будемъ разсматривать одушевленное существо, какъ величину количественную, то оно будетъ растущимъ: если мы будемъ разсматривать его какъ опредѣленный предметъ и субстанцію, то оно будетъ питающимся. Питаніемъ поддерживается са-

---

(¹) Т. е. въ нѣкоторыхъ случаяхъ водою огонь можетъ увеличиваться и усиливаться.

мостоятельное бытіе предмета и съ этой стороны предметъ существуетъ до той поры, пока питается. Сила питающая не производитъ существа питающагося, а сама есть нѣчто питаемое: она сама есть сущность и не производитъ сама себя, а только сохраняетъ. Такимъ образомъ это начало души есть сила, которая сохраняетъ существо, обладающее ею, такимъ, каково оно есть. Пища даетъ ей средство дѣйствовать въ этомъ направленіи, потому что безъ пищи одушевленное существо не можетъ существовать. 14) Въ немъ различаются три стороны: питаемое, то, чѣмъ оно питается и сила питающая. При этомъ сила питающая есть первая душа, питаемое тѣло, имѣющее эту душу, то, чѣмъ питается—пища. 15) И такъ какъ въ понятіе всякаго предмета входитъ понятіе цѣли, а конечная цѣль въ данномъ случаѣ состоитъ въ рожденіи существа себѣ подобнаго, то первая душа есть также сила, раждающая себѣ подобное. 16) То чѣмъ производится питаніе двоякаго рода, подобно тому, какъ двоякаго рода то, чѣмъ управляется корабль,—рука управляющая и кормило, изъ коихъ одно есть движущее и движимое, другое только—движущее. Дѣло въ томъ, что всякая пища должна быть переварена, перевариваніе же производится посредствомъ теплоты, потому-то всякое живое существо заключаетъ въ себѣ теплоту.

Мы дали здѣсь только самое общее понятіе о пищѣ: впослѣдствіи этотъ предметъ будетъ подвергнутъ болѣе точному изслѣдованію въ спеціальному сочиненіи.

Г л а в а V.

1) Послѣ этихъ объясненій мы должны дать теперь общее понятіе о всѣхъ вообще ощущеніяхъ.

Ощущеніе есть состояніе движенія, состояніе страдательное, потому что повидимому оно есть нѣкотораго рода измѣненіе. Нѣкоторые утверждаютъ, что подобное не можетъ страдательно возбуждаться подобнымъ. Насколько это возможно, или невозможно,—объ этомъ мы сказали въ изслѣдованіи о дѣйствіи и страданіи⁽¹⁾. 2) Здѣсь является вопросъ, почему ощущеніе не происходитъ само собою въ органахъ

---

(1) По мнѣнію Симплиція и Филанкопа здѣсь разумѣется трактатъ *Περὶ γενέσεως καὶ φθορᾶς*.

чувствъ и почему безъ внѣшнихъ дѣятелей не можетъ быть ощущенія, хотя въ существахъ ощущающихъ находятся огонь, земля и другія стихіи, которыя воспринимаются ощущеніемъ, или сами или въ своихъ свойствахъ? Очевидно, что начало ощущающее не есть дѣйствующая сила, а только способность, подобно тому какъ горючій матеріалъ не горитъ самъ собою, не будучи зажженъ: если бы онъ могъ горѣть самъ собою, то не нуждался-бы въ огнѣ дѣйствительномъ, — въ огнѣ энтелехіи. Такъ какъ объ ощущающемъ говорится въ двойномъ смыслѣ, (обладающаго способностію видѣть и слышать называютъ видящимъ и слышащимъ и тогда, когда онъ спитъ, и тогда, когда онъ дѣйствительно видитъ и слышитъ); то въ двойномъ смыслѣ говорится и объ ощущеніи, какъ о способности къ ощущенію, и какъ дѣйствительномъ ощущеніи, и ощущающее также можетъ быть ощущающимъ въ возможности и въ дѣятельности. 3) Предположимъ сначала, что страдательное состояніе, движеніе и дѣйствованіе суть одно и то же, потому что движеніе есть нѣкотораго рода дѣятельность, только неоконченная, какъ объяснено это въ другомъ мѣстѣ ⁽¹⁾. Во всякомъ случаѣ всякое страдательное состояніе и движеніе производится дѣтелемъ и силою находящеюся въ дѣтельномъ состояніи; въ силу этого страдательное состояніе, какъ мы сказали, производится какъ подобнымъ такъ и несходнымъ, потому что въ страдательное состояніе приходитъ несходное, но пришедши въ это состояніе оно становится подобнымъ. 4) На самомъ дѣлѣ нужно различать способность и энтелехію и мы теперь будемъ говорить о нихъ прямо. Такъ о знаніи мы можемъ говорить въ томъ смыслѣ, въ какомъ говорится напр., что человѣкъ знаетъ т. е. принадлежитъ къ людямъ, обладающимъ знаніемъ и способностію знать, и въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы называемъ знающимъ человѣка, который знаетъ грамматику. Каждый изъ нихъ обладаетъ способностію не одинаковымъ образомъ: одинъ обладаетъ ею, какъ принадлежащій къ извѣстному роду матеріально, другой обладаетъ способностію, какъ могущій, если не будетъ препятствія отвнѣ, показать свое знаніе. Но въ собственномъ смыслѣ знающій, — знающій дѣйствительно, есть тотъ, кто знаетъ опредѣлен-

---

⁽¹⁾ Naturalis auscultationis. Lib. III, c. 2.

ный предметъ, напр. это А. Оба первые обладаютъ знаніемъ въ возможности, но одинъ въ томъ смыслѣ, что измѣнился чрезъ наученіе и много разъ переходилъ изъ одного состоянія въ другое—противоположное; другой въ томъ смыслѣ, что онъ имѣетъ ощущеніе или знаетъ грамматику, но не обнаруживаетъ ихъ, а совершаетъ дѣятельности другаго рода. 5) И понятіе страдательнаго состоянія не есть простое. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это состояніе есть уничтоженіе чѣмъ-либо противнымъ, въ другихъ скорѣе сохраненіе существующаго въ возможности существующимъ въ дѣйствительности: отношеніе здѣсь такое же, какое существуетъ между способностію и энтелехію. Когда человѣкъ обладающій знаніемъ приводитъ это знаніе въ дѣйствіе, то это не есть измѣненіе (потому что здѣсь самъ онъ становится совершеннѣе, ближе къ своей дѣйствительности—энтелехіи); или же это измѣненіе особаго рода. Потому неправильно говорятъ о мыслящемъ, что онъ подвергается измѣненію во время мышленія, точно также какъ о строящемъ, когда онъ строитъ. Переходъ отъ существующаго въ возможности въ области мышленія и представленія, къ дѣйствительности, къ энтелехіи приличнѣе было-бы не называть наученіемъ, а какъ-нибудь иначе. Также точно человѣка, который научается, благодаря своей способности, и получаетъ знаніе отъ человѣка дѣйствительно обладающаго имъ и учащаго, не слѣдуетъ, какъ сказано, называть находящимся въ страдательномъ состояніи,—или же нужно признать два способа измѣненія, изъ коихъ одинъ приводитъ къ лишенію, другой къ приобрѣтенію и приближенію къ природѣ. 6) Первое измѣненіе ощущающаго проистекаетъ изъ производящаго его дѣятеля, но когда это измѣненіе произведено, ощущеніе является въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и знаніе,—оно является дѣйствительно существующимъ, подобно прилагаемому знанію; отличается оно отъ знанія тѣмъ, что сила—производящая его идетъ отъ внѣ,—отъ видимаго, слышимаго и другихъ дѣятелей, возбуждающихъ чувства. Причина этого заключается въ томъ, что дѣйствительнымъ ощущеніемъ воспринимаются отдѣльныя, единичныя явленія, знаніе же имѣетъ дѣло съ всеобщимъ, а это послѣднее существуетъ нѣкоторымъ образомъ въ самой душѣ. Потому мыслить можетъ всякій, когда угодно, ощущеніе же не зависитъ отъ нашей воли, для него необходимо присутствіе возбуждающаго ощущеніе предмета. Тоже самое имѣетъ мѣсто и относительно

знанія ощущаемыхъ предметовъ и по той же причинѣ, именно вслѣдствіе того, что объекты ощущенія единичны и находятся внѣ. Но мы будемъ еще имѣть случай объяснить это. 7) Теперь же нужно закончить объясненіе того, что понятіе способности двойственно. Въ одномъ смыслѣ оно имѣетъ такое же значеніе какое напр. въ словахъ, что мальчикъ можетъ предводительствовать арміей, въ другомъ когда мы говоримъ, что взрослый человѣкъ можетъ быть предводителемъ арміи. Такое различеніе приложимо и къ способности ощущенія. Такъ какъ указанное различіе въ понятіи способности не имѣютъ особыхъ названій,—но самое различіе тѣмъ не менѣе существуетъ и объяснено нами, то по необходимости приходится употреблять общепринятые термины: страдательное состояніе и измѣненіе. Сила ощущающая, какъ мы сказали, есть только въ возможности то, что самое ощущеніе есть въ дѣйствительности. Сила эта находится въ страдательномъ состояніи, пока она не подобна ощущаемому, но подверглись этому состоянію, она уподобляется и становится сходною съ тѣмъ, что ощущается.

Глава VI

1) Теперь нужно говорить прежде всего о предметахъ возбуждающихъ ощущенія каждаго изъ внѣшнихъ чувствъ. Предметы ощущаемые трехъ родовъ: въ двухъ изъ нихъ ощущается нѣчто непосредственно, само по себѣ, въ третьемъ ощущаемое есть нѣчто случайное. При этомъ въ первыхъ двухъ родахъ есть нѣчто исключительно свойственное каждому чувству и нѣчто общее имъ всѣмъ.

2) Свойственнымъ извѣстному чувству я называю то, что не можетъ быть воспринимаемо другимъ чувствомъ и относительно чего чувство не можетъ ошибаться, таковы: для зрѣнія—цвѣтъ, для слуха—звукъ, для органа вкуса—вкусъ. Въ области осязанія такихъ ему одному свойственныхъ воспріятій нѣсколько. Каждое чувство внѣшнее безошибочно различаетъ то, что ему свойственно, цвѣтъ, звукъ; но не различаетъ того, какой предметъ имѣетъ цвѣтъ и гдѣ онъ находится, что звучитъ и гдѣ находится. Воспріятія принадлежащія исключительно одному которому-либо изъ чувствъ называются специальными; общія же суть—движеніе, покой, число, фигура, величина, потому что они не воспринимаются

исключительно однимъ чувствомъ, а общи всѣ имъ. Такъ движеніе воспринимается какъ осязаніемъ, такъ и зрѣніемъ. 3) Ощущаемое есть нѣчто случайное тогда, когда напр. вмѣстѣ съ ощущеніемъ бѣлизны воспринимается, что бѣлый предметъ есть сынъ Діара. Это послѣднее въ ощущеніи есть нѣчто случайное, такъ какъ оно случайно является при ощущеніи бѣлизны. Потому чувство само по себѣ непосредственно неподвергается дѣйствию этаго рода ощущаемыхъ предметовъ. Изъ предметовъ, воспринимаемыхъ чувствами внѣшними непосредственно, ихъ спеціальные предметы суть по преимуществу объекты ощущенія и къ нимъ направляется каждое чувство по своей природѣ.

Г л а в а VII.

1) Объектъ чувства зрѣнія есть видимое. Видимое есть цвѣтъ и еще нѣчто, доступное пониманію, но недоступное выраженію въ словахъ. Что я разумѣю здѣсь, объяснится по мѣрѣ того, какъ мы будемъ подвигаться впередъ въ изслѣдованіи. Видимое есть цвѣтъ, а цвѣтъ есть нѣчто принадлежащее предмету, который видимъ самъ собою, и видимъ самъ собою не въ отвлеченномъ только смыслѣ, а потому что въ себѣ самомъ заключаетъ причину своей видимости. Всякій цвѣтъ есть нѣчто приводящее въ движеніе дѣйствительно прозрачную среду и въ этомъ состоитъ его природа. Вслѣдствіе этого безъ свѣта нѣтъ ничего видимаго и цвѣтъ cadaго предмета видимъ только при свѣтѣ. Потому прежде всего нужно сказать, что такое свѣтъ.

2) Существуетъ нѣчто прозрачное. Я называю прозрачнымъ то, что видимо, но говоря точно, видимо не само по себѣ, а благодаря чужому цвѣту. Въ этомъ смыслѣ прозрачны воздухъ, вода и многіе изъ твердыхъ тѣлъ. Воздухъ и вода прозрачны не какъ такіе, а потому что въ нихъ находится то самое начало, которое принадлежитъ находящемуся вверху вѣчному тѣлу. Свѣтъ есть дѣйствіе прозрачнаго тѣла, какъ прозрачнаго; но тамъ, гдѣ существуетъ въ возможности свѣтъ, существуетъ и тьма. Свѣтъ есть какъ бы цвѣтъ прозрачнаго тѣла, когда оно становится дѣйствительно прозрачнымъ подъ вліяніемъ огня или чего-либо подобнаго тѣлу, находящемуся вверху, потому что въ нихъ одно

и тоже начало. Мы сказали, что такое прозрачное и что такое свѣтъ. Свѣтъ не есть ни огонь, ни тѣло какое либо, ни истечение изъ тѣла какого-либо, (потому что въ такомъ случаѣ онъ былъ бы тѣломъ): онъ есть присутствіе огня или чего-либо похожаго на огонь въ прозрачномъ тѣлѣ. Потому что двухъ тѣлъ въ одно и тоже время, въ одномъ и томъ-же мѣстѣ быть не можетъ. 3) Повидимому свѣтъ есть нѣчто противоположное тьмѣ. Тьма есть уничтоженіе состоянія прозрачности въ прозрачномъ тѣлѣ и слѣдовательно свѣтъ есть присутствіе этого состоянія. Потому несправедливо Эмпедокль или кто-то другой утверждалъ, что свѣтъ есть нѣчто движущееся, что онъ иногда находится въ пространствѣ между землей и окружающими ее тѣлами, но что это движеніе невидимо для насъ. Такое представленіе противно разуму и находится въ противорѣчій съ явленіями. Въ небольшомъ пространствѣ движенія свѣта могло-бы еще остаться незамѣтнымъ, но чтобы оно не замѣчалось въ пространствѣ отъ востока до запада,—это слишкомъ смѣлое предположеніе. 4) Способное къ принятію цвѣта,—безцвѣтно, къ принятію звука безвучно. Безцвѣтно прозрачное и невидимое, или едва видимое, какъ темное. Таково прозрачное, но только прозрачное, когда оно находится въ возможности, а не есть въ энтелехіи, въ дѣйствительности прозрачное: одно и тоже начало является то свѣтомъ, то тьмою. Не все видимое—видимо только при свѣтѣ, при немъ видимъ только цвѣтъ свойственный каждому предмету: нѣкоторые предметы невидимы при свѣтѣ, но во тьмѣ производятъ зрительное ощущеніе, напр. предметы огненнаго цвѣта и свѣтящіеся. Они не имѣютъ одного общаго названія. Таковы: грибы, рогъ, головы рыбъ, чешуя и глаза ихъ. Но свойственный этимъ предметамъ цвѣтъ уже невидимъ при этомъ. Какая тому причина, объ этомъ будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ. 5) Теперь же ясно то, что видимое при свѣтѣ есть цвѣтъ, потому онъ и невидимъ безъ свѣта. Сущность цвѣта состоитъ въ томъ, чтобы приводить въ движеніе прозрачную среду, находящуюся въ дѣйствиіи, и эта энтелехія прозрачнаго есть свѣтъ. Яснымъ признакомъ этого служить то обстоятельство, что, если мы приложимъ цвѣт-ный предметъ непосредственно къ глазу, то перестанемъ видѣть его. Очевидно цвѣтомъ приводится въ движеніе прозрачная среда въ родъ воздуха: это движеніе, продолжаясь непрерывно, приводитъ въ движеніе органъ чувства. 6) Потому

невѣрно мнѣніе Демокрита, что, если-бы вмѣсто среды была пустота, то мы ясно могли бы видѣть муравья на небѣ. Это невозможно, потому что видѣніе есть нѣкоторое страдательное возбужденіе органа чувства. Такъ какъ возбужденіе не можетъ быть произведено самымъ видимымъ цвѣтомъ непосредственно, то остается признать, что это возбужденіе производится средою, и присутствіе этой среды совершенно необходимо; если бы на мѣсто среды было пустое пространство, то не только невозможно было-бы видѣть ясно, но ничего нельзя бы было видѣть. 7) Мы сказали, по какой причинѣ цвѣтъ бываетъ видимъ необходимо только при свѣтѣ. Но огонь бываетъ видимъ въ обоихъ условіяхъ и при свѣтѣ и во тьмѣ и это такъ должно быть, потому что прозрачное становится прозрачнымъ только благодаря ему. 8) Тоже самое приложимо къ звуку и запаху: тотъ и другой производятъ ощущеніе не черезъ непосредственное прикосновеніе къ органу чувства, но какъ запахомъ, такъ и звукомъ приводится въ движеніе среда и ею уже возбуждаются органы. Если звучащее или пахучее тѣло приложить къ самому органу, то не произойдетъ никакого ощущенія. Подобнымъ же образомъ совершается ощущеніе и въ области осязанія и вкуса, только это не очевидно съ перваго раза, по какой причинѣ,—обнаружится впоследствии. 9) Среда звука есть воздухъ, среда запаха не имѣетъ названія: она есть нѣкоторое состояніе общее воздуху и водѣ; какъ прозрачное— для цвѣта, она есть для существа обладающаго обоняніемъ,— нѣчто находящееся въ этихъ стихіяхъ. Дѣло въ томъ, что животныя, обитающія въ водѣ, имѣютъ чувство обонянія; человѣкъ же и другія животныя, обитающія на сушѣ и движущіяся могутъ обонять только при посредствѣ дыханія. Какая причина этого явленія,—объ этомъ сказано будетъ тоже послѣ.

Г л а в а VIII.

1) Теперь подвергнемъ излѣдованію звукъ и слухъ. Звукъ имѣетъ двоякую форму бытія: звукъ въ дѣйстви и звукъ въ возможности. Мы говоримъ, что одни предметы не имѣютъ звука напр. губки, шерсть, другіе имѣютъ звукъ какъ напр. мѣдь и твердая гладкія тѣла, потому что онѣ могутъ издавать звукъ т. е. въ пространствѣ, находящемся между ними.

и слухомъ производить звукъ въ дѣйствительности. 2) Дѣйствительный звукъ всегда производится дѣйствіемъ одного предмета на другой въ нѣкоторой средѣ. Звукъ производится ударомъ и потому одно тѣло само собою не можетъ произвести его, такъ какъ ударяющее и ударяемое два различные предмета. Такимъ образомъ звучащее звучитъ не само собою и движеніе производится ударомъ. Не всякое ударяемое тѣло, какъ мы сказали, производитъ звукъ: если ударить шерсть, то не произойдетъ никакого звука; его производитъ мѣдь, гладкія вогнутыя тѣла и самая мѣдь потому, что она гладка. Предметы вогнутые, вслѣдствіе отраженія, производятъ вслѣдъ за первымъ большое количества ударовъ, такъ какъ колеблющаяся среда не можетъ выйти изъ нихъ сразу. При этомъ звукъ слышится какъ въ воздухѣ, такъ и въ водѣ, но въ послѣдней—слабѣе. 3) Ни воздухъ, ни вода не составляютъ главнаго условія для звука; необходимъ ударъ одного твердаго тѣла о другое и сообщеніе этаго удара воздуху. Это бываетъ только въ такомъ случаѣ, когда воздухъ подъ вліяніемъ удара не разсѣвается, а оказываетъ сопротивленіе: потому звукъ происходитъ только въ томъ случаѣ, когда ударъ производится сильно и быстро. Причина заключается въ томъ что движеніемъ ударяющаго тѣла должно быть предотвращено разсѣяніе воздуха, подобно тому, какъ это дѣлается въ томъ случаѣ, когда мы ударомъ приводимъ въ быстрое движеніе груды или рядъ песку. Эхо происходитъ въ томъ случаѣ, когда воздухомъ, превратившимся въ сплошное тѣло, вслѣдствіе того, что сосудъ, въ который онъ входитъ, ограничиваетъ его и препятствуетъ разсѣяться, отталкивается воздухъ, подобно шару. Повидимому эхо всегда сопутствуетъ звуку, но только не слышится, потому что съ звукомъ бываетъ тоже, что со свѣтомъ. Свѣтъ всегда отражается (потому что въ противномъ случаѣ онъ не распространялся-бы всюду, и за предѣлами, въ которыхъ непосредственно падаютъ лучи солнца, было-бы темно), но отражается онъ не всегда такъ, какъ отражается отъ воды, мѣди и нѣкоторыхъ другихъ гладкихъ предметовъ, производя тѣнь, по которой мы определяемъ самый свѣтъ. 5) Пустота справедливо почитается главнымъ условіемъ слышанія. Воздухъ дѣйствительно есть нѣчто пустое и производитъ ощущеніе слуха, когда движется, какъ одно сплошное тѣло; но такъ какъ онъ способенъ разсѣиваться, то звукъ имъ производится только

въ такомъ случаѣ, когда ударяемое гладко. Соприкасаясь съ поверхностію, которая у гладкаго предмета есть нѣчто единое, воздухъ становится тоже однимъ сплошнымъ тѣломъ. 6) Звучащее тѣло такимъ образомъ есть тѣло движущее воздухъ, какъ одно сплошное цѣлое до органа слуха, который заключаетъ въ себѣ нѣчто родственное съ воздухомъ. Вслѣдствіе того, что тѣло звучащее находится въ воздухѣ, движеніемъ внѣшняго воздуха приводится въ движеніе воздухъ находящійся внутри органа слуха. Вотъ почему животное не слышитъ всѣми частями своего организма и не во всѣ части проникаетъ воздухъ, потому что движущіяся и одушевленные части не должны вовсе заключать въ себѣ воздуха. Самъ по себѣ, какъ легко разсѣвающійся, воздухъ беззвученъ: когда же онъ встрѣчаетъ препятствіе къ своему разсѣянію, тогда движеніе его становится звукомъ, при этомъ тотъ воздухъ, который находится въ ухѣ, заключенъ въ немъ такъ, что остается неподвижнымъ съ тою цѣлію, чтобы органъ слуха могъ воспринимать всѣ различія въ движеніи. Потому мы слышимъ и въ водѣ, такъ какъ вода не достигаетъ заключеннаго въ ухѣ воздуха и даже не проникаетъ въ самое ухо по причинѣ его изгибовъ. Когда бываетъ послѣднее—слышаніе прекращается, какъ и при болѣзненномъ состояніи барабанной перепонки, подобно тому, какъ при болѣзненномъ состояніи оболочки, покрывающей глазъ, прекращается видѣніе. Признакомъ существованія слуха служитъ постоянный шумъ въ ухѣ, какъ въ томъ случаѣ, когда къ нему приставленъ будетъ рогъ⁽¹⁾, потому что воздухъ находящійся въ ушахъ находится въ постоянномъ самостоятельномъ движеніи. Но звукъ есть нѣчто чуждое и не принадлежащее ему, потому-то и говорится, что мы слышимъ при помощи пустоты и отраженія звука, такъ какъ мы слышимъ опредѣленнымъ количествомъ заключеннаго въ ухѣ воздуха. 7) Чѣмъ производится звукъ — ударяющимъ или ударяемымъ? Тѣмъ и другимъ, но каждымъ по своему. Звукъ есть движеніе предмета, могущаго двигаться такъ, какъ двигаются тѣла отскакивающія отъ гладкихъ поверхностей, будучи о нихъ ударены. Не всякое тѣло ударяемое и ударяющее производитъ, какъ мы сказали, звукъ, какъ напр. въ томъ случаѣ когда ударяется острое объ острое же. Ударяемое тѣло должно быть гладкимъ, такъ чтобы воздухъ, не

(1) Въ подлинникѣ стоитъ просто: τὸ ἤχην αἰεὶ τὸ οὖς, ὡςπερ τὸ κέρασ.

разсѣявшись, отскакивалъ отъ него и въ этомъ видѣ колебался. 8) Различія въ тѣлахъ звучащихъ узнаются при посредствѣ дѣйствительнаго звука. Какъ безъ свѣта нельзя видѣть цвѣтовъ, также точно безъ звука нѣтъ звуковъ острыхъ и тупыхъ. Такъ названы эти звуки метафорически по аналогіи съ осязательными предметами: острый предметъ производитъ въ небольшое количество времени большое число движеній въ органѣ чувства, тупой—въ большое количество времени небольшое число движеній. Это не значитъ, что острый звукъ тождественъ съ быстротой, а тупой съ медленностію; а значитъ, что движеніе, которымъ производится первый—совершается съ быстротою, движеніе же которымъ производится второй—медленно, и здѣсь есть очевидно сходство съ осязательнымъ ощущеніемъ остраго и тупаго. Дѣйствительно, острый предметъ пронзаетъ, тупой—давитъ, потому что первый производитъ движеніе въ малое время, второй—въ большое, первый потому есть нѣчто краткое, второй—продолжительное. Этимъ ограничимся относительно звука. 9) Голосъ есть звукъ, издаваемый существомъ одушевленнымъ. Ни одинъ изъ неодушевленныхъ предметовъ не имѣетъ голоса, и говорится о ихъ голосѣ только по аналогіи, какъ напр. говорится о голосѣ свирѣли, лиры и другихъ неодушевленныхъ предметовъ, которыми издаются протяжные, мелодичные и выразительные звуки, потому что голосъ состоитъ изъ этого рода звуковъ. Многія животныя не имѣютъ голоса, какъ напр. животныя безкровныя и изъ тѣхъ, кои имѣютъ кровь,—рыбы. И это естественно, потому что звукъ есть движеніе воздуха. Рыбы, о которыхъ говорятъ, что они имѣютъ голосъ, какъ напр. живущія въ Ахелоѣ, производятъ звукъ жабрами или чѣмъ-либо другимъ въ этомъ родѣ. 10) Голосъ есть звукъ производимый животнымъ и при томъ опредѣленною, а не любою частію его организма. Такъ какъ всякій звукъ производится ударомъ одного тѣла о другое въ извѣстной средѣ и именно въ воздухѣ, то естественно имѣютъ голосъ только тѣ существа, которыя воспринимаютъ въ себя воздухъ. Въ этомъ случаѣ природа пользуется вдыхаемымъ воздухомъ для двухъ цѣлей. Какъ языкъ она употребляетъ въ качествѣ органа вкуса и органа слова и вкусъ есть необходимое и потому большей части существъ присущее отправление, а даръ слова существуетъ для увеличенія благосостоянія; также точно и дыханіемъ природа пользуется для про-

изведенія внутренней теплоты, что есть дѣло необходимости (почему,— объ этомъ сказано будетъ въ другомъ сочиненіи), и для произведенія голоса, какъ дополнительнаго блага. 11) Органомъ дыханія служитъ дыхательное горло, другой органъ, существующій для того же, суть легкія. Благодаря присутствію этихъ органовъ, животныя, обитающія на сушѣ, имѣютъ больше всѣхъ другихъ животныхъ теплоты. Части лежащія около сердца—суть по преимуществу нуждающіяся въ дыханіи и потому при вдыханіи воздухъ входитъ внутрь. Такимъ образомъ голосъ есть ударъ выдыхаемымъ воздухомъ, производимый душею, находящеюся въ этихъ частяхъ, о такъ называемую артерію. Не всякій звукъ производимый животнымъ есть голосъ, какъ мы сказали; звукъ производится и языкомъ и при кашлѣ. Для того, чтобы произошелъ звукъ голоса нужно, чтобы ударяющее было существо одушевленное и имѣло какое-либо представленіе, потому что голосъ есть звукъ, имѣющій какой-либо смыслъ, а не производится, какъ кашель, только выдыханіемъ воздуха. Для произведенія голоса живое существо ударяетъ воздухомъ находящимся въ дыхательномъ горлѣ о самое это горло. 12) Доказательствомъ этому служитъ то, что никто не можетъ издать звука голоса во время вдыханія или выдыханія—а только, когда задержитъ дыханіе, потому что задерживаніемъ дыханія и производится это движеніе. Ясно, почему рыбы безгласны; онѣ не имѣютъ дыхательнаго горла, не имѣютъ его потому, что не нуждаются въ воздухѣ и не дышать, по какой причинѣ, объ этомъ въ другомъ мѣстѣ.

Г л а в а IX.

1) Обь обоняніи и обоняемомъ нельзя говорить съ такою опредѣленостію, какъ о чувствахъ, о которыхъ мы говорили выше: потому что не такъ ясно, что такое запахъ, какъ ясно, что такое звукъ и цвѣтъ. Причина заключается въ томъ, что это чувство у насъ не отличается точностію: оно стоитъ у насъ на болѣе низкой ступени, чѣмъ у многихъ животныхъ. Человѣкъ обоняетъ плохо и ни одного обонятельнаго ощущенія не можетъ воспринять безъ чувства удовольствія или неудовольствія, такъ какъ органъ его неспособенъ къ точнымъ воспріятіямъ. 2) По всей вѣроятности животныя, имѣющія твердые глаза, подобнымъ образомъ ощущаютъ цвѣта

и воспринимаютъ ихъ различіе на столько, на сколько одни возбуждаютъ въ нихъ страхъ, другіе нѣтъ. Въ такомъ же положеніи у людей находится чувство обонянія. Вкусъ по видимому имѣетъ сходство съ обоняніемъ въ этомъ отношеніи, и виды вкуса сходны съ видами запаховъ; но при этомъ вкусъ есть чувство болѣе точное, потому что онъ есть своего рода осязаніе, а это чувство у человѣка отличается особенною точностію. Въ другихъ ощущеніяхъ человѣкъ стоить далеко ниже животныхъ, но въ точности осязанія превосходитъ всѣхъ, потому—превосходитъ всѣхъ животныхъ и умомъ. Въ человѣческомъ родѣ по чувству осязанія можно судить о даровитости и бездарности человѣка и ни по какому другому чувству сдѣлать этого нельзя: потому что люди съ твердымъ тѣломъ ограничены въ умственномъ отношеніи, люди съ тѣломъ мягкимъ даровиты. 3) Какъ вкусъ бываетъ сладкимъ и горькимъ, такъ и запахъ; но одни вещества имѣютъ сходный вкусъ и запахъ т. е. сладкій запахъ и сладкій вкусъ, другія же въ этомъ отношеніи противоположны. Также точно запахъ бываетъ острый и горькій, кислый и прѣсный. Такъ какъ запахи не такъ, какъ мы сказали, ясно различаются, какъ вкусы, то названіе ихъ заимствуется отъ этихъ послѣднихъ по сходству предметовъ: сладкій запахъ получилъ свое названіе отъ шафрана и меда, ѣдкій отъ оиміама и другихъ подобныхъ веществъ. Тоже самое имѣетъ мѣсто и относительно всѣхъ другихъ запаховъ. 4) Какъ слухомъ воспринимается слышимое и неслышимое, зрѣніемъ—видимое и невидимое, такъ обоняніемъ пахучее и непахучее: къ непахучимъ предметамъ относятся вовсе неимѣющіе запаха или имѣющіе слабый и легкій запахъ. 5) Тоже самое утверждается и о вкусѣ. Обоняніе тоже условливается средою,—именно воздухомъ или водою, такъ какъ и животныя живуція въ водѣ, по видимому, имѣютъ обоняніе; имѣютъ его безкровныя и имѣющія кровь, также живуція въ воздухѣ, потому что нѣкоторыя изъ нихъ издалика направляются къ пищѣ, когда она испускаетъ запахъ. 6) Потому можно сомнѣваться, всѣ-ли животныя обоняютъ одинаковымъ способомъ. Человѣкъ обоняетъ только при вдыханіи,—но не при выдыханіи и при остановкѣ дыханія, также точно онъ не можетъ воспринимать запаха ни на очень большомъ, ни на очень близкомъ разстояніи, а тѣмъ болѣе когда пахучее будетъ положено въ поздри.

То явленіе, что предметъ, приложенный непосредственно въ органу чувства не производитъ ощущенія — обще всѣмъ животнымъ; но неспособность обонять безъ дыханія есть особенность, свойственная человѣку, какъ показываетъ опытъ. Такимъ образомъ животныя безкровныя, не имѣющія дыханія, должны имѣть какое-нибудь другое чувство, кромѣ тѣхъ, о которыхъ мы говорили; но это невозможно, если у нихъ есть ощущеніе запаха, потому что ощущеніе запаха будетъ-ли то благовонный или зловонный запахъ, есть обоняніе. Между тѣмъ эти животныя умираютъ, какъ и человѣкъ, подъ вліяніемъ сильныхъ запаховъ, какъ запахъ асфальта, сѣры и тому подобныхъ веществъ. Очевидно онѣ обоняютъ, но обоняютъ безъ помощи дыханія. 7) Повидимому органъ этого чувства у людей отличается отъ того же органа другихъ животныхъ, какъ и глаза этихъ послѣднихъ отъ глазъ животныхъ твердоглазыхъ. Глаза человѣка покрываются, какъ оболочкою, вѣками, и если эти послѣднія не поднимаются и не открываются, то видѣнія не бываетъ; твердоглазые не имѣютъ ничего подобнаго, но прямо видятъ то, что совершается въ прозрачной средѣ. Подобнымъ же образомъ и органъ обонянія у нѣкоторыхъ животныхъ не имѣетъ покрова, какъ и глаза; у тѣхъ же животныхъ, которыя принимаютъ въ себя воздухъ, есть покровъ, открывающійся во время дыханія при разширеніи венъ и поръ. 8) Потому животныя дышанція не обоняютъ въ водѣ: для обонянія имъ необходимо дышать, а дышать въ водѣ невозможно. Кромѣ того запахъ есть воспріятіе сухаго, также какъ вкусъ—влажнаго: тотъ же характеръ имѣетъ въ возможности и органъ обонянія.

Глава X.

1) Объектъ вкуса есть нѣчто осязаемое и въ этомъ заключается причина того, что ощущеніе вкуса совершается безъ посредства другого какого-либо тѣла. Тѣло, заключающее въ себѣ вкусъ и дѣйствующее на органъ вкуса, влажно по своему составу, а влажное есть нѣчто доступное осязанію. Потому, если бы мы находились въ водѣ, то могли бы ощущать примѣсь сладкаго въ ней, и это не значить, что вода служитъ средою вкусоваго ощущенія, а значить, что

воспринимаемое вкусомъ смѣшивается съ влажнымъ, подобно тому, какъ это бываетъ въ питьѣ. Напротивъ—цвѣтъ для того, чтобы быть видимымъ, не нуждается въ смѣшеніи съ чѣмъ-нибудь и не происходитъ путемъ истеченія. 2) Но за исключеніемъ того, что здѣсь нѣтъ никакой среды, вкусъ есть также точно нѣчто воспринимаемое органомъ вкуса, какъ цвѣтъ—есть видимое. Гѣмъ не менѣе вкусовое ощущеніе не можетъ явиться безъ влажнаго; оно производится дѣйствительно влажнымъ или влажнымъ въ возможности, какъ напр. соленымъ, которое и само по себѣ легко растворимо и вызываетъ влажность языка. 3) Зрѣніемъ воспринимается видимое и невидимое, (потому что хотя тьма есть невидимое, но она воспринимается тоже зрѣніемъ) также—слишкомъ блестящее, (которое тоже невидимо, только инымъ способомъ, чѣмъ темное); слухомъ воспринимается звукъ и тишина, изъ которыхъ одно слышимое, другое не слышимое, воспринимается также слишкомъ сильный звукъ, какъ зрѣніемъ блескъ; потому что, если слишкомъ слабый звукъ въ известномъ смыслѣ не слышимъ, то также не слышимъ и слишкомъ большой и сильный. Невидимымъ называется или совершенно невидимое, какъ говорится о невозможномъ и въ другихъ случаяхъ, или такое, что хотя по природѣ можетъ быть видимо, но не видится или дурно видится, подобно тому какъ говорится о безполомъ или неимѣющемъ сѣмени. Все это приложимо и къ вкусу; и вкусъ есть воспріятіе вкусаго и безвкуснаго и это послѣднее есть, или заключающее въ себѣ слабый вкусъ, или дурной, или разрушительный для органа. Основаніе этого заключается повидимому въ годности и негодности для питья, потому что то и другое относятся къ области вкуса: негодное для питья,—дурнаго вкуса и разрушительно для него, годное—сообразно съ природою. 4) Кромѣ того питье воспринимается какъ осязаніемъ, такъ и вкусомъ. Такъ какъ воспринимаемое вкусомъ влажно, то необходимо, чтобы органъ вкуса не былъ ни влажнымъ въ дѣйствительности, ни лишенъ способности быть влажнымъ: потому что чувство вкуса подвергается измѣненію отъ имѣющаго вкусъ, именно какъ такого. Въ силу этого органъ вкуса долженъ быть способнымъ увлажняться безъ вреда для себя, но не долженъ быть влажнымъ по своей природѣ. Доводительствомъ служитъ то, что языкъ не способенъ въ ощущенію ни въ томъ случаѣ, когда онъ слишкомъ сухъ, ни

въ томъ, когда онъ слишкомъ влаженъ. При слишкомъ большой влажности происходитъ только ощущение влажнаго, находящагося въ языкѣ, подобно тому, какъ, послѣ воспріятія одного сильнаго вкуса, не воспринимается другой, а большимъ все кажется горькимъ, — именно потому, что языкъ ихъ переполненъ влагою этого рода.

5) Виды вкусовъ, какъ и виды цвѣтовъ, представляютъ собою частію прямыя противоположности — сладкаго и горькаго, частію противоположности къ нимъ близкія — къ сладкому — жирное, къ горькому — соленое. Средину между ними занимаютъ вкусы ѣдкій, кислый, терпкій и острый. Повидимому этими видами исчерпываются всѣ различія въ области вкуса. Обладающее вкусомъ имѣетъ вкусъ въ возможности; то, что возбуждаетъ ощущение вкуса, дѣлаетъ его дѣйствительнымъ.

Г л а в а XI.

1) Объ осязаемомъ и осязаніи нужно сказать тоже самое. Если чувство осязанія не есть одно чувство, а совокупность многихъ, то и предметы возбуждающіе его должны быть многоразличны. Но при этомъ является вопросъ: существуетъ-ли дѣйствительно нѣсколько осязаній, или только одно; также — что служить органомъ осязанія? Есть-ли это мускульная ткань⁽¹⁾ и то, что въ другихъ животныхъ ей соотвѣтствуетъ, или она есть только среда, а главный осязательный органъ есть нѣчто другое, находящееся внутри? 2) Повидимому въ области каждаго ощущенія существуетъ только по одной противоположности, — такъ въ области зрѣнія противоположность бѣлаго и чернаго, въ области слуха — остраго и тяжелаго, въ области вкуса — горькаго и сладкаго, но въ осязаемомъ существуетъ нѣсколько противоположностей — теплаго и холоднаго, влажнаго и сухаго, твердаго и мягкаго и другія имъ подобныя. Правда это затрудненіе нѣсколько устраняется тѣмъ, что и въ области другихъ ощущеній существуетъ нѣсколько противоположностей, — такъ въ голосѣ — существуетъ не только противоположность остраго и тяжелаго, но также сильнаго и слабаго, нѣжнаго и грубаго голоса и другія подобныя противоположности, только въ другомъ родѣ. Но что въ области осязанія составляетъ одну

(¹) Σαρξ — плоть, мясо.

общую основу всѣхъ противоположностей, подобную той, какую представляетъ въ области слуха—звукъ,—этого нельзя видѣть.

3) Находится-ли органъ осязанія внутри, или мускульная ткань непосредственно служитъ этимъ органомъ,—вопросъ этотъ нисколько не рѣшается тѣмъ, что осязательное ощущеніе происходитъ въ моментъ соприкосновенія. Такъ, если при существующихъ условіяхъ обтянуть мускульную ткань чѣмъ-нибудь въ родѣ тонкой перепонки, то ощущеніе точно также явится вмѣстѣ съ соприкосновеніемъ. Очевидно, что въ этомъ постороннемъ тѣлѣ не можетъ находиться органъ осязанія; даже въ томъ случаѣ, если оно сдѣлается природною принадлежностію тѣла, ощущеніе будетъ только совершаться скорѣе. 4) Поэтому эта часть тѣла, повидимому, находится въ такихъ условіяхъ, въ какихъ находился бы окружающій насъ воздухъ, если-бы онъ сросся съ нашимъ тѣломъ. Въ этомъ случаѣ намъ казалось-бы, что мы воспринимаемъ однимъ и тѣмъ же органомъ звукъ, цвѣтъ и запахъ, и зрѣніе, слухъ, обоняніе казались-бы намъ однимъ чувствомъ. Но такъ какъ, при существующихъ условіяхъ, причины производящія движеніе различны, то для насъ ясно, что упомянутыя чувства различны. Въ области осязанія, при существующихъ условіяхъ, это не ясно. Причина заключается въ томъ, что одушевленное тѣло не можетъ состоять только изъ воздуха и воды, оно должно заключать въ себѣ твердыя составныя части. Остается ему состоять изъ смѣшенія земли съ этими стихіями и быть тѣмъ, чѣмъ является мускульная ткань и сходныя съ нею ткани. Такимъ образомъ мускульная ткань необходимо является находящеюся между осязаемымъ и органомъ осязанія, сросшеюся съ нимъ средою, благодаря чему осязательныя ощущенія имѣютъ различный характеръ. 5) Дѣйствительно осязаніе напр. языка разнообразно: одною и тою же частию его, сверхъ вкуса, воспринимаются и всѣ осязательныя ощущенія. Если-бы при этомъ и всякая другая часть тѣла способна была воспринимать вкусовыя ощущенія, то вкусъ и осязаніе казались-бы однимъ и тѣмъ же чувствомъ: при существующихъ условіяхъ,—это два различныя чувства, потому что нельзя принять ихъ одно за другое.

6) Такъ какъ всякое тѣло имѣетъ глубину т. е. третье измѣреніе, то можетъ явиться вопросъ, могутъ-ли два тѣла, между которыми находится третье, соприкасаться между со-

бою. Такъ влажное не можетъ быть безтѣлеснымъ, какъ и жидкое: то и другое должны быть или водою, или заключать въ себѣ воду. Вслѣдствіе этого тѣла касающіяся другъ друга въ водѣ, такъ какъ поверхности ихъ не сухи, должны заключать между собою воду, которая наполняетъ пространство между ихъ оконечностями. Если же это такъ, то не возможно, чтобы тѣла въ водѣ соприкасались между собою. Тоже самое должно имѣть мѣсто и въ воздухѣ, потому что воздухъ и вода находятся въ одинаковомъ отношеніи къ тѣламъ, въ нихъ находящимся. Но касается-ли жидкое жидкаго, — это намъ неизвѣстно, также какъ и животнымъ обитающимъ въ водѣ.

7) Теперь является вопросъ: всѣ-ли чувства воспринимаютъ одинаковымъ способомъ, или одни такъ, другія иначе? Такъ, повидимому, вкусъ и осязаніе дѣйствуютъ при непосредственномъ соприкосновеніи съ предметомъ, другія же чувства воспринимаютъ на разстояніи. Но такого различія не существуетъ на самомъ дѣлѣ: жесткое и мягкое воспринимаются нами при посредствѣ другаго, также точно, какъ звучащее, видимое и обоняемое; только послѣднія воспринимаются на далекомъ разстояніи, первыя—на близкомъ. Такъ какъ мы все воспринимаемъ черезъ нѣкоторую среду, то и не замѣчаемъ этой среды. Не замѣчаемъ также въ осязательныхъ и вкусовыхъ ощущеніяхъ. Если мы, какъ сказано выше, можемъ воспринимать всѣ осязательныя ощущенія черезъ перепонку, не обращая вниманія на то, что она лежитъ между нами и осязаемыми предметами, то нѣчто подобное же происходитъ съ нами въ водѣ и въ воздухѣ: намъ кажется, что мы непосредственно касаемся самыхъ предметовъ и что между ними и нами ничего нѣтъ. 8) Но осязаемое различается отъ видимаго и слышимаго въ томъ отношеніи, что послѣднія мы воспринимаемъ вслѣдствіе дѣйствія на насъ самой среды, осязаемое же воспринимается не черезъ среду, а вмѣстѣ съ средою, подобно тому, когда кто-либо получаетъ ударъ черезъ щитъ; въ этомъ случаѣ не щитъ, получивъ ударъ, передаетъ его, но получаютъ ударъ вмѣстѣ и щитъ и носящій его. 9) Вообще мускульная ткань и языкъ, повидимому, стоятъ къ органу осязанія точно въ такомъ же отношеніи, въ какомъ воздухъ и вода въ области зрѣнія, слуха и обонянія относятся къ органамъ каждаго изъ нихъ. При непосредственномъ прикосновеніи предмета къ органу какъ

здѣсь, такъ и тамъ ощущенія не происходитъ, подобно тому, какъ въ томъ случаѣ напр., когда на поверхность глаза положенъ будетъ бѣлый предметъ. Отсюда ясно, что органъ осязанія находится внутри, потому что только въ такомъ случаѣ будетъ здѣсь сходство съ другими чувствами, т. е. осязаніе будетъ невозможнымъ при непосредственномъ прикосновеніи. А такъ какъ непосредственно приложенное къ мускульной ткани возбуждаетъ ощущеніе, то отсюда слѣдуетъ, что она есть только посредникъ осязательныхъ ощущеній.

10) Осязаніемъ воспринимаются различныя свойства тѣла, какъ тѣла, я разумью свойства, коими различаются стихіи, т. е. тепло и холодъ, сухость и влажность, о которыхъ мы говорили прежде въ сочиненіи о стихіяхъ (1).

11) Органъ, воспринимающій эти различія, есть органъ осязанія и въ немъ прежде всего находится чувство, называемое осязаніемъ,—находится въ возможности, потому что ощущеніе есть состояніе страдательное: сила дѣлающая какой-либо предметъ тѣмъ, что она сама есть въ дѣйствительности, дѣлаетъ его такимъ потому, что онъ таковъ въ возможности. Вотъ почему мы не ощущаемъ тепла и холода, твердости и мягкости, когда они одинаковы, а ощущаемъ только, когда которое-нибудь увеличивается въ степени силы; такъ, что ощущеніе является чѣмъ-то посредствующимъ между ощущаемыми противоположностями. Въ силу этого оно различаетъ ощущаемыя свойства предметовъ, потому что посредствующее есть основаніе различенія. Оно есть нѣчто противоположное каждой изъ противоположностей. И то, чѣмъ имѣеть ощущаться бѣлое и черное—въ дѣйствительности не должно быть ни тѣмъ ни другимъ, въ возможности же тѣмъ и другимъ. Тоже самое и относительно другихъ ощущеній, какъ и относительно осязанія, которое не должно быть ни теплымъ ни холоднымъ.

12) Кромѣ того, какъ зрѣніе въ извѣстномъ смыслѣ есть воспріятіе видимаго и невидимаго и какъ остальные чувства воспринимаютъ подобныя, имъ свойственныя, противоположности, также точно и осязаніе есть воспріятіе осязаемаго и неосязаемаго. Неосязаемое есть нѣчто, заключающее въ себѣ самую малую степень свойства осязаемости, какъ напр. воздухъ; сюда же относятся предметы возбуждающіе

См. *Περὶ γενέσεως καὶ φθορᾶς* Lib. II. с. 2.

осязаніе въ такой сильной степени, что разрушаютъ самый органъ.

Вотъ что можно сказать въ общихъ чертахъ о каждомъ отдѣльномъ чувствѣ.

Г л а в а XII.

1) Относительно всѣхъ ощущеній пужно принять ту общую истину, что ощущеніе есть воспріятіе чувственныхъ формъ безъ матеріи, подобно тому, какъ воскъ воспринимаетъ отпечатокъ желѣзной или золотой печати. Онъ воспринимаетъ отпечатокъ золота и мѣди, а не золото и мѣдь, какъ такія. Подобнымъ же образомъ ощущеніе каждаго органа чувствъ есть страдательное состояніе подъ вліяніемъ предметовъ, имѣющихъ цвѣтъ, вкусъ, звукъ, но оно не тождественно съ ними, а есть нѣчто имъ сродное, идеально существующее ⁽¹⁾. 2) Обладающее способностію къ воспріятію такого рода есть первоначальный органъ чувствъ ⁽²⁾. Оно—одно и тоже съ ощущаемымъ, но отличается по формѣ бытія. Ощущаемое есть пространственная величина, но ни способность ощущать, ни самое ощущеніе не есть величина пространственная: оно есть нѣкоторое соотношеніе ⁽³⁾ и возможность ощущаемаго. 3) Изъ этого ясно и то, почему сильныя возбужденія разстраиваютъ органы. Дѣло въ томъ, что когда движеніе, возбуждающее органъ, превышаетъ силу органа чувства, тогда соотношеніе, изъ котораго и состоитъ ощущеніе, разрушается, также точно какъ уничтожается согласіе звуковъ и тонъ, когда струны будутъ потрясаемы слишкомъ сильно.

4) Почему не ощущаютъ растенія, хотя имѣютъ своего рода душу и подвергаются измѣненіямъ подъ вліяніемъ предметовъ, возбуждающихъ осязаніе, такъ какъ они чувствительны къ теплу и холоду? Причина этого заключается въ томъ, что у нихъ нѣтъ ни посредствующаго, ни того начала, которымъ воспринимаются формы ощущаемыхъ предметовъ: они подвергаются только матеріальнымъ измѣненіямъ. 5) Можно также задать вопросъ, испытываетъ-ли какое-либо измѣненіе подъ вліяніемъ запаха существо не могущее обонять; или

⁽¹⁾ Κατὰ λόγον.

⁽²⁾ αἰσθητήριον πρῶτον.

⁽³⁾ λόγος τις.

подъ вліяніемъ цвѣта существо не могущее видѣть и т. п. относительно всѣхъ другихъ чувствъ? Такъ какъ обоняемое есть запахъ и запахомъ производится чувство обонянія, то очевидно существо, немогущее обонять, не можетъ испытывать никакого измѣненія подъ вліяніемъ запаха. Тоже самое и относительно всѣхъ другихъ чувствъ. При томъ каждое чувство воспринимаетъ не всѣ возможныя впечатлѣнія, а только тѣ, къ которымъ оно приспособлено. Это очевидно и изъ того, что ни свѣтъ и тьма, ни звукъ, ни запахъ не имѣютъ никакого дѣйствія на тѣла сами собою, это дѣйствіе производится при посредствѣ того, въ чемъ они находятся; такъ — воздухомъ при громѣ разбивается дерево, а не звукомъ. 6) Но осязаемые предметы и вкусы имѣютъ вліяніе на тѣла, въ противномъ случаѣ, какъ могли-бы измѣняться и приходитъ въ страдательное состояніе предметы неодушевленные. Не дѣйствуютъ ли и возбудители другихъ чувствъ подобнымъ же образомъ? Ни коимъ образомъ, потому что не всякое тѣло можетъ возбуждаться запахомъ и звукомъ и тѣ, кои подвергаются измѣненіямъ отъ нихъ, представляютъ нѣчто неопредѣленное и неустойчивое, какъ напр. воздухъ, который становясь пахучимъ, подвергается нѣкоторому измѣненію. Что же такое обоняніе, какъ, не страдательное состояніе этого рода? Но обонять значитъ ощущать, а воздухъ, приходя въ страдательное состояніе, не ощущаетъ, а ощущается.

КНИГА ТРЕТІЯ (¹).

Г л а в а I.

1) Что шестъ еще чувства сверхъ извѣстныхъ пяти, т. е. зрѣнія, слуха, обонянія и осязанія, — въ этомъ можно убѣ-

(¹) Аверроэсъ, за нимъ Албертъ Великій и нѣкоторые другіе комментаторы относятъ первыя три главы этой книги къ второй книгѣ и начинаютъ третію съ четвертой главы. Такое дѣленіе болѣе соответствуетъ содержанію, но, благодаря авторитету древнихъ комментаторовъ, — Оемистіа, Симплиція, Филоппона, не принято. Вейссе выразилъ сомнѣніе въ самой принадлежности этой книги Аристотелю; но, послѣ изслѣдованій Тренделенбурга и др. это сомнѣніе не можетъ имѣть мѣста. Очевидно только, что книга дошла до насъ въ весьма неисправномъ видѣ (Barth. S. Hilaire Psych. d'Aristote. 253 p. Nota).

даться изъ слѣдующаго. Если при существующихъ условіяхъ мы имѣемъ ощущеніе всего, что воспринимается осязаніемъ (ибо всѣ видоизмѣненія осязаемаго, какъ осязаемаго воспринимаются нами черезъ осязаніе); то, при недостаткѣ какого-либо изъ осязательныхъ ощущеній, у насъ, необходимо, оказался бы недостатокъ и какого-либо осязательнаго органа (¹). Такимъ образомъ, все, что мы ощущаемъ при непосредственномъ соприкосновеніи, воспринимается черезъ имѣющееся у насъ чувство осязанія. Все же то, что мы ощущаемъ не прямо и не черезъ непосредственное соприкосновеніе, воспринимается при посредствѣ простыхъ тѣлъ, а разумѣю воздухъ и воду. 2) При этомъ, если черезъ одну и ту же среду дается нѣсколько различныхъ по роду ощущеній, то существо, имѣющее органъ, состоящій изъ нея, можетъ быть способнымъ къ двумъ различнымъ ощущеніямъ, напр. когда органъ состоитъ изъ воздуха, черезъ который дается воспріятіе звука и свѣта. Такъ же, если нѣсколько простыхъ тѣлъ служатъ средою для одного и того же ощущенія, какъ напр. цвѣтъ ощущается и черезъ воздухъ и черезъ воду (кои одинаково обладаютъ прозрачностью); то существо, имѣющее органъ, состоящій изъ одного котораго-нибудь, будетъ способно къ ощущенію того, что ощущается черезъ посредство того и другаго (²). 3) Органы чувствъ состоятъ только изъ двухъ упомянутыхъ простыхъ тѣлъ, — изъ воздуха и воды: такъ органъ зрѣнія состоитъ изъ воды, а органъ слуха изъ воздуха, обоняніе же изъ того и другаго; огонь, или не находится ни въ одномъ органѣ, или общъ всѣмъ, потому что никакое ощущеніе не возможно безъ теплоты; земля, или не участвуетъ ни въ одномъ органѣ, или находится отчасти въ одномъ органѣ осязанія. Такимъ образомъ не остается мѣста ни для какого другаго органа, который бы состоялъ изъ чего либо, кромѣ воды и воздуха. 4) Такого рода органы и теперь имѣютъ нѣкоторыя живот-

(¹) Въ подлинникѣ стоитъ просто *τις αἰσθησις* и *αἰσθητήριον τι*; но очевидно рѣчь идетъ здѣсь объ осязательныхъ ощущеніяхъ и осязательномъ органѣ, который у Аристотеля признается сложнымъ, состоящимъ изъ нѣсколькихъ органовъ. Ср. кн. 11, гл. XI, 1, 2.

(²) Очевидно здѣсь у Аристотеля разумѣется такое животное, у котораго нѣтъ отдѣльныхъ органовъ для воспріятія звука и свѣта.

ныя. Итакъ вполне сформировавшееся и неискалѣченное животное имѣетъ всѣ ощущенія; даже кротъ имѣетъ повидимому глаза подъ кожей.. Изъ всего этого слѣдуетъ, что, если нѣтъ еще никакого другаго тѣла и никакого еще свойства, которое-бы не принадлежало ни одному изъ земныхъ тѣлъ, то значить существуютъ всѣ возможные ощущенія ⁽¹⁾.

5) И для воспріятія общихъ свойствъ нѣтъ какого-либо особаго органа: они воспринимаются въ каждомъ ощущеніи какъ побочныя. Таковы: движеніе, покой, фигура, величина, единство. Всѣ ихъ мы воспринимаемъ при посредствѣ движенія. Такъ при посредствѣ движенія воспринимается величина, а слѣдовательно и фигура, потому что фигура есть своего рода величина; состояніе покоя сознается какъ отсутствіе движенія; число — черезъ отсутствіе непрерывности движенія и при посредствѣ особаго характера каждаго ощущенія ⁽²⁾, въ силу чего въ каждомъ изъ нихъ воспринимается нѣчто единое. Отсюда становится очевиднымъ, что невозможно существованіе какого-либо особаго чувства для воспріятія такихъ свойствъ какъ движеніе: они воспринимаются также, какъ, при существующихъ условіяхъ, воспринимается сладкое зрѣніемъ. 6) Это послѣднее воспріятіе зависитъ отъ того, что мы имѣемъ отдѣльно ощущеніе того и другаго ⁽³⁾, въ силу чего различаемъ ихъ, когда они встрѣчаются одновременно ⁽⁴⁾; если же такого совпаденія нѣтъ, то воспріятіе одного изъ нихъ ⁽⁵⁾ совершается только косвенно ⁽⁶⁾, подобно тому какъ напр. воспринимаемая сына Клео-

⁽¹⁾ Всѣ комментаторы и изслѣдователи находятъ аргументацію Аристотеля темною и недоказательною въ цѣломъ, не говоря уже о неопредѣленности и темнотѣ отдѣльныхъ положеній.

⁽²⁾ *Toῖς ἰδίαις*. Переводъ Б. С. Илера *et par les sens speciaux* очевидно невѣренъ и не имѣетъ смысла. Кирхманъ, слѣдуя Тренделенбургу, вполне правильно переводитъ: *durch das einzelnen Sinnen Eigenthümliche*. Ср. *Topica*. 1. 5. Мысль та, что идея числа дается между прочимъ наблюденіемъ повторенія одного и того же въ области каждаго ощущенія.

⁽³⁾ Т. е. зрительное и вкусовое.

⁽⁴⁾ *ἢ καὶ ὅταν συμπέσωσιν ἀνωρεξόμεν.*

⁽⁵⁾ Въ подлинникѣ стоитъ *εἰ δὲ μὴ, οὐδαμῶς ἄν...*

⁽⁶⁾ *Κατὰ συμβασιμὸς* на языкѣ современной психологій здѣсь будетъ значить «въ силу ассоціаціи» или «по ассоціаціи».

нова, мы собственно воспринимаемъ его не какъ сына Клеонова, а какъ бѣлый предметъ, который затѣмъ оказывается сыномъ Клеона. 7) И относительно общихъ свойствъ мы имѣемъ общее ощущеніе и ощущаемъ ихъ не косвенно; но такъ какъ они не составляютъ исключительной принадлежности какого-либо чувства (¹), то мы никогда не воспринимаемъ ихъ иначе, какъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ говорится, что мы видимъ сына Клеонова. Всѣ чувства воспринимаютъ свойственныя другимъ предметы косвенно, — не сами собою, а въ силу того, что ощущенія ихъ объединяются (²), будучи произведены вмѣстѣ однимъ и тѣмъ же предметомъ, напр. когда сознается, что желчь горька и желта, ибо сужденіе о томъ, что оба эти свойства составляютъ нѣчто единое не можетъ принадлежать ни одному изъ чувствъ, ихъ воспринимающихъ: отсюда возможность ошибки, — признанія желтаго предмета, какъ такого, желчью.

8) Можетъ теперь возникнуть вопросъ, почему у насъ нѣсколько чувствъ, а не одно только? Не для того ли, чтобы менѣе ускользали отъ нашего вниманія свойства, сопутствующія другимъ и общія, каковы: движеніе, величина, число? Въ самомъ дѣлѣ, если-бы было только одно зрѣніе и имъ воспринимался бы только бѣлый цвѣтъ, — эти свойства легче стали бы незамѣтными и казались бы всѣ однимъ и тѣмъ же, такъ какъ цвѣтъ и величина постоянно сопутствуютъ другъ другу. При существующихъ же условіяхъ, когда общія свойства являются въ связи и съ другими ощущеніями, становится яснымъ, что каждое изъ нихъ есть нѣчто отличное отъ этихъ ощущеній.

Г л а в а II.

1) Такъ какъ мы воспринимаемъ самое состояніе видѣнія и слышанія, то необходимо предположить, что это воспріятіе совершается или самимъ зрѣніемъ, или другимъ

(¹) *ἡ ἀρ ἐστὶν ἰδία.*

(²) *ἕξ ἧ αὐταῖ, ἀλλ' ἧ μία.* На языкѣ современной психологій мысль Аристотеля можно весьма точно выразить словами: не въ силу того, что они сами присутствуютъ, а въ силу сочетанія ихъ въ одно цѣлое, въ силу ассоціаціи.

чувствомъ. Но въ первомъ случаѣ, этимъ чувствомъ будетъ восприниматься и состояніе видѣнія и цвѣтъ предмета, такъ что будетъ, или два воспріятія одного и тогоже, или одно изъ нихъ будетъ воспринимать само себя. Во второмъ случаѣ, если т. е. состояніе видѣнія будетъ восприниматься другимъ чувствомъ, или получится безконечный рядъ чувствъ, или которое-нибудь изъ нихъ нужно будетъ признать воспринимающимъ само себя, а тогда лучше сдѣлать это съ самымъ первымъ. 2) Но здѣсь встрѣчается затрудненіе. Если воспринимать зрѣніемъ значитъ — видѣть, а видится цвѣтъ или предметъ имъ окрашенный, то предположивши, что чѣмъ-либо видится самое состояніе видѣнія, нужно признать это послѣднее имѣющимъ цвѣтъ. 3) Изъ этого ясно, что воспріятіе при помощи зрѣнія не есть одно, простое состояніе, потому что, когда мы и не видимъ никакого предмета, свѣтъ и тѣма различаются нами, только инымъ способомъ. И дѣйствительно состояніе видѣнія заключаетъ въ себѣ нѣчто въ родѣ цвѣта, такъ какъ всякій органъ чувствъ воспринимаетъ дѣйствующій на него предметъ безъ вещества. Потому-то и послѣ прекращенія дѣйствія ощущаемыхъ предметовъ — ощущенія и образы ихъ остаются въ органахъ чувствъ.

4) Дѣйствіе ощущаемаго и ощущеніе есть одно и то же, но способъ ихъ существованія не одинаковъ, какъ напр. дѣйствительный звукъ и дѣйствительное слышаніе, потому что существо имѣющее слухъ можетъ не слышать и тѣло способное звучать не всегда звучитъ. Но когда существо, способное слышать, дѣйствительно слышитъ и тѣло, способное звучать, звучитъ, тогда дѣйствительное слышаніе становится въ то же время и дѣйствительнымъ звукомъ и объ одномъ изъ нихъ говорятъ какъ о слышаніи, о другомъ какъ о звучаніи. 5) Если движеніе, дѣйствіе и страданіе находятся въ предметѣ, подвергающемся измѣненію, то и дѣйствительный звукъ и слышаніе должны находиться въ слухѣ въ возможности, ибо сила дѣйствующаго и движущаго присуща и предмету, подвергающемуся дѣйствию его: вотъ причина того, что движущее не должно само необходимо двигаться. И такъ дѣйствіе звучащаго есть звукъ или звучаніе, а слышащаго слухъ или слышаніе; ибо слухъ двойственъ и двойственъ звукъ. 6) То же нужно сказать о всѣхъ ощущеніяхъ и ощущаемыхъ предметахъ: какъ дѣйствіе и страданіе находятся

къ страдающемъ, а не въ дѣйствующемъ, точно также дѣйствіе и ощущаемаго и ощущающаго находится въ ощущающемъ. Но въ области однихъ ощущеній существуютъ особыя названія для того и другаго напр. звучаніе и слышаніе, въ другихъ для одного изъ нихъ нѣтъ особаго названія,—такъ дѣйствіе зрѣнія называется видѣніемъ, а дѣйствіе цвѣта не имѣетъ названія; дѣйствіе органа вкуса называется вкусомъ, а дѣйствіе возбуждающаго вкусъ, не имѣетъ названія.

7) Поелику дѣйствіе ощущающаго и ощущаемаго—есть одно и то же, а способъ ихъ бытія различенъ, то необходимо слухъ и звукъ, понимаемые въ этомъ смыслѣ, возникаютъ и исчезаютъ вмѣстѣ; то же самое бываетъ съ имѣющимъ вкусъ и вкусомъ, такъ же со всѣми другими ощущеніями и ихъ возбуждателями. Но въ смыслѣ возможности они не связаны необходимо. 8) И прежніе естествоиспытатели неправильно утверждали, думая, что ни бѣлаго ни чернаго нѣтъ безъ зрѣнія, также точно и имѣющаго вкусъ безъ органа вкуса. Это вѣрно съ одной стороны и невѣрно съ другой: такъ какъ ощущеніе и ощущаемое имѣетъ двойкій смыслъ,—разсматриваемыя какъ возможность и какъ дѣйствительность, то въ приложеніи къ второму мнѣніе указанное вѣрно, къ первому—нѣтъ. Прежніе естествоиспытатели говорили, какъ о простомъ о томъ, что имѣетъ двойкій смыслъ. 9) Если голосъ есть нѣкотораго рода созвучіе, а голосъ и слухъ съ одной стороны составляютъ нѣчто единое, съ другой не одно и то же, созвучіе же есть соотношеніе, то необходимо и слухъ есть нѣкотораго рода соотношеніе. Потому всякое излишество, какъ въ высокихъ, такъ и въ низкихъ звукахъ разстраивается органъ слуха. Подобнымъ же образомъ чрезмѣрностью во вкусовыхъ впечатлѣніяхъ разстраивается вкусъ, въ области зрительныхъ впечатлѣній чрезмѣрно свѣтлое и темное разстраиваютъ зрѣніе, сильный запахъ разстраиваетъ обоняніе; то же самое относительно сладкаго и горькаго,—именно въ силу того, что ощущеніе есть своего рода соотношеніе. Потому же, когда острое на вкусъ или сладкое или соленое входятъ простыми и несмѣшанными въ соотношеніе, бываютъ пріятными: пріятность возникаетъ именно при такихъ условіяхъ. Вообще гармонія получается скорѣе изъ смѣшенія, чѣмъ изъ просто высокаго или низкаго тона, въ области осязанія изъ просто теплаго или холоднаго, и въ силу того, что ощущеніе есть соотношеніе, чрезмѣрность производитъ страданіе и разстройство.

10) Каждое ощущение относится къ ощущаемому въ немъ предмету, находясь въ своемъ органѣ, какъ такомъ, и оцѣниваетъ различія въ ощущаемомъ предметѣ, напр. бѣлое и черное въ области зрѣнія, сладкое и горькое въ области вкуса; тоже самое и во всѣхъ остальныхъ чувствахъ. Но поелику мы различаемъ бѣлое отъ сладкаго и каждое изъ ощущений отъ каждаго другаго, то является вопросъ, чѣмъ мы ощущаемъ это различіе? Необходимо ощущеніемъ, потому что различается нѣчто данное въ ощущеніи. 11) Отсюда очевиднымъ также становится, что все тѣло не есть послѣднее чувствилище, потому что въ такомъ случаѣ различающее различало бы при непосредственномъ соприкосновеніи съ предметомъ. И два отдѣльныя чувства не могутъ судить, что сладкое отличается отъ бѣлаго: оба ощущенія должны открываться въ своемъ различіи чему-либо единому. Иначе это было бы похоже на то, какъ если бы я ощущалъ одно, а ты другое и отсюда становилось-бы яснымъ, что наши ощущенія отличаются другъ отъ друга. Единое должно рѣшить, что они различны, что одно сладкое, а другое бѣлое. Однимъ и тѣмъ же опредѣляется различіе и, на основаніи этого опредѣленія, оно мыслить и ощущаетъ. 12) Очевидно т. о., что различеніе невозможно для различныхъ чувствъ, а отсюда слѣдуетъ, что оно невозможно и въ разное время. Какъ одно и тоже опредѣляетъ, что доброе и злое различны, такъ въ одно и тоже время опредѣляется различіе перваго отъ втораго и втораго отъ перваго. Въ этомъ случаѣ „когда“ дано не косвенно, какъ наприм. въ положеніи; „я теперь утверждаю, что они различны“, не утверждая при этомъ, что различіе теперь существуетъ: здѣсь же и теперь утверждается различіе и утверждается, что теперь оно существуетъ,—утверждается одновременно: т. о. недѣлимымъ и въ недѣлимое время производится различеніе. 13) Но невозможно одному и тому же, недѣлимому и въ недѣлимое время производить одновременно противоположныя движенія; ибо, если сладкое приводитъ въ такое движеніе чувство и мысль, то горькое приводитъ въ движеніе противоположное, а бѣлое двигаетъ еще иначе. Теперь, не есть ли различающее недѣлимо и неотдѣлимо по числу и отдѣлимо по сущности? Дѣйствительно, съ одной стороны оно ощущаетъ различные предметы, какъ дѣлимое, съ другой оно ощущаетъ какъ недѣлимое: по существу своему оно тогда дѣлимо, а по мѣсту и числу недѣлимо. 14) Или

это не такъ? Ибо въ возможности одно и то же можетъ быть противоположнымъ, въ сущности же нѣтъ: становясь дѣйствительнымъ, оно бываетъ чѣмъ-либо однимъ и не можетъ быть и бѣлымъ и чернымъ вмѣстѣ. Ихъ идеи тоже не допускаютъ этого, если ощущеніе и мышленіе имѣютъ одно и то же содержаніе. — 15) Здѣсь тоже самое, что бываетъ въ томъ случаѣ, когда нѣкоторые принимаютъ точку то за одно, то за два и въ послѣднемъ случаѣ представляютъ ее дѣлимою. Разсматриваемое какъ недѣлимое, судящее — различающее едино и сразу обнимаютъ различіе; когда оно существуетъ раздѣльнымъ, то дважды пользуется совмѣстно однимъ и тѣмъ же пунктомъ. Насколько оно пользуется двумя, оно различаетъ два состоянія соприкасающіяся и они для него состоянія отдѣльныя, какъ принадлежащія различнымъ чувствамъ; но какъ единое оно различаетъ сразу и вмѣстѣ.

Такъ нужно понимать то начало, на основаніи котораго мы признаемъ животное ощущающимъ.

Г л а в а III.

1) Душа обыкновенно опредѣляется двумя признаками — произвольнымъ движеніемъ и мышленіемъ, сужденіемъ, ощущеніемъ. При этомъ мышленіе и сужденіе представляются своего рода ощущеніемъ, потому что въ томъ и другомъ случаѣ душа различаетъ и познаетъ нѣчто существующее. И древніе утверждаютъ, что размышлять и ощущать есть одно и то же. Такъ Емпедоклъ сказалъ: „въ присутствіи предметовъ мудрость людей возрастаетъ“; и въ другомъ мѣстѣ: „отсюда проистекаетъ то, что они всегда могутъ размышлять о различныхъ предметахъ“. Туже мысль хочетъ выразить и Гамеръ въ словахъ: „ибо таковъ есть умъ“ (1). 2) Ибо всѣ они признавали мышленіе также какъ и ощущеніе тѣлеснымъ и утверждали, что ощущается и мыслится подобное подобнымъ, какъ мы объяснили это въ началѣ изслѣдованія. При этомъ они должны были бы обратить вниманіе и на заблужденіе, потому что оно особенно свойственно животнымъ и душа большею частію въ немъ вращается. Тогда необходимо было бы, или признать, какъ дѣлаютъ нѣ-

(1) Odiss. c. XVIII, v. 136.

которые, что все, что кажется,—истинно, или, что заблужденіе происходитъ отъ соприкосновенія несходнаго, а это противорѣчитъ ученію, что подобное познается подобнымъ. Повидимому какъ знаніе, такъ и заблужденіе относительно противоположныхъ предметовъ проистекаютъ изъ одного источника. 3) Что ощущеніе и мышленіе не одно и то же, это очевидно изъ того, что первое присуще всѣмъ животнымъ, послѣднее только нѣкоторымъ. Кромѣ того и то, что въ мышленіи существуетъ вѣрность и невѣрность, — вѣрность, когда мысль, знаніе, мнѣніе истины, невѣрность, когда—наоборотъ, не можетъ служить въ пользу того мнѣнія, что оно тождественно съ ощущеніемъ. Ибо ощущеніе предметовъ, свойственныхъ извѣстному чувству, всегда истинно и присуще всѣмъ животнымъ, мышленіе же сопровождается необходимо ошибками и присуще только тѣмъ, кои обладаютъ разумомъ. 4) Въ свою очередь воображеніе есть нѣчто другое, чѣмъ ощущеніе и мысль, хотя не можетъ существовать безъ ощущенія, а безъ него не можетъ быть представленія (¹). Что мышленіе и представленіе также не одно и то же,—это очевидно изъ слѣдующаго: представленіе есть такое состояніе, которое находится въ нашей власти, во всякое время (оно очевидно творитъ произвольно, какъ напр. въ мнемонистическихъ знакахъ и символахъ), мышленіе же находится внѣ нашей власти, потому что оно необходимо бываетъ или истиннымъ или ложнымъ. Также точно, когда мы почитаемъ что-либо страшнымъ, или ужаснымъ, то испытываемъ волненіе, подобнымъ же образомъ когда считаемъ что-либо возбуждающимъ смѣлость; при воображеніи же мы испытываемъ точно такое же состояніе, какое при разсмотрѣніи чего-либо страшнаго и ужаснаго изображеннаго на картинѣ. 5) Въ самомъ представленіи есть также различныя стороны—знаніе, мнѣніе, практическое соображеніе, и имъ противоположное, но объ этихъ различіяхъ мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ. Что же касается отличія мышленія отъ ощущенія и того, что оно повидимому состоитъ частію изъ воображенія, частію изъ воспріятія, то объ этомъ должно сказать послѣ разсмотрѣнія воображенія.

(¹) *ὑπόληψις*.

6) Итакъ, если воображеніе есть то, чѣмъ производится въ насъ, какъ говорится, какой-нибудь образъ и это выраженіе употребляется не въ метафорическомъ смыслѣ, то оно есть или способность или дѣятельность, при помощи которой мы различаемъ и достигаемъ истины или заблуждаемся, а это свойства ощущенія, представленія, знанія, ума. 7) Что оно не есть ощущеніе это ясно изъ слѣдующаго: ощущеніе есть или возможность или дѣйствительность, какъ напр. зрѣніе и видѣніе, но можетъ существовать нѣкоторый образъ въ отсутствіи того и другаго, какъ на примѣръ въ сновидѣніяхъ. Далѣе, ощущеніе всегда присуще, воображеніе же не всегда. Притомъ же, если бы воображеніе было одно и тоже съ дѣйствительнымъ ощущеніемъ, то оно было бы необходимо у всѣхъ животныхъ; но повидимому его нѣтъ напр. у муравья, у пчелы, у червя. Кромѣ того ощущеніе всегда истины, образы же воображенія большею частію ложны; и когда мы имѣемъ отчетливое ощущеніе, то не говоримъ, что такой то предметъ намъ кажется человѣкомъ, но употребляемъ это выраженіе, когда ощущаемъ не ясно, потому что въ этомъ случаѣ образъ можетъ быть истиннымъ и ложнымъ. Наконецъ, какъ мы сказали выше, образы являются намъ и при закрытыхъ глазахъ. 8) Воображеніе не тождественно также ни съ однимъ изъ тѣхъ состояній, въ которыхъ всегда дается истина, каковы знаніе и умъ, потому что образъ воображенія бываетъ и ложнымъ. Остается теперь изслѣдовать, не тождественно ли воображеніе съ мнѣніемъ, потому что мнѣніе бываетъ и истиннымъ и ложнымъ. Но мнѣнію всегда сопутствуетъ вѣра, потому что невозможно, чтобы имѣющій какое-либо мнѣніе не вѣрилъ ему, между тѣмъ вѣры не существуетъ ни у одного изъ животныхъ, а воображеніе есть у многихъ. Далѣе, всякое мнѣніе сопровождается вѣрою, вѣра—убѣжденіемъ, убѣжденіе основаніемъ разума, между тѣмъ, хотя у нѣкоторыхъ животныхъ и есть воображеніе, то при этомъ нѣтъ разума. 9) Итакъ очевидно, что воображеніе не тождественно съ мнѣніемъ, сопровождающимъ ощущеніе, или проистекающимъ изъ ощущенія, оно не есть также соединеніе мнѣнія и ощущенія. Это послѣднее очевидно изъ того, что мнѣніе не относится къ чему нибудь иному, а къ тому же, къ чему и ощущеніе; потому воображеніе могло бы считаться соединеніемъ напр. ощущенія блага и мнѣнія о немъ, но соединеніемъ

мнѣнія напр. о добромъ съ ощущеніемъ блага оно быть не можетъ. Т. о. воображать значило бы имѣть мнѣніе о томъ, что непосредственно ощущается. 10) Но бывають также ложныя ощущенія предметовъ, о которыхъ мы имѣемъ истинное мнѣніе: такъ солнце кажется величиною съ футъ, но признается больше всей земли. Въ такомъ случаѣ, воображающей или отвергалъ бы истинное мнѣніе о предметѣ, которое имѣлъ, — оставивъ фактъ въ томъ же видѣ, не забывая этого мнѣнія и не составляя другаго, или имѣеть его, но тогда оно истинно и ложно въ одно и тоже время. Но оно становится ложнымъ уже тогда, когда незамѣтно измѣняется предметъ. — Такимъ образомъ воображеніе не тождественно ни съ однимъ, изъ указанныхъ состояній и не состоитъ изъ ихъ совокупности.

11) Но предметъ пришедшій въ движеніе можетъ привести въ движеніе какой-либо другой; воображеніе повидимому есть своего рода движеніе и притомъ не является безъ ощущенія, но присуще ощущающимъ и относится къ ощущаемому. Отъ дѣятельности ощущенія можетъ произойти движеніе и это движеніе необходимо будетъ сходно съ ощущеніемъ; оно-то и будетъ воображеніемъ, которое дѣйствительно не можетъ быть безъ ощущенія и не можетъ находиться у существъ неощущающихъ: оно производитъ въ существѣ его имѣющемъ много страдательныхъ и дѣятельныхъ состояній, бываетъ истиннымъ и ложнымъ.—12) Последнее происходитъ слѣдующимъ образомъ. Ощущеніе того, что свойственно каждому чувству, истинно, или, по крайней мѣрѣ, рѣдко содержитъ въ себѣ незначительную долю заблужденія, но во вторыхъ въ немъ ощущается косвенно то, чему принадлежатъ ощущаемыя свойства. Въ этомъ случаѣ возможно уже заблужденіе: въ ощущеніи блага цвѣта не можетъ быть заблужденія, но въ томъ, что бѣлъ именно этотъ или другой какой-либо предметъ, возможно заблужденіе. Въ третьихъ ощущаются общія свойства, связанныя съ предметами, которымъ принадлежитъ свойственное каждому чувству, напр. движеніе, величина, принадлежація ощущаемымъ предметамъ: относительно ихъ, уже могутъ быть въ ощущеніи весьма большія ошибки. 13) Т. о. движеніе происшедшее изъ дѣятельности ощущенія будетъ разниться, смотря потому, отъ которой изъ трехъ указанныхъ сторонъ ощущеніе истекаетъ: въ первомъ случаѣ, при наличности самаго ощуще-

нія, оно истинно; въ остальныхъ, какъ въ присутствіи, такъ и въ отсутствіи ощущенія, оно можетъ быть ложнымъ, и въ особенности, когда предметъ ощущаемый находится далеко. Итакъ, если все предшествовавшее послѣдному соображенію заключаетъ не что иное, какъ отрицаніе воображенія, и оно есть то, чѣмъ мы его назвали, тогда воображеніе будетъ движеніе, истекающее изъ дѣйствительнаго ощущенія. 14) Поелику же зрѣніе есть важнѣйшее изъ чувствъ, то названіе воображенія (*φαντασία*) происходитъ отъ свѣта (¹), безъ котораго невозможно видѣніе. 15) Образы воображенія остаются въ душѣ и сходны съ ощущеніями; живыя существа во многихъ случаяхъ дѣйствуютъ сообразно съ ними, одни, какъ напр. животныя, потому что не обладаютъ умомъ, другіе вслѣдствіе омраченія ума страстью, болѣзнію, или сномъ, какъ это бываетъ у людей.

Сказаннымъ мы ограничимся въ изслѣдованіи того, что такое воображеніе и какъ происходитъ.

Г л а в а IV.

1) Разсматривая ту часть души, которою она познаетъ и приобрѣтаетъ мудрость, — отдѣлима ли она, или неотдѣлима въ дѣйствительности, а только въ отвлеченіи, — нужно опредѣлить ея отличительныя черты и то, какимъ образомъ происходитъ мышленіе.

2) Если мышленіе находится въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и ощущеніе, то оно есть или страдательное состояніе подъ вліяніемъ мыслимаго, или что-либо въ этомъ родѣ.

3) Но оно должно быть неподверженнымъ страданію, носителемъ формъ и въ возможности такимъ, каковъ предметъ мыслимый, а не самымъ этимъ предметомъ, и какъ ощущающая способность относится къ ощущаемому, такъ умъ долженъ относиться къ мыслимому. По́сему онъ, какъ мыслящій все, необходимо не заключаетъ въ себѣ посторонней примѣси, дабы, какъ говоритъ Анаксагоръ, властвовать надъ всѣмъ, т. е. дабы познавать; ибо чуждое, являясь рядомъ, препятствуетъ и составляетъ ему преграду, такъ что по природѣ умъ не можетъ быть ни чѣмъ инымъ, какъ

(¹) *Tò ðνορα από τοῦ φάους ἔληφεν.*

только способностію (*δυνατόν*). Т. о. такъ называемый умъ въ душѣ т. е. умъ, которымъ душа разсуждаетъ и понимаетъ, прежде мышленія не бываетъ въ дѣйствительности ничѣмъ изъ существующаго. 4) Съ этой точки зрѣнія разумно почитать его непричастнымъ тѣлу. Въ противномъ случаѣ онъ былъ бы теплымъ, или холоднымъ, у него былъ бы какой-нибудь органъ, какъ у способности ощущенія; но ничего такого нѣтъ. И справедливо утверждаютъ, что душа есть мѣсто (*τόπος*) формъ; только не вся душа, а мыслящая и не въ дѣйствительности (*εντελεχεια*), а въ возможности состоитъ изъ формъ. 5) Что непричастность страданію способности ощущенія и способности мышленія ⁽¹⁾ не одинакова, — это ясно видно на органахъ чувствъ и на самомъ ощущеніи: способность ощущенія не можетъ ощущать, когда существующее возбужденіе слишкомъ сильно, напр. не можетъ ощущать слабый звукъ въ присутствіи очень сильнаго, также въ присутствіи яркихъ красокъ и сильныхъ запаховъ нельзя ни видѣть ни обонять слабѣйшихъ; умъ же наоборотъ, когда мыслить что-либо слишкомъ отвлеченное ⁽²⁾, не только не хуже, въ то же время, мыслить менѣе отвлеченное, а еще лучше. Дѣло въ томъ, что способность ощущенія не можетъ существовать безъ тѣла, а умъ есть нѣчто отдѣльное отъ него (*χωριστος*). 6) Когда умъ, начавъ мыслить ⁽³⁾, становится всѣмъ тѣмъ, что мыслить, въ томъ смыслѣ, въ какомъ знающій человѣкъ называется знающимъ дѣйствительно, (а это бываетъ когда онъ становится способнымъ дѣйствовать самъ собою), — и тогда онъ есть своего рода возможность, хотя не въ томъ смыслѣ, въ какомъ прежде наученія и пріобрѣтенія знанія; тогда онъ можетъ мыслить самого себя.

7) Поелику иное есть величина и сущность величины, вода и сущность воды и такое различіе свойственно многимъ другимъ предметамъ, хотя и не всѣмъ, потому что въ нѣкоторыхъ случаяхъ значить одно и то же напр. плоть и сущность плоти; то является вопросъ — другимъ чѣмъ-либо, или тѣмъ же въ другихъ условіяхъ воспринимается это различіе, потому что хотя плоть не можетъ быть безъ матеріи,

⁽¹⁾ *ἀπάθεια τοῦ αἰσθητικοῦ καὶ τοῦ νοητικοῦ.*

⁽²⁾ *ὅταν τι νοήσῃ σφόδρα νοητόν.*

⁽³⁾ Въ подлинникѣ *οὕτως*. См. выше § 3.

но эта послѣдняя заключается въ первой, какъ напр. кривизна носа,—предметъ опредѣленный въ другомъ такомъ же. Способностию ощущенія различается теплое и холодное и все то, что воспринимается подобно плоти; инымъ же, или отдѣльнымъ, или относящимся къ способности ощущенія также, какъ относится къ себѣ ломная линія, когда будетъ выпрямлена, различается сущность плоти ⁽¹⁾. 8) Въ свою очередь въ области отвлеченности, прямая воспринимается, какъ и кривизна, въ связи съ протяженіемъ сплошнымъ, сущность же ея, если есть различіе между сущностью прямой и прямою линіею, воспринимается инымъ, потому что эта двойственность должна и здѣсь сохраниться. Такимъ образомъ различеніе и здѣсь производится инымъ, или находящимся въ иныхъ условіяхъ. Вообще же, какъ вещи составляютъ нѣчто отдѣльное отъ вещества, такъ и то, что относится къ области ума.

9) Можетъ явиться недоумѣніе: если умъ простъ и не причастенъ страданію и ни съ чѣмъ не имѣетъ ничего общаго, какъ утверждаетъ Анаксагоръ, то, какъ онъ мыслить, когда мышленіе есть своего рода страдательное состояніе? Такъ какъ, повидимому, одинъ предметъ является дѣйствующимъ, а другой страдающимъ только въ такой мѣрѣ, въ какой между ними есть нѣчто общее. 10) Возникаетъ еще вопросъ: можетъ ли самъ умъ быть предметомъ мышленія, потому что въ такомъ случаѣ, или умъ долженъ находиться въ другихъ предметахъ, если самъ онъ мыслимъ также, какъ другіе предметы, такъ какъ мыслимое одно по виду, или въ немъ должна быть посторонняя примѣсь, которая дѣлаетъ его мыслимымъ, также точно, какъ другіе предметы. 11) Или же страдательность ума нужно понимать въ общемъ смыслѣ, объясненномъ нами выше, именно, что онъ только въ возможности тоже, что мыслимые предметы, но въ дѣйствительности не тождественъ ни съ однимъ изъ нихъ, до той поры,

---

⁽¹⁾ Тренделенбургъ объясняетъ это мѣсто такъ: «Ломаная линія образовалась изъ прямой и потому есть нѣчто позднѣйшее, въ основѣ чего лежитъ прямая, какъ нѣчто болѣе раннее. Когда линія ломаная выпрямляется, то возстановляется ея принципъ и ея причина; подобнымъ же образомъ поступаетъ умъ, когда познаетъ сущность какой-либо вещи и, устраняя все случайное, возстановляетъ ее въ ея полномъ достоинствѣ». Kirchn, Arist. Ueber die Sele. Nota 244.

пока не мыслить ихъ. Онъ долженъ находиться въ такомъ же положеніи, въ какомъ письменная дощечка, на которой въ дѣйствительности нѣтъ ничего написаннаго. Таковъ и есть дѣйствительно умъ. 12) Т. о. самъ умъ мыслимъ точно также, какъ и все мыслимое, потому что въ области безтѣлесныхъ формъ мыслящее и мыслимое тождественны, — умозрительное знаніе и умозрительно познаваемое суть одно и то же. Остается теперь отыскать причину, почему умъ не мыслить постоянно. Дѣло въ томъ, что въ предметахъ матеріальныхъ мыслимое находится только въ возможности, такъ что умъ не присуць имъ, (потому что умъ есть нематеріальная возможность этихъ самыхъ предметовъ), но самому ему мыслимое присуць (¹).

Г л а в а V.

1) Поелику во всей природѣ есть нѣчто, составляющее матерію предметовъ каждаго рода, нѣчто такое, что въ возможности заключаетъ въ себѣ всѣ предметы, затѣмъ—причина и дѣятельная сила, всѣ ихъ производящая, относящаяся къ нимъ напр. какъ искусство къ перерабатываемому матеріалу,—то необходимо чтобы и въ душѣ существовали эти различныя стороны. И таковъ дѣйствительно умъ: онъ можетъ стать всѣмъ и все произвести, какъ нѣкоторая сила напр. свѣтъ, потому что свѣтъ въ нѣкоторомъ родѣ превращаетъ, въ возможности существующіе цвѣта, въ цвѣта дѣйствительные. Этотъ умъ существуетъ отдѣльно, не причастенъ страданію, простъ (*ἀμιγής*), будучи по природѣ чистою силою. 2) Потому что дѣйствующее всегда выше страдающаго и основа выше вещества. Дѣйствительное знаніе тождественно съ предметомъ познаваемымъ; знаніе въ возможности у недѣлимаго существуетъ прежде по времени, вообще же оно не подлежитъ условіямъ времени. Дѣло въ томъ, что умъ не есть въ одно время мыслящій, въ другое—не мыслящій. Умъ отдѣленъ только въ своей сущности и только съ этой стороны онъ безсмертенъ и вѣченъ (²). Не-

(¹) *Ενεῖναι δὲ τὸ νοητὸν ὑπάρξει*. Ср. *Metaph.* II, 7—9.

(²) Ср. *Lib.* 1, с. 4, § 14; *Metaph.* XII, с. 3; *Ethic. ad Nicom.* X, с. 7.

чего и упоминать о томъ, что онъ непричастенъ страданію; страдательный же умъ преходящъ и безъ перваго ничего не можетъ мыслить.

Г л а в а VI.

1) Мышленіе о недѣлимыхъ относится къ такимъ, гдѣ нѣтъ заблужденія; заблужденіе и истина являются только при сочетаніи нѣкоторыхъ мыслей въ одно цѣлое. Какъ по словамъ Эмпедокла: „головы многихъ существъ выросли безъ шей“, потомъ силою любви соединились съ ними, такъ и въ мышленіи сочетается различное, напр. несоизмѣримость и діаметръ. 2) Когда мыслится прошедшее или будущее, тогда мыслится съ тѣмъ вмѣстѣ время и входитъ въ сочетаніе. Заблужденіе всегда существуетъ въ сочетаніи: такъ даже, когда бѣлое мыслится небѣлымъ—съ мыслью о бѣломъ соединяется мысль о небѣломъ. Можно также все назвать раздѣленіемъ. Однакоже можетъ быть истина или заблужденіе не только въ томъ, что Клеанѳъ бѣлъ, но и въ томъ, что онъ былъ или будетъ бѣлъ. То, чѣмъ все это отдѣльное приводится къ единству, есть умъ.—3) Такъ какъ недѣлимое двояко понимается, какъ недѣлимое въ возможности и недѣлимое въ дѣйствительности, то ничто не препятствуетъ уму, мысля протяженіе, мыслить его недѣлимымъ⁽¹⁾, потому что оно недѣлимо въ дѣйствительности и въ недѣлимое время; подобно протяженію и время дѣлимо и недѣлимо. Потому нельзя сказать, что именно мыслится умомъ въ каждой половинѣ, потому что, прежде раздѣленія, половины нѣтъ; она существуетъ только въ возможности. Когда же мыслится отдѣльно каждая половина, вмѣстѣ съ тѣмъ раздѣляется и время и тогда онѣ мыслятся, какъ два протяженія. Если же предметъ мыслится состоящимъ изъ двухъ половинокъ, то онъ мыслится и во время состоящее изъ двухъ, соответственныхъ половинокъ. 4) Въ недѣлимое время и недѣлимою частью души мыслится недѣлимое не по количеству, а по виду, но только случайно, и не въ силу того, что то, чѣмъ мыслится и время, въ которое мыслится — дѣлимы, а въ силу того, что недѣлимы. Ибо имъ присуще нѣчто недѣлимое, хотя повидимому неотдѣлимое, что дѣлаетъ единымъ и время и про-

(1) Т. е. нераздѣленнымъ или сплошнымъ.

тяженіе. Такъ бываетъ и во всемъ сплошномъ по времени или по протяженію. 5) Точка и всякая часть дѣленія разсматриваются какъ недѣлимое черезъ отрицаніе. Тоже самое нужно сказать и относительно всѣхъ другихъ предметовъ, напр. относительно того, какъ познается злое или черное; познаются они въ нѣкоторомъ родѣ черезъ противоположное. 6) Познающее же должно быть въ возможности тѣмъ и другимъ и противоположности должны въ немъ содержаться⁽¹⁾. Если же какая-либо изъ причинъ не имѣетъ противоположнаго, то она познаетъ сама себя, есть дѣйствительность и отдѣленное⁽²⁾. 7) Предложеніе высказываетъ что-нибудь о чемъ-нибудь, напр. въ формѣ утвержденія, и бываетъ истиннымъ или ложнымъ цѣликомъ; но умъ не всегда бываетъ такимъ: мысль о сущности предмета, выражающая его природу, всегда истинна, выражающая же нѣчто о чемъ-нибудь,—не всегда. Такъ, воспріятіе зрѣніемъ того, что свойственно воспринимать этому чувству всегда истинно; когда же является сужденіе, что бѣлое есть человѣкъ или нечеловѣкъ, оно не всегда можетъ быть истиннымъ. Тоже самое имѣетъ мѣсто и въ мысляхъ относительно предметовъ невещественныхъ.

Г л а в а VII.

1) Знаніе дѣйствительное тождественно съ предметомъ познаваемымъ; знаніе въ возможности въ индивидуумѣ существуетъ по времени прежде предмета, вообще же, и по времени,—не прежде; ибо все возникающее происходитъ изъ дѣйствительно сущаго. Повидимому, ощущаемый предметъ производить изъ существующаго въ возможности ощущающаго дѣйствительное ощущеніе; ибо начало ощущающее не страдаетъ и не подвергается измѣненію. Потому ощущеніе есть особый видъ движенія. Движеніе, какъ было сказано, есть дѣйствіе несовершеннаго, просто же дѣйствіе принадлежитъ совершенному и есть нѣчто иное. 2) Ощущеніе похоже на

⁽¹⁾ Такъ передаютъ Б. Сентъ-Илеръ, Кирхманъ и Торстрикъ это темное мѣсто, которое читается такъ: *δει δε δύναμις εἶναι τὸ γνωρίζον καὶ ἐνεῖναι ἐν αὐτῷ.*

⁽²⁾ *καὶ ἐνεργεία ἐστὶ καὶ χωριστόν.*

простое говореніе и мышленіе ⁽¹⁾: когда же оно пріятно или непріятно, то возбуждаетъ стремленіе или отвращеніе, которыя похожи на утвержденіе и отрицаніе, и самое удовольствіе или неудовольствіе есть дѣйствіе ощущающей среды по отношенію къ добру или злу, какъ такимъ. При этомъ отвращеніе и стремленіе въ дѣйствительности тождественны съ этимъ дѣйствіемъ и стремящееся, какъ и отвращающееся, не разнятся ни другъ отъ друга, ни отъ ощущающаго, но способъ ихъ бытія различенъ.

3) Для души разсуждающей образы воображенія замѣняютъ ощущенія: утверждая или отрицая благо или зло, она тоже стремится или отвращается. И душа никогда не мыслитъ безъ образовъ, такъ же точно, какъ глазъ измѣняется опредѣленнымъ образомъ подъ вліяніемъ воздуха, но не одно и тоже съ нимъ; подобнымъ же образомъ и слуховой органъ. Последнее же единое есть одна среда, но ея видоизмѣненія многоразличны. 4) Какимъ образомъ душа судитъ, что сладкое отличается отъ теплаго, объяснено прежде; тоже можетъ быть сказано и здѣсь. Различающее есть нѣчто единое и притомъ какъ-бы предѣльное (*ὡς ὄρος*). И образы объединяются и стоятъ по числу и по связи другъ съ другомъ въ точно такомъ же отношеніи, какъ соотвѣтствующія имъ ощущенія между собою. Какимъ образомъ здѣсь происходитъ сужденіе о сходномъ и противоположномъ, это также трудно рѣшить, какъ и относительно различенія бѣлаго отъ чернаго. Пусть А—бѣлое находится въ извѣстномъ отношеніи къ В—черному; тогда С будетъ также относиться къ D, какъ А къ В и наоборотъ ⁽²⁾. Т. о. если С D суть свойства одного и того же предмета, то они будутъ также относиться между собою какъ АВ: они одно и единое, но въ бытіи различны и т. п. То же самое получится, если А будетъ значить сладкое, а В—бѣлое. 5) Мыслящее начало ⁽³⁾ получаетъ общія идеи изъ образовъ воображенія и такъ какъ въ нихъ опредѣляетъ

⁽¹⁾ *ὁμοίον τῷ φάναι μόνον καὶ νοεῖν*. Ср. *Hermen.* IV, 1; *Cathec.* IV, 1.

⁽²⁾ Здѣсь опущено объясненіе значенія С и D и получается неясность; но стоитъ только указать, что С есть идея или образъ бѣлаго, а D—чернаго, и дѣло становится яснымъ.

⁽³⁾ *τὸ νοητικόν*.

ся для него то, къ чему должно стремиться и чего отвращаться, то и въ отсутствіи ощущеній, имѣя дѣло съ одними образами, оно производитъ движенія. Такъ ощущая, что сигнальный факель зажженъ, и, воспринимая общимъ чувствомъ, что онъ находится въ движеніи, душа узнаетъ, что непріятель вблизи. 6) Иногда мыслящее начало, при посредствѣ образовъ или общихъ идей, какъ бы видя на самомъ дѣлѣ, обдумываетъ и располагаетъ будущее на основаніи настоящаго и, сознавая близкое наступленіе удовольствія или страданія, стремится или отвращается въ силу этого и, вообще, располагаетъ свою дѣятельность. Стоящее внѣ области дѣйствія, истинное и ложное — одного рода съ добрымъ и злымъ; но они разнятся тѣмъ, что первое безотносительно таково, послѣднее же по отношенію къ кому-нибудь (¹). 7) Отвлеченные предметы мыслятся также напр. какъ курносость (²), — то какъ курносость въ собственномъ смыслѣ, нераздѣльно, то какъ вогнутость отвлечено, безъ тѣла, въ которомъ находится вогнутость. Такъ, мысля математическія фигуры, умъ мыслить ихъ какъ нѣчто отдѣльное отъ тѣлъ, хотя онѣ не отдѣлимы.

8) Вообще умъ, когда онъ дѣйствительно мыслить тождественъ съ предметами. Можетъ ли онъ, будучи неотдѣлимъ отъ величины, мыслить вещи отдѣленные, объ этомъ послѣ.

Г л а в а VIII.

1) Теперь, объединяя все сказанное о душѣ, повторимъ, что душа въ нѣкоторомъ родѣ есть все, что существуетъ. Будетъ ли существующее ощущаемымъ или мыслимымъ, — знаніе есть въ нѣкоторомъ родѣ и познаваемое, ощущение есть и ощущаемое. Какимъ это образомъ, нужно изслѣдовать.

2) Знаніе и ощущение раздѣляются на предметы, — ощущение и знаніе въ возможности на предметы въ возможности, знаніе и ощущение дѣйствительное на предметы дѣй-

(¹) ἀλλὰ τῷ γ' ἀπλῶς διαφέρει καὶ τινι.

(²) τὸ συμὸν.

ствительные. Но ощущающее и познающее начала души въ возможности одно и то же—послѣднее—относительно познаваемаго, первое—относительно ощущаемаго. При этомъ необходимо, чтобы начало это состояло изъ самыхъ предметовъ или изъ ихъ формъ. Изъ самыхъ предметовъ оно не состоитъ, потому что въ душѣ находится не камень, а форма камня, такъ что душа имѣетъ сходство съ рукою: какъ рука есть орудіе орудій, такъ и умъ форма формъ, а ощущеніе форма всего ощущаемаго. 3) Такъ какъ нѣтъ, повидимому, предмета, который бы существовалъ независимо отъ ощущаемой величины, то мыслимое дается въ ощущаемыхъ формахъ, и при томъ, какъ отвлеченное, такъ и то, которое относится къ состояніямъ и измѣненіямъ ощущаемаго. Потому существо, не имѣющее никакихъ ощущеній, ничего не можетъ познать и понять. Созерцаніе чего-либо умомъ, необходимо, есть съ тѣмъ вмѣстѣ созерцаніе какого-либо образа воображенія: образы воображенія замѣняютъ при этомъ ощущаемые предметы, только безъ вещества. Воображеніе также отличается отъ утвержденія и отрицанія, потому что только сочетаніе мыслей заключаетъ въ себѣ истину или заблужденіе. Но чѣмъ отличаются отъ образовъ воображенія первыя понятія? Они не суть образы, но безъ образовъ возникнуть не могутъ.

Г л ѡ в а IX.

1) Душа животныхъ опредѣлена двумя способностями,—способностію различенія, которое совершается въ мышленіи и ощущеніи, и способностію производить движеніе въ пространствѣ. Изслѣдованіе ощущенія и ума сдѣлано въ предыдущемъ. Теперь нужно разсмотрѣть относительно движущаго начала: что оно такое въ душѣ? Есть ли оно одна какая-либо часть души, отдѣлимая по величинѣ, или отдѣлимая только въ отвлеченіи; или обнимаетъ всю душу? Если это начало есть какая-либо часть души, то есть ли оно нѣчто особое, сверхъ тѣхъ частей, какія обыкновенно указываются и о какихъ мы говорили, или одна изъ нихъ?

2) Здѣсь немедленно возникаетъ затрудненіе: въ какомъ смыслѣ должно говорить о частяхъ души и сколько ихъ признавать. Повидимому ихъ существуетъ безчисленное множе-

ство, а не тѣ только, о коихъ говорятъ люди, различающіе въ душѣ части разумную, страстную и чувственную, также тѣ, кои различаютъ части разумную и неразумную. Уже по тѣмъ признакамъ, какими выдѣляются эти части, открываются другія, значительно разнящіяся отъ перечисленныхъ, части, о коихъ мы уже говорили—именно: растительная, присущая растеніямъ и всѣмъ животнымъ, и ощущающая, которую трудно причислить, какъ къ неразумному, такъ и разумному началу. 3) Кромѣ того и относительно воображающаго начала, которое отличается отъ всѣхъ по способу своего бытія, возникаетъ большое затрудненіе для того, кто признаетъ существованіе отдѣльныхъ частей души: съ какою изъ указанныхъ частей его отождествить или отъ какихъ отличить? Сверхъ того существуетъ желательное начало, отличающееся, какъ кажется, и по содержанію и по дѣятельности, отъ всѣхъ другихъ. Его нелѣпо отдѣлять отъ другихъ, потому что въ началѣ разумномъ возникаетъ хотѣніе, въ неразумномъ чувственное пожеланіе и страсть (*ἔνθος*): если признать душу тройственной, то желаніе окажется въ каждой изъ трехъ ея частей.

4) Обратимся къ тому, о чемъ теперь начата рѣчь: чѣмъ производится движеніе животнаго въ пространствѣ? Движеніе, которымъ производится увеличеніе и уменьшеніе животнаго, присущее всѣмъ, совершается, повидимому, тоже присущимъ всѣмъ началомъ рожденія и питанія. О дыханіи и выдыханіи, о снѣ и бодрствованіи нужно сдѣлать изслѣдованіе послѣ: и относительно ихъ возникаетъ много затрудненій. 5) Остается разсмотрѣть здѣсь движеніе въ пространствѣ и то, въ чемъ состоитъ сила, производящая перемѣщеніе животнаго въ пространствѣ. Что оно производится не силою, производящею питаніе, — это очевидно, потому что перемѣщеніе въ пространствѣ всегда совершается ради чего-нибудь, возникаетъ ли оно подъ вліяніемъ воображенія или стремленія, такъ какъ безъ стремленія и отвращенія нѣтъ движенія, или есть движеніе насильственное. Кромѣ того, въ этомъ случаѣ и растенія были бы способными къ движенію и имѣли бы какой-либо органъ для такого движенія. 6) Подобнымъ же образомъ, движеніе не можетъ производиться силою ощущающею; ибо многія животныя, имѣющія ощущеніе, остаются прикрѣпленными къ мѣсту и совершенно неподвижны. Если природа не дѣлаетъ ничего излишня-

го, то она и не опускаетъ ничего необходимаго, развѣ только въ существахъ недоразвившихся и изуродованныхъ. Но упомянутыя животныя вполне сформированы и не заключаютъ въ себѣ уродства, признакомъ чего служитъ то, что онѣ способны къ воспроизведенію рода, достигаютъ зрѣлости и подвержены увяданію. Они должны бы имѣть органы, приспособленные къ поступательному движенію. 7) И сила разумная, такъ называемый умъ, не есть движущая сила; потому что умъ созерцательный не заключаетъ въ своей дѣятельности ничего практическаго и не рѣшаетъ, чего нужно избѣгать или къ чему стремиться, между тѣмъ какъ движеніе есть дѣйствіе чего-либо отвращающагося или стремящагося. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда умъ созерцаетъ что-либо подобное, онъ не повелѣваетъ избѣгать или преслѣдовать. Напр. часто онъ размышляетъ о чемъ-нибудь страшномъ или пріятномъ, но страха при этомъ не является, а приходитъ въ движеніе сердце, или другая какая-либо часть, въ случаѣ размышленія о пріятномъ. 8) Кромѣ того, когда умъ повелѣваетъ что-либо и размышленіе заставляетъ чего-либо избѣгать или что-либо преслѣдовать, — движенія иногда не бываетъ въ этомъ направленіи и дѣйствіе совершается подъ вліяніемъ чувственнаго желанія, какъ напр. у невоздержнаго. И вообще, мы видимъ, что напр. знающій врачебное искусство тѣмъ самымъ не превращается въ лѣчащаго болѣзни, такъ какъ нѣчто другое вызываетъ дѣйствіе соотвѣтствующее знанію, а не само знаніе. И желаніе не есть источникъ этого движенія, потому что воздержные люди, имѣя желаніе и чувственные потребности, не дѣйствуютъ по внушенію ихъ, а слѣдуютъ разуму.

Г л а в а X.

1) Движеніе, повидимому, производится двумя силами — или желаніемъ (*ὄρεξις*), или умомъ, если признать воображеніе своего рода мыслительною дѣятельностію. Ибо и люди весьма часто, вопреки знанію, слѣдуютъ образамъ воображенія, а у другихъ животныхъ нѣтъ ни разсудка, ни разума, а одно воображеніе. Т. о. обѣ силы — умъ и желаніе служатъ источникомъ движенія въ пространствѣ. 2) Но здѣсь разумѣется умъ, размышляющій о для чего и направленный

къ дѣйствию, который отличается отъ теоретическаго своимъ направлениемъ къ цѣли. И всякое желаніе имѣетъ цѣль, а то, чего оно есть желаніе, становится основою практическаго ума и есть послѣдняя основа дѣствія. Такимъ образомъ по всей справедливости можно считать производителями движенія указанныя два начала—желаніе и практическое мышленіе. Сила возбуждающая желаніе производитъ движеніе, а черезъ нее становится двигателемъ и мысль, потому что ея основою въ этомъ случаѣ служитъ предметъ желанія. 3) И воображеніе, когда оно производитъ движеніе, производитъ его не безъ участія желанія. Итакъ движущее есть нѣчто единое, т. е. желаніе; если же движеніе производится двумя — умомъ и желаніемъ, то производится ими въ силу нѣкоторой общей имъ формы. Умъ, повидимому не можетъ производить движенія безъ желанія; ибо хотѣніе есть желаніе, и когда движеніе происходитъ силою мысли, оно въ то же время совершается и силою хотѣнія. Потребность можетъ производить движеніе безъ участія мысли, ибо она есть нѣкоторое желаніе.

4) Умъ всегда правъ (*ὀρθός*); желаніе же и воображеніе бывають и правыми и неправыми. Желаніе потому всегда производитъ движеніе, но приводитъ или къ благу дѣйствительному, или къ благу кажущемуся и притомъ не ко всякому благу, а только благу, осуществляемому въ дѣствіи. А осуществляемое въ дѣствіе благо таково, что оно можетъ быть и инымъ.

5) Итакъ, ясно, что движеніе производится тою силою души, которая называется—желаніемъ. Тѣмъ, которые раздѣляютъ душу на части, когда они раздѣляютъ и различаютъ ее по способностямъ, приходится признать весьма большое ихъ количество: питающую, ощущающую, мыслящую, хотящую и наконецъ желающую. Ибо всѣ они настолько же разнятся другъ отъ друга, насколько желательное и страстное начала.

6) Желанія бывають противоположными другъ другу. Это въ тѣхъ случаяхъ, когда вступаютъ въ противорѣчіе разумъ и чувственная потребность, а это бываетъ у существъ, имѣющихъ чувство времени (разумъ требуетъ воздержанія въ виду будущаго, а чувственность руководится удовольствіемъ, потому что ей кажется настоящее удовольствіе удовольствіемъ дѣйствительнымъ и дѣйствительнымъ благомъ,

въ силу того, что ей недоступно будущее). По формѣ движущее есть какъ-бы единое,—именно начало желающее, какъ желающее, по числу же движущихъ много. Но первое изъ всѣхъ движущихъ есть предметъ желанія (онъ именно производитъ движеніе, самъ не двигаясь, въ силу того, что мыслится или воображается). 7) Здѣсь существуютъ три дѣятели: первый — движущее, второй — орудіе движенія, третій — движимое. Движущее въ свою очередь двойко: одно неподвижно, другое и движетъ и само движимо. Недвижимое есть практическое благо; движущее и движимое есть желательное начало (ибо желающее находится въ движеніи, когда желаетъ и желаніе, какъ дѣйствіе, есть нѣкотораго рода движеніе); движимое есть животное. Орудіе, черезъ которое желаніемъ производится движеніе есть уже нѣчто тѣлесное; потому изслѣдованіе его нужно отнести къ дѣйствіямъ общимъ тѣлу и душѣ ⁽¹⁾. 8) Здѣсь мы укажемъ только на главное. Органъ движенія есть нѣчто такое, въ чемъ начало совпадаетъ съ концомъ, какъ въ сочлѣненіи, гдѣ есть выпуклость и вогнутость, и одна изъ нихъ есть конецъ, другая — начало; потому когда одна часть покоится, другая движется. Части эти различны въ отвлеченіи, но какъ цѣлое они нераздѣльны. Все приводится въ движеніе толчкомъ, или же привлеченіемъ; потому, какъ при образованіи круга, нѣчто должно быть въ покоѣ и служить исходнымъ пунктомъ движенія.

9) Вообще, какъ мы сказали, животное настолько само себя движетъ, настолько оно обладаетъ способностью желанія. Способность желательная не существуетъ безъ воображенія; воображеніе же связано или съ мыслительною дѣятельностію, или съ ощущеніемъ. Послѣднимъ обладаютъ всѣ другія животныя.

Г л а в а XI.

1) Нужно сдѣлать теперь изслѣдованіе относительно несовершенныхъ животныхъ, у которыхъ существуетъ только одно чувство—осязаніе, чѣмъ у нихъ производится движеніе? есть ли у нихъ воображеніе и чувственное пожеланіе? Стра-

(1) 6 гл. *περὶ ζῶων κινήσεως.*

даніе и удовольствіе, повидимому, присуци имъ, а если такъ, то у нихъ необходимо должно быть и чувственное пожеланіе. Въ какомъ видѣ можетъ быть у нихъ воображеніе? Такъ какъ у нихъ существуютъ только неопредѣленные движенія, то у нихъ есть воображеніе, но въ неопредѣленной формѣ. 2) Дѣйствительно, воображеніе, связанное съ ощущеніемъ, какъ мы уже сказали, существуетъ и у неразумныхъ животныхъ, но воображеніе, связанное съ хотѣніемъ, есть только у существъ разумныхъ. Ибо опредѣленіе того, какъ поступать въ томъ или другомъ случаѣ, есть дѣло разума и оцѣнка производится, когда преслѣдуется большее благо, необходимо, единымъ, способнымъ сдѣлать изъ многихъ образовъ воображенія одинъ. По той же причинѣ у несовершенныхъ животныхъ нѣтъ, повидимому, мнѣнія, такъ какъ они не способны къ умозаключенію, а мнѣніе имѣетъ въ своей основѣ — умозаключеніе. 3) Потому же и желаніе не заключаетъ въ себѣ хотѣнія. Иногда впрочемъ оно одерживаетъ побѣду надъ хотѣніемъ и направляетъ его, иногда же наоборотъ: съ случаѣмъ невоздержанія одно стремленіе увлекается другимъ какъ сфера сферою. По природѣ, берущее верхъ всегда господствуетъ и двигаетъ, такъ что движеніе происходитъ уже тремя способами. 4) Начало познающее не движется, но пребываетъ въ покоѣ. Такъ какъ предложеніе есть или общее и отвлеченное, или частное (одно говоритъ, что такой-то человѣкъ долженъ поступать такъ-то, другое, что я—такой-то, теперь долженъ поступать такъ-то), то движетъ частное—мнѣніе, а не общее, если они двигаютъ вмѣстѣ, то послѣднее остается скорѣе въ покоѣ, а первое нѣтъ.

Г л а в а XII.

1) Все, что живетъ и имѣетъ душу необходимо должно имѣть душу питающую съ самаго рожденія и до смерти. Ибо родившееся необходимо должно расти, достигать зрѣлости и увяданія, а все это невозможно безъ питанія. 2) Ощущеніе же не присуще съ необходимостью всѣмъ живымъ существамъ. Живыя существа, имѣющія простое тѣло, не имѣютъ осязанія, (хотя ни одно животное не можетъ быть безъ него); не имѣютъ его также существа неспособныя къ воспріятію формъ безъ вещества. 3) Животное же необходимо

должно имѣть ощущеніе, если вѣрно то, что природа не производитъ ничего напрасно; въ природѣ все существуетъ для чего-нибудь, или служить условіемъ существующаго для чего-нибудь. Если бы тѣло, одаренное произвольнымъ движеніемъ, не имѣло ощущенія, оно погибло бы и не достигло бы своей цѣли, предназначенной ему природою. Какимъ образомъ оно могло бы тогда добывать себѣ пищу? Существа же прикрѣпленныя къ одному мѣсту имѣютъ средства существованія готовыми. 4) Также не можетъ быть, чтобы возникшее и неприкрѣпленное къ одному мѣсту тѣло, имѣющее при томъ душу и умъ различающій, — не имѣло ощущенія. И ради чего не имѣло бы оно ощущенія (¹)? Лучше было бы отъ этого или для тѣла, или для души. Но ни того ни другаго допустить нельзя; ибо душа не будетъ лучше мыслить при этомъ и тѣлу отъ этого нѣтъ никакой выгоды. Итакъ ни одно тѣло, имѣющее душу и неприкрѣпленное къ мѣсту, не существуетъ безъ ощущенія. 5) Тѣло, одаренное ощущеніемъ, должно быть простымъ, или сложнымъ. Простымъ оно быть не можетъ, потому что тогда оно не имѣло бы осязанія, которое вполне необходимо. 6) Необходимость осязанія очевидна изъ слѣдующаго. Всякое животное есть одушевленное тѣло, а всякое тѣло есть нѣчто осязаемое; осязаемое же открывается въ осязательномъ ощущеніи. Отсюда для самаго существованія животнаго становится необходимымъ, чтобы тѣло его было одарено способностію осязанія. Ибо всѣ другія чувства ощущаютъ черезъ посредство

(¹) Въ изданіи Дидо и большинствѣ другихъ это мѣсто читается такъ: *ἀλλὰ μὴν δ' ἂν ἀγένητον· διὰ τὴν γὰρ ἔξει* etc. Кархманъ, слѣдуя этому чтенію, даетъ такой смыслъ: wohl aber kann dies bey den ewigen Körpern stattfinden. Но уже Симплицій замѣтилъ, что *ἀλλὰ μὴν δ'...* есть вставка и не идетъ къ дѣлу. Б. С. Илеръ слѣдуетъ ему, читая *ἔξει* съ отрицаніемъ. Торстрикъ, опуская *ἀλλ' ἂν* etc... читаетъ: *διὰ τὴν δε ἔξει* безъ отрицанія и относитъ *ἔξει* къ *νῆς κριτικὸν*, отчего выходитъ новый смыслъ, трудно допустимый по самой конструкціи рѣчи и ходу мысли у Аристотеля. Мы слѣдуемъ Симплицію. Вѣрно ли это—рѣшить трудно. Во всякомъ случаѣ получается весьма определенный и простой смыслъ и все имѣетъ видъ доказательства а *causa tipale* изъ котораго слѣдуетъ *οὐθὲν ἄρα ἔχει ψυχὴν* etc. При всякомъ другомъ чтеніи положеніе Аристотеля остается безъ доказательства и заключеніе вовсе не слѣдуетъ изъ предъидущаго.

другихъ тѣлъ, какъ напр. обоняніе, зрѣніе, слухъ; въ осязаніи ощущеніе возникаетъ при непосредственномъ соприкосновеніи и, если его не будетъ, то невозможно будетъ одного избѣгать, другое привлекать, а слѣд. невозможно и самое сохраненіе животнаго. 7) Потому-то и вкусъ есть нѣкотораго рода осязаніе: вкусъ возбуждается пищею, а пища есть осязаемое тѣло. Звукъ, цвѣтъ, запахъ не питаютъ, не производятъ ни увеличенія ни уменьшенія тѣла. Такъ что вкусъ необходимо долженъ быть осязаніемъ, потому что онъ есть ощущеніе осязаемаго питательнаго вещества. Эти ощущенія, т. е. осязательное и вкусовое, необходимы для животнаго и отсюда очевидно, что безъ осязанія ни одно животное существовать не можетъ. 8) Другія ощущенія существуютъ тоже для блага животнаго, но принадлежатъ не всѣмъ родамъ животныхъ, необходимы только для животныхъ, одаренныхъ способностію перемѣщенія въ пространствѣ: для своего сохраненія эти послѣднія должны ощущать не только при непосредственномъ соприкосновеніи, но и издали. А это достигается способностію ощущать черезъ среду, при чемъ предметъ ощущаемый измѣняетъ и приводитъ въ движеніе среду, а она дѣйствуетъ уже на чувство. 9) Такъ сила, производящая движеніе животнаго въ пространствѣ, дѣйствуетъ, производя перемѣщеніе его; толчекъ заставляетъ другое тѣло производить толчекъ и движеніе производится посредствомъ передачи: при этомъ первое движущее производитъ толчокъ, само не будучи толкаемо, послѣднее только воспринимаетъ толчекъ, не производя его, посредствующее же и воспринимаетъ и производитъ толчекъ, а такихъ посредствующихъ можетъ быть большое количество. Тоже самое бываетъ при измѣненіи, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда измѣняющійся предметъ остается на томъ же мѣстѣ. Напр. когда нѣчто погружается въ воскъ, этотъ послѣдній движется до того предѣла, до какого происходитъ погруженіе; въ камнѣ никакого движенія не происходитъ, а движеніе воды идетъ весьма далеко.

Г л а в а XIII.

1) Итакъ очевидно, что тѣло животнаго не можетъ быть простымъ, т. е. состоящимъ изъ одного огня или одного воздуха; ибо безъ осязанія оно не можетъ имѣть никакого

другаго чувства и всякое одушевленное тѣло должно потому обладать осязаніемъ, какъ это было объяснено. За исключеніемъ земли, всѣ другія простыя тѣла могутъ быть органами ощущенія: всѣ они дѣлаютъ чувства способными ощущать черезъ иное и черезъ среду; но осязаніе возникаетъ изъ непосредственнаго соприкосновенія съ предметами, откуда и самое его названіе (¹). И хотя всѣ другія органы чувствъ ощущаютъ тоже путемъ соприкосновенія, но черезъ другое тѣло; одно только осязаніе, повидимому, ощущаетъ непосредственно (*δι' αὐτῆς*). Такимъ образомъ тѣло животнаго не можетъ состоять изъ одной какой-либо изъ упомянутыхъ стихій. Но оно также не можетъ состоять изъ земли; ибо осязаніе есть какъ-бы средоточіе всего доступнаго черезъ соприкосновеніе и органъ его способенъ воспринимать не только свойства земли, но также свойства теплаго, холоднаго и всѣхъ другихъ доступныхъ осязанію свойствъ. Въ силу этого мы не можемъ ощущать костями, волосами и другими подобными частями тѣла, такъ какъ они состоятъ изъ земли. Потому же самому растенія не имѣютъ никакого ощущенія, какъ состояши изъ земли. Безъ осязанія не можетъ быть никакого другаго ощущенія и органъ осязанія не состоитъ ни изъ земли, ни изъ другой какой-либо стихіи. 2) Очевидно, что животныя, лишившись одного этого чувства, необходимо умираютъ и не можетъ быть, чтобы существо имѣющее это чувство, не было животнымъ, также, для того чтобы быть животнымъ, существу не нужно никакого другаго чувства, кромѣ этого. Вслѣдствіе этого чрезмѣрная сила всѣхъ другихъ дѣятелей, возбуждающихъ ощущеніе, какъ напр. цвѣта, звука, запаха не разрушаютъ самое животное, а только соотвѣтствующіе органы и при томъ не прямо и непосредственно, а въ силу того, что напр. при звукѣ происходитъ сотрясеніе и ударъ, а при зрительныхъ и обонятельныхъ ощущеніяхъ приводится въ движеніе нѣчто такое, что разрушаетъ органъ, дѣйствуя на осязаніе; вкусъ дѣйствуетъ разрушительно тоже черезъ посредство осязанія. 3) Но чрезмѣрная сила дѣятелей, возбуждающая осязаніе, напр. теплоты, холода, сухости, причиняетъ животному смерть; ибо всякая чрезмѣрность ощущаемаго разруша-

---

(¹) Ἐφ' ἧς ἀπὸ τοῦ ἄλλου.

еть соотвѣтствующій органъ, слѣдовательно чрезмѣрность осязаемаго разрушаетъ осязаніе, а имъ опредѣляется самая жизнь животнаго, потому что, какъ было доказано, животное не можетъ быть безъ осязанія. Потому-то чрезмѣрная сила осязаемаго разрушаетъ не только органъ, но самое животное, такъ какъ одно чувство осязанія вполнѣ необходимо для жизни животнаго. Какъ было уже сказано, другія ощущенія существуютъ у животнаго не ради сохраненія его жизни, а съ цѣлю ея улучшенія (1). Такъ зрѣніе существуетъ для того, чтобы животныя могли видѣть, такъ какъ они обитаютъ въ воздухѣ, водѣ и вообще въ средахъ прозрачныхъ; вкусъ для того, чтобы животное чувствовало пріятность и непріятность пищи, испытывало желанія и возбуждалось къ движенію; слухъ для того, чтобы оно само узнавало состояніе другихъ, а языкъ для того, чтобы другихъ передавать свои собственные состоянія.

20022

(1) οὐ τοῦ εἶναι ἐνεκα, ἀλλὰ τοῦ εὖ.

ОПЕЧАТКИ

Напечатано:

Слѣдуетъ читать:

Стр.

17	отдѣлимая	отдѣлимая
19	надкрѣпляютъ	подкрѣпляютъ
21	εθ̄ ε̄ν	εφ̄ ε̄ν
23	всемъ	всѣмъ
—	или	и
24	она	онѣ
26	ихъ	изъ
33	души	душъ
35	Νῆσες	νηστις
37	не	на
41	бытіе	бытія
—	εὖ	τῷ
43	они	онѣ
44	ощущеніа	ощущенія
48	ενελεχεια	εντελεχεια
—	имѣютъ	имѣетъ
51	Филанкопа	Филиппона
56	движеніа	движеніе
57	движащіяся	движущіяся
61	тахъ	такъ

Складъ изданія у книгопродавца А. А. Дубровина въ Казани.